

№ 1
●
2021

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
МЕЖДУНАРОДНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

ISSN 2412-9798

16+

№ 1
(25)

16+

2021

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛИ:

ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:

ЭЛ № ФС 77 - 76198
от 19 июля 2019 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 30.03.2021
Размещен в сети Интернет: 31.03.2021

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Заместитель главного редактора:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающий редактор:

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЬ

Виталий Вячеславович

кандидат исторических наук, начальник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

БЫЧКОВА

Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

ГУЦАЛОВ

Александр Анатольевич

ответственный секретарь редакции, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

КОСТИНА

Наталья Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

НАУМЕНКО

Владимир Емельянович

кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АБДУЛЛАЕВА Рена Габиб кызы	доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом культурологии Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика
АКАЕВ Вахит Хумидович	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация
АРАКЕЛОВА Александра Олеговна	доктор искусствоведения, ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
БОЛААН Маицео Мгадла	PhD в области истории, доцент кафедры истории гуманитарного факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана
ВЛАДИМИРСКИ Ирена	PhD в области истории, профессор, заведующая кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва, Ахва, Государство Израиль
ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич	доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация
ДЕМИН Вадим Петрович	действительный член Российской академии образования, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь отделения образования и культуры Российской академии образования, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
ДЖИВЕНСКА Малгожата Цецилия	Ph. D. в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», Вроцлав, Республика Польша
КУДРЯВЦЕВ Александр Абакарович	доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ставрополь, Российская Федерация
КУМАР Капил	профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, Нью-Дели, Республика Индия
КУПЦОВА Ирина Валентиновна	доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
МАКГАЛА Кристиан Джон	Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана
МАТВЕЕВ Олег Владимирович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, Краснодар, Российская Федерация
НЕРЕТИН Олег Петрович	доктор экономических наук, директор Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

НИСТОЦКАЯ Марина Сергеевна	Ph. D. в области политологии, старший преподаватель кафедры политологии; научный сотрудник Института качества государственного управления Гётеборгского университета, Гётеборг, Королевство Швеция
ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна	доктор философских наук, научный сотрудник Института философии Университета Зелена Гура, Зелена Гура, Республика Польша
ПАТИНЬО Хуан Карлос	доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты
ПЕТРОВ Владимир Михайлович	доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, Москва, Российская Федерация
ПРАБХАКАРА Джантхьяло Рао	профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, Хайдарабад, Республика Индия
РАТУШНЯК Валерий Николаевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Российская Федерация
РАХАЕВ Анатолий Измаилович	доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, Нальчик, Российская Федерация
РЫБАК Кирилл Евгеньевич	доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Москва, Российская Федерация
САЛАМЗАДЕ Эртегин	доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика
ХАНГЕЛЬДИЕВА Ирина Георгиевна	доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии образования факультета педагогического образования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
ЩЕРБАКОВА Анна Иосифовна	доктор культурологии, доктор педагогических наук, ректор Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, Москва, Российская Федерация

NO.1

(25)

2021

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE RESEARCH JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDERS:

Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
“Native traditions”

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:

ЭЛ № ФС 77 - 76198

on July 19, 2019

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

Office 5, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of the
Editors, the Editorial Board
or the Publications Council.

Imposed on 30 Mart 2021
Published online on 31 Mart 2021

Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

**Deputy
Editor-in-Chief:**

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Managing Editor:

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

**By Order of the Ministry of Science and Education
of the Russian Federation No. 21-r of 12 February
2019, the electronic scientific journal *Heritage of Cen-
turies* was included into the List of Reviewed Scientific
Journals in which main scientific results of disserta-
tions for obtaining candidate (Cand. Sci.) and doctoral
(Dr. Sci.) degrees should be published.**

EDITORIAL BOARD

Vitaliy V.

BONDAR

Cand. Sci. (National History), Head, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Olga I.

BYCHKOVA

Cand. Sci. (Economics and Economic Management), Assoc. Prof., Head, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Aleksandr A.

GUTSALOV

Executive Editor, Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Anna N.

EREMEEVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Natalya A.

KOSTINA

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Vladimir E.

NAUMENKO

Cand. Sci. (National History), Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honoured Worker of Science of the Republic of Ingushetia

PUBLICATIONS COUNCIL

Rena Habib gizi
ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Culturology, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Vakhit Kh.
AKAEV

Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Aleksandra O.
ARAKELOVA

Dr. Sci. (Musical Art), Rector, Russian State Academy of Intellectual Property, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Maitseo M.M.
BOLAANE

PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Shakhrudin A.
GAPUROV

Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Cecylia Malgorzata
DZIEWIECKA

PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Republic of Poland

Vadim P.
DEMIN

Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Theatrical Art), Prof.; Academic Secretary, Department of Education and Culture, Russian Academy of Education, Honoured Art Worker of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Irina G.
KHANGELDIEVA

Dr. Sci. (Aesthetics), Prof., Department of History and Philosophy of Education, Faculty of Educational Studies, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Aleksandr A.
KUDRYAVTSEV

Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russian Federation

Kapil
KUMAR

Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New Dehli, Republic of India

Irina V.
KUPTSOVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Christian John
MAKGALA

MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Oleg V.
MATVEEV

Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Chief Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russian Federation

Oleg P.
NERETIN

Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Marina S. NISTOTSKAYA	PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science; Research Fellow, Quality of Government Institute, University of Gothenburg, Gothenburg, Kingdom of Sweden
Nadezhda Kh. ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Researcher, Institute of Philosophy, University of Zielona Góra, Zielona Góra, Republic of Poland
Juan Carlos PATIÑO	Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States
Vladimir M. PETROV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russian Federation
Jandhyala PRABHAKARA RAO	Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India
Valeriy N. RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation
Anatoliy I. RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russian Federation
Kirill E. RYBAK	Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation
Ertegin SALAMZADE	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Anna I. SHCHERBAKOVA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture; Theory and Methods of Professional Education), Rector, Moscow State Institute of Music, Moscow, Russian Federation
Irena VLADIMIRSKY	Prof., PhD in History, Head, History Department, Achva Academic College, Achva, State of Israel

СОДЕРЖАНИЕ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
МЕЖДУНАРОДНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
(РЕДАКТОРЫ О. И. БЫЧКОВА И А. А. ГУЦАЛОВ)**

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ	13
<i>Purnima Anand, Olga I. Bychkova, Alexander A. Gutsalov</i> Cultural Interaction between Russia and India: Historical Experience and Current State	13
<i>Д. Е. Челышев</i> Афанасий Никитин в Индии: историческая ретроспектива легендарного путешествия	33
<i>Н. С. Куклин, Л. В. Куклина</i> Государственная политика Индонезии по защите и сохранению культурного наследия: история и перспективы	55
<i>Н. И. Горлова</i> Организация волонтерских кампусов на объектах историко-культурного наследия в условиях пандемии COVID-19: зарубежный опыт	68
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ	76
<i>А. А. Васильев</i> Логические механизмы постижения культуры: опыт теоретико-методологического исследования	76
<i>М. В. Логинова</i> Рефлексия проблемы выразительности в современной культуре: методологический аспект	86

<i>М. А. Дударева</i> Апофатический горизонт русской поэзии или что увидел есенинский клен.....	93
MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ	100
<i>Н. В. Углева</i> Атрибуция тронных кресел царей Бориса Годунова и Михаила Романова в XIX — XXI веках: исторические и искусствоведческие аспекты	100
<i>И. В. Краснова</i> Электронный каталог слобожанских икон конца XVIII – начала XX веков: предпосылки создания, цели, функции	109
РЕЦЕНЗИИ И РЕВЮ	118
<i>А. П. Ярков, С. А. Алтухова</i> О гуманитарии «высшей пробы»	118

CONTENTS

THE THEME OF THE ISSUE:
**INTERNATIONAL CULTURAL TIES
IN THE MODERN WORLD**
(EDITED BY OLGA I. BYCHKOVA & ALEXANDER A. GUTSALOV)

INTERNATIONAL CULTURAL TIES IN THE MODERN WORLD	13
<i>Purnima Anand, Olga I. Bychkova, Alexander A. Gutsalov</i> Cultural Interaction between Russia and India: Historical Experience and Current State	13
<i>Dmitry E. Chelyshev</i> Afanasy Nikitin in India: A Historical Retrospective of the Legendary Journey	33
<i>Nikita S. Kuklin, Ludmila V. Kuklina</i> National Cultural Heritage Protection and Preservation in Indonesian State Policy: History and Prospects	55
<i>Natalya I. Gorlova</i> Organization of Volunteer Camps at Historical and Cultural Heritage Sites in the Context of the COVID-19 Pandemic: International Experience	68
ANTHROPOLOGY OF CULTURE	76
<i>Alexey A. Vasiliev</i> Logical Mechanisms of Comprehending Culture: An Experience of a Theoretical and Methodological Research	76
<i>Marina V. Loginova</i> Reflection on the Problem of Expressiveness in Modern Culture: A Methodological Aspect.....	86

<i>Marianna A. Dudareva</i> The Apophatic Horizon of Russian Poetry, or What Yesenin's Maple Saw	93
MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS	100
<i>Natalia V. Ugleva</i> Attribution of the Throne Chairs of Tsars Boris Godunov and Mikhail Romanov in the 19th–21st Centuries: Historical and Art Historical Aspects	100
<i>Irina V. Krasnova</i> An Electronic Catalogue of Slobozhanshchina Icons of the Late 18th – Early 20th Centuries: Prerequisites for Creation, Purposes, Functions	109
BOOK REVIEWS	118
<i>Alexander P. Yarkov, Svetlana A. Altukhova</i> On a Top-Quality Humanity Scholar	118

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: МЕЖДУНАРОДНЫЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

SPECIAL SECTION:
INTERNATIONAL CULTURAL TIES
IN THE MODERN WORLD

Специальную тему очередного номера нашего журнала составили вопросы, связанные с научным анализом международных культурных связей в современном мире. Подобная проблематика представляется достаточно актуальной в свете вызовов, с которыми пришлось столкнуться человечеству в последние годы. Нарастание глобализационных тенденций и усиление связанных с ними противоречий, усложнение геополитической ситуации и углубление экономического неравенства между странами – вот далеко не полный перечень ключевых позиций, составляющих глобальную повестку дня. Существенной и совершенно новой в современных условиях угрозой явилась пандемия коронавируса COVID-19, ущерб от которой затронул все сферы человеческой жизни, в том числе и культуру. Пострадали контакты между людьми: гуманитарные, спортивные, туристические, сложная социальная реакция на связанные с пандемией ограничения вызвала серьезные изменения в общественном сознании населения многих стран.

Между тем пандемия, в целом негативно отразившись на культурной жизни, отнюдь не вызвала значительных проблем в сфере культурной коммуникации, поскольку развитие высоких технологий позволило создать каналы дистанционного общения и явилось инструментом популяризации культурных ценностей, обеспечивающим свободный обмен информацией о достижениях в этой сфере.

Без преувеличения можно сказать, что именно культура во всем своем национальном, этническом и локальном многообразии является в настоящее время фактором, объединяющим человечество и способным сохранить мир и взаимопонимание между народами.

В таких условиях возрастает особая значимость сотрудничества в области культуры, развития международного диалога, способствующего сохранению мирового культурного наследия и предоставляющего каждому государству возможность представить свои достижения в этой сфере. Для нашей страны этот процесс имеет большое значение не только в плане ознакомления российской общественности с зарубежным культурным наследием и культурными ценностями, но и в аспекте формирования устойчивой репутации России как государства, открытого для других культур.

Важным направлением участия России в международном культурно-гуманитарном сотрудничестве являются культурные связи, при этом отличительной чертой российской политики в этой области является ее сбалансированность и многовекторность. Именно поэтому тематический диапазон авторских материалов специальной рубрики охватывает достаточно широкий круг вопросов, касающихся российско-индийского культурно-гуманитарного сотрудничества, опыта в сфере регулирования памятникоохранительной деятельности, накопленного в Индонезии, а также практики реализации в США и Франции различных волонтерских проектов, направленных на сохранение наследия в условиях пандемии коронавирусной инфекции.

Ознакомление с результатами исследований, представленными в очередном номере нашего журнала, еще раз убеждает: несмотря на всю сложность проблем, преодолеваемых человечеством, научное познание остается не только универсальным способом их решения, но и фундаментальным основанием для осознания человеком гуманистического содержания культуры и в конечном счете самого себя как ее творца и хранителя.

Редакторы специальной рубрики О. И. Бычкова, А. А. Гузалов

АНАНД Пурнима

магистр в области английского языка,
Президент Международной Федерации
индийско-российских молодежных клубов
при Российском центре науки и культуры,
Президент Международного форума стран БРИКС,
Нью-Дели, Республика Индия

Purnima ANAND

M.A. (English),
President, International Federation of Indian-Russian Youth Clubs at the
Russian Center for Science and Culture,
President, International Forum of BRICS Countries,
New Delhi, Republic of India,
purnimaanearth@yahoo.co.in

БЫЧКОВА Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент,
руководитель отдела комплексных проблем изучения культуры
Южного филиала Российского научно-исследовательского
института культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачева,
Краснодар, Российская Федерация

Olga I. BYCHKOVA

Cand. Sci. (Economy and Management of National Economy),
Assoc. Prof., Southern Branch,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation,
bychkovaoi@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7579-2522

ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич

кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник
отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Краснодар, Российская Федерация

Alexander A. GUTSALOV

Cand. Sci. (History of Philosophy),
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation,
gutsalov_alex@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7986-3543

УДК 341.232.7(540+470+571) "311/312"
ГРНТИ 13.17.00
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.001

**Cultural Interaction
between Russia and India:
Historical Experience
and Current State¹**

**Культурное взаимодействие
России и Индии:
исторический опыт
и современное состояние²**

На высшем уровне межгосударственных отношений культурные связи России и Индии рассматриваются не только как одно из стратегических направлений сотрудничества, но и как его основа, проявляющаяся во взаимном осознании общности фундаментальных ценностей народов двух стран. Для культурной политики государств характерны сходные задачи: сохранение культурного наследия, национальной культуры и языка в условиях культурной интеграции и глобализации, защита культурных ценностей, поиск эффективных форм взаимодействия в сфере культуры. Свидетельством устойчивости, эффективности и востребованности такого формата взаимодействия даже в условиях неблагоприятной политической конъюнктуры является его временная преемственность, представленная в данной работе в контексте исторического опыта формирования культурных связей между Россией и Индией в разные периоды, начиная с XV в. Цель написания статьи – типологизация этого опыта вплоть до настоящего времени. В центре теоретического внимания оказались такие предметные области, как межгосударственное культурное сотрудничество, культурные обмены, культурная дипломатия. Источниками при этом явились российские и индийские официальные документы, результаты научных исследований. Впервые на примере российско-индийских отношений были обобщены представления о механизмах международного культурного сотрудничества, практиках культурных обменов и культурной дипломатии, взаимодействии национальных культур. Значимость изучения рассматриваемой проблемы усиливается своей органичной связью с перспективами повышения статуса национальных культур, расширения возможностей их включения в контекст мировой культуры и с перспективами общественного развития в целом. Анализ документов, научных работ, посвященных межгосударственным отношениям России и Индии позволяет сделать вывод, что именно культурная сфера с ее устойчивыми смысловыми кодами лежит в основе российско-индийских политических и экономических отношений. Результаты изучения культурного взаимодействия могут использоваться в совершенствовании научно-методического обеспечения деятельности государственных органов по обмену культурными ценностями, для дальнейшего изучения взаимодействия культур, в деятельности организаций, учреждений, ведомств, дипломатических служб, занимающихся вопросами межгосударственного культурного сотрудничества, разработки научно-обоснованных программ обмена культурными ценностями и их использования в деятельности учреждений культуры разных стран.

Ключевые слова: Индия, Россия, Культурный центр им. Дж. Неру, Центр российской науки и культуры, Россотрудничество, Индийский Совет по культурным отношениям, культурный обмен, культурная дипломатия, международное культурное сотрудничество, стратегическое партнерство.

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева» по теме «Региональная культура и культурная политика: стратегии развития и опыт позитивных практик Юга России».

² This article was prepared as part of the state assignment by the Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, research theme “Regional Culture and Cultural Policy: development strategies and experience of positive practices in the South of Russia”.

International Cultural Cooperation between Russia and India: A Historical Excursion. The fundamental principles of International Cultural Cooperation are enshrined in the relevant UN Declaration adopted in Paris in 1966 [47]. The basic documents for building international cooperation in the field of science, culture and education have been adopted in almost all state subjects of international law, including India and Russia. As a follow-up to these documents in 2008, Russia adopted the Main Directions of the Policy of the Russian Federation in the Field of International Cultural and Humanitarian Cooperation [37]. In India, the document regulating the conclusion of international treaties and agreements, including in the field of international cultural cooperation, is the Guidelines/SoP on the Conclusion of International Treaties in India [32].

The topic of international cultural cooperation has been raised in research works by P. Chacko, S. Ganguly, R. Guha, A. Kapur, S. Konwer, S. Mansingh, S. Singh, S. N. Pavlov, A. A. Alexandrov, K. Z. Hakobyan, V. I. Tolstykh, A. S. Kapto, A. S. Skachkov, T. V. Bogoyarkov, and others.

Indian-Russian relations, including from a cultural perspective, have been the focus of research attention of a number of Indian and Russian scholars: P. L. Dash [5], [6], [7]; A. Sengupta, M. Bakhadirov, A. Nazarkin [8], [9]; R. S. Kumar, A. Mokhanthi [34], B. N. Kuzyk, T. L. Shaumyan [25]; E. Yu. Petrova [35]; O. G. Ultsiferov [46]; T. N. Zagorodnikova [52]; E. P. Chelyshev, D. P. Chelyshev, I. P. Chelysheva, and others.

Studying the history of cultural relations between India and Russia, it should be noted that these countries are not just large national communities, they are cultural and historical civilizations. Their religious, cultural and spiritual heritage embodies the principles of peace, coexistence and pluralism, and demonstrates a steady adherence to the concept of a multipolar world.

The evidence of the first Russian traveler in India dates back to the 15th century. The Russian merchant Athanasius Nikitin was one of the first Europeans (after the Venetian Niccolo de Conti, 1419–1420, and in the 1430s to 1435) to travel to India (1468–1472) and document his visit. He described his journey in a narrative known as *A Journey beyond the Three Seas*.

Attempts to develop trade and establish political ties with India were made repeatedly and further in the 17th and 18th centuries. This stage can be called the first one in the history of the formation of relations between Russia and India; however, this path was thorny. For example, the embassies sent from Russia to the court of the ruler of India, Shah Jahan, in 1646 and 1651 were never able to reach India; the embassy under the leadership of Muhammad Yusuf Qasimov, who arrived in Delhi in 1675, was not allowed to reach the ruler of Aurangzeb because of the great uprising of Afghan tribes and the decision to close the border in the northwest. The following embassy, under the leadership of the merchant Semyon Maly, managed to get an audience with Aurangzeb in 1696, which resulted in a decision on duty-free trade. The book *Russian-Indian Relations in the 17th Century* presents 260 documents that indicate a fairly active Russian-Indian trade and embassy communication of the 17th century (from 1615 to 1716) [26]. The embassy order on relations between Russia and India of 1695 said: "In the letter of the great sovereign to the Indian Shah Jahan, it is written that he, the great sovereign, His Royal Majesty, wishes to be in strong fraternal friendship and love with his Majesty Shah Jahan of the Indians from this time and on without any interruption, and that this pleases him in the Moscow state, and he would like the shah to inform the ambassadors or envoys about this and agree on everything with them, and the great sovereign will be grateful for this"¹ [51].

Excerpts from the Astrakhan customs, petitions of merchants, letters of governors, the tsar and the shah, orders from the Prikaz, speeches of the embassy, memoirs from the Ambassadors Prikaz, tales (reports), and other documents of that time show intensive Russian-Indian trade contacts [26]. The plan of an armed campaign to India for its liberation from the power of the British, conceived at the end of the 18th century, but

¹ In Russian: «В грамоте великого государя с ними к индейскому шаху Джагану писано, что желает он, великий государь его царское величество, с его шах-Джагановым величеством индейским с сего времени быти в крепкой братцкой дружбе и любви и в любительной ссылке без урыву, и что ему в Московском государстве годно, и ему б, шаху, о том обослаться послы или посланники и о всем с ними отписати, а великий государь за то не постоит» [51].

never implemented by Emperor Paul I because of his death, is also known. This period of time with attempts to establish official relations and conclude international treaties can be called the second stage in the development of Russian-Indian cooperation [45].

Gerasim Stepanovich Lebedev (1749–1817) conducted innovative work in the field of Indology and contributed to the establishment of close cultural contacts between India and Russia. Living in India from 1785 to 1797, he became a real catalyst for the study of Indian culture and customs in Russia and the religions common in India. He opened a printing house, first in Russia and Europe to use machines with the Bengali alphabet. He was also first in creating the national drama theater of Bengal on the European model. He is also considered a pioneer of Bengali drama. These facts are often mentioned in the speeches of the leaders of India.

At the same time, Russian researchers began to show an increased interest in Sanskritology and linguistics, and Indians had the opportunity to learn about European drama and theater. In 1788, A. A. Petrov translated the famous part of the Mahabharata epic “Bhagavad Gita” into Russian, and N. I. Novikov published it. This happened a year after its French translation by the abbot J. P. Parraud was published in Paris. The translation into French, in turn, was made from the English translation by C. Wilkins, published in 1785.

In 1792, excerpts from the classical drama *Abhijnanashakuntala* by Kalidasa, the great Indian playwright and poet of the 4th and 5th centuries, which are a free presentation of one of the episodes of the Mahabharata, were translated into Russian and published by N. M. Karamzin. Prior to it, J. G. A. Forster made a German translation (1791) on the basis of the English translation by J. Johnson (1789). At that time, the Indian theme was becoming very popular in Russia. By the middle of the 19th century, literary arrangements based on the Mahabharata were published (“Nal and Damayanti” by V. Zhukovsky (1837–1841), “Sund and Upasund” by N. Berg (1851)). Moscow and St. Petersburg Universities opened Departments of Sanskrit in 1851 and 1855, respectively.

The first War of Independence in India (1857) aroused deep sympathy among the Russians. Russian artists, in their canvases, reflected the difficulties the Indian people were faced with.

For instance, Vasily Vereshchagin depicts the sadness of this event in the painting *The Suppression of the Indian Uprising by the British* (1884) (it is also called *Blowing from Guns* in British India, the fate of this canvas after 1891 is unknown). The common interests of the authors and artists of Russia and India, the countries on the path of the national liberation movement, became a source of strength for each other. The actual cultural contacts, translation activities, and academic study of Indian culture in Russia at that time can be defined as the third stage of Russian-Indian relations.

An event in the history of relations between the two countries was the opening of the Russian Imperial Consulate General in Bombay in December 1900¹. The Russian leadership nourished the very idea of opening an embassy in this British colony for a long time. Official correspondence with the United Kingdom on this subject began in 1858 after the conclusion of a trade treaty between Russia and Great Britain in 1856. The period of official relations between the imperial Russia and the British India (1858–1920), with the increasing role of the cultural component in them, is the fourth stage in the development of Russian-Indian cooperation.

The names of Maxim Gorky, Leo Tolstoy, and Anton Chekhov became popular among the Indian intelligentsia. The correspondence between Tolstoy and Mahatma Gandhi served as an important link in the crystallization of cultural processes between the countries. The poetry of the first non-European Nobel Prize winner Rabindranath Tagore was also of great interest in pre-revolutionary Russia. In 1915, a 10-volume collection of his works was published in Moscow [41]. Its first volume presents the poetic collection *Gitanjali* (edited by Yu. Baltrushaitis), for which the author received the Prize. By 1918, four separate reprints of the collection were published in Moscow [42].

The mutual desire for cooperation between the peoples of India and Russia became more pronounced after the October Revolution of 1917. The visits to the USSR of Jawaharlal Nehru, the future first Prime Minister of independent India,

¹ The Russian Imperial Consulate General was located in Calcutta since 1911, was greatly reduced in 1917 and closed in 1920. The Soviet Consulate in Calcutta was opened only in 1956 and transformed into a Consulate General in 1957 — Authors' note.

in 1927¹, and of the Bengali poets Rabindranath Tagore and Amiya Chandra Chakravarty in 1930 were important milestones in the development of Indian-Soviet cultural relations. Nehru, impressed by the experience of building a just socialist society, reasonably considered the USSR as a strategically important partner of the free India. Tagore, in his *Letters from Russia* [44], talked about life in the Soviet Union, about the aspirations of its people, their joys and sorrows. He admired their seriousness and care, their efforts to eradicate illiteracy, and their commitment to achieving lofty goals. The letters were written in the USSR in the period from 20 September to 28 October 1930.

In Russia, Tagore was called the Indian Leo Tolstoy (in 1923, the *Krasnaya Niva* magazine even published an article by A. V. Lunacharsky under the title “The Indian Tolstoy” [27]; in 1926, the Soviet government decided to publish Tagore’s collected works). The Russian translation of Tagore’s words became widely known: “I would not consider the goal of my life fully achieved if I had not come here [to Russia]” [43, p. 16]. Academician S. F. Oldenburg eloquently expressed this attitude: “And when we meet a great Hindu poet, we will meet a man who in Bengali words said what we all understand and feel” [16]. In 1939, at the initiative of Academician A. P. Barannikov, the founder of the school of modern Indian languages in the USSR, work was started on a full academic Russian translation of the Mahabharata; the first translator was V. I. Kalyanov. Barannikov also became a pioneer in the formulation and development of research issues of New Indian literary studies and linguistics in the 1920s, and in the 1930s. For the first time, he organized the study of a number of New Indian languages in the USSR (Punjabi, Hindi, Bengali, Marathi, and Urdu). This stage of cooperation without the official establishment of relations between the USSR and British India is an important milestone in interstate relations with a clearly expressed cultural dominant in them.

Since the liberation of the Indians from colonial rule in August 1947, relations between the Soviet Union and the independent democratic India became closer, as they were based on mutual

respect and equality. This is evidenced by the fact that diplomatic relations between them were officially established on 13 April 1947, four months before India’s declaration of independence (15 August 1947). The first Minister of Education, Maulana Abul Kalam Muhiyuddin Ahmed (1888–1958), established the Indian Council for Cultural Relations (ICCR), whose role was to develop and implement programs for external cultural interaction, develop cultural exchanges and relations with other countries.

Extensive educational contacts between the USSR and India were established in accordance with the Agreement Concerning Cultural, Scientific and Technological Co-Operation of 1960 [12]. In 1971, a bilateral Treaty of Peace, Friendship and Cooperation was signed [17]. These documents have become the normative and legal basis for the full development of interstate cooperation, including in the field of culture.

In 1965, a representative office of the Union of Soviet Societies for Friendship and Cultural Relations with Foreign Countries (SSOD) was opened in Delhi². This intensified cross-cultural interaction and opened the way for a large number of Indian students to receive an education in the USSR. Currently, its successor — the Rossotrudnichestvo mission — has five centers (in New Delhi, Chennai, Mumbai, Calcutta and Trivandrum), being the largest representation of this organization among Russian missions in other countries. The Jawaharlal Nehru Cultural Center at the Indian Embassy in Moscow was opened in March 1989. Despite the fact that, in the following years, the Consulates General of India were opened in Vladivostok (9 September 1992), in St. Petersburg (15 February 1993), India is represented by only one cultural center in Russia (from 1989 to the present).

Since the establishment of official relations between the USSR and the first British and then

¹ Nehru visited the USSR again in 1955 as the Prime Minister of the Republic of India — Authors’ note.

² The SSOD was founded in 1958 on the basis of the All-Union Society for Cultural Relations with Foreign Countries, which was formed in 1925. The Russian Agency for International Cooperation and Development was established on the basis of the Union in 1992. In 1994, on the basis of the Agency, the Russian Center for International Scientific and Cultural Cooperation (Roszarubezhtsentr) was formed, which, in turn, was transformed into the current Federal Agency for the Commonwealth of Independent States Affairs, Compatriots Living Abroad, and International Humanitarian Cooperation (Rossotrudnichestvo) — Authors’ note.

independent India, a new chapter in the development of relations between the countries began. S. I. Lunev divides the history of the relations after India's independence and to the present day into eight stages: 1) 1947–1955; 2) 1955–1971; 3) 1971–1979; 4) 1979–1988; 5) 1988–1991; 6) 1991–1996; 7) 1996–2000; 8) since 2000 [28, p. 25].

According to Lunev's approach, a period of significant warming was observed since 1955, after the exchange of state visits by Jawaharlal Nehru to the USSR and Nikita Khrushchev to India, reaching the peak of its development in the 1970s. Of course, taking into account the current realities, this gradation should be supplemented.

After the collapse of the Soviet Union, the treaty framework was revised and updated. Since 1991, more than 250 new bilateral agreements have been concluded. The basic document for interstate relations was the Treaty of Friendship and Cooperation between the Russian Federation and the Republic of India, signed on 28 January 1993 [19], as well as the Declaration on the Further Development and Strengthening of Cooperation between the Russian Federation and the Republic of India of 30 June 1994. An important document for the development of scientific and cultural relations between the countries was signed in 1993. An agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of India on Cultural and Scientific Cooperation [18] replacing the previous Agreement on Cultural, Scientific and Technical Cooperation between the Union of Soviet Socialist Republics and the Republic of India was signed on 12 February 1960 [12].

Despite active efforts to streamline the legislative framework, the 1990s were characterized by a cooling of interstate relations between Russia and India. Anuradha Chenoy, professor at the Jawaharlal Nehru University of Delhi, believes that this was due to the desire of both countries at this time to reorient the center of their activity to establish "the friendliest relations with the sole superpower, the United States" [4, p. 435]. But still, "the natural preference in both countries to work for multipolarity in world politics helped in repairing the relationship" [4, p. 435]. Chenoy qualifies Russia as "a natural partner in India's past developments, current realities and future ambi-

tions" [4, p. 437]. However, the vector of preferences of the Indian official press and the elite, according to Chenoy, continues to lean towards the United States, and "long-term relations with Russia are backed by popular sentiment and political consensus in India, as long as it is perceived not to be hurting India's relations with the US" [3, p. 59].

Similar processes took place in Russia in the 1990s. A striking change can be observed in the foreign policy strategy of the new Russia from 1992 to 2000. In 1992, in the Concept of Russian Foreign Policy, the defining emphasis in building relations with India was placed on "economic incentives", which is why relations with India's long-time enemy Pakistan and other countries were to be balanced and equalized on the basis of economic interests. Then, in the year 2000, the Russian National Security Doctrine declared a paradigm shift and a reorientation of the defining interest from the West to the Third-World countries, particularly India.

The concept of a multipolar world has played an important role in the significant rapprochement between Russia and India. Multipolarity means recognizing not only the need for different centers of world politics, but, above all, for different cultural paradigms as having a decisive significance for different regions of the world, including those that do not imply economic interests as the main and fundamental factor in building the state's foreign policy activity. Chenoy believes: "Our argument is that a common political understanding is a basis for India–Russia relations" [8, p. 440]. We propose to deepen this position: this very common political vision is based on the historically rooted common cultural attitudes of the peoples of India and Russia, and it is these peoples who have gradually given their relations the status of the now declared "particularly privileged strategic partnership".

This was evidenced by a significant increase in the interest in India of Russian citizens, who flocked to different parts of the country with tourist flows, which obviously played an important role in changing the paradigm of interstate relations. The "cooling-off period" of official relations with India in the 1990s was another stage in building a new configuration of relations between the new Russia and the Republic of India; it is characterized by a simultaneous increase in the role of pub-

lic cultural diplomacy with an increased interest of Russian citizens in the study of Indian culture.

A new stage in relations between the countries, which has been developing steadily up to the present time, began in 2000. In the Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (2000), the intention was stated “to deepen the traditional partnership with India” [21]. With the awareness of the danger of strengthening the tendencies to create a unipolar structure of the world under the economic and power dominance of the United States, the status of the cultural factor in foreign policy activities has significantly increased. This was manifested in the fact that, on the eve of the adoption of the Concept of Foreign Policy (2000), the “Foreign Cultural Policy of Russia — The Year 2000” theses were published in the Russian *Diplomatic Journal*. For the first time in the history of the new Russia, the theses presented an official analysis of international cultural relations in the light of interstate relations [10]. They emphasized the special role of culture in the implementation of Russia’s foreign policy strategy.

In 2000, during the state visit of Russia’s President Vladimir Putin to Delhi, a Declaration on Strategic Partnership between the Russian Federation and the Republic of India was signed [20]. In 2008, the parties adopted a Joint Declaration [22], which expressed the need to expand bilateral cooperation between the countries in all branches of government. In 2009, the adopted interstate document announced the achievement of the level of strategic partnership and the need to deepen and intensify it [23]. During the state visit of Russia’s President Dmitry Medvedev in 2010, relations between Russia and India were brought to a new level of “particularly privileged strategic partnership”. In fact, Russia and India, according to Alexander Kadakin, the then Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Russia to the Republic of India, were “pioneers in introducing the concept of strategic partnership into the international legal field” [15]. Since the Declaration of 2000, relations between the two countries have become “deeply confidential”. In this regard, it was announced the countries had a “truly privileged strategic partnership”. This term can also “supplement the international diplomatic lexicon” [36]. The introduction of these new terms in the diplomatic lexicon (declarative statement on

strategic partnership (2000), achievement (2009) and bringing it to the “privileged” (2010) and the “truly privileged” (2019) level) fixes new stages in the development of interstate relations between Russia and India.

Over the past 20 years, 20 Russian-Indian summits have been held. During the last summit in Vladivostok (September 2019), a large statement, Reaching New Heights of Cooperation through Trust and Partnership, was adopted; it consists of 81 items. It emphasizes the “unique, trusting and mutually beneficial nature” of relations between the countries, which are based “on similar civilizational values, friendship, mutual understanding, trust, common interests, and proximity of approaches to fundamental issues of development and economic progress”. The development of comprehensive relations between Russia and India, independent of external influence, is called the “foreign policy priority of the two countries”. This statement again referred to the “particularly privileged nature” of the “strategic partnership” [24]. At the highest diplomatic level, this position is emphasized every time [11]. The intensity of official relations at the highest level is high. For example, in 2018, the President of Russia and the Prime Minister of India held five official meetings, in the year 2019 three official meetings. From 2014 to 2019, a total of 22 meetings were held.

Formation of the mechanism of cultural exchanges between Russia and India. At the highest level of interstate relations, cultural relations between the new Russia and India are considered not only as one of the strategic directions of cooperation, but also as its basis, manifested in the mutual awareness of the common fundamental values of the peoples of Russia and India. According to Narendra Modi, the Prime Minister of the Republic of India, relations between Russia and India “extend far beyond the last 70 years. They go deep into history and are not limited to contacts at the state level” [38].

Undoubtedly, these circumstances, together with regulatory and institutional activities, have intensified cross-cultural interaction between the countries. The main practice of its implementation is cultural exchanges. They promote the humanitarian cooperation of the states with their diverse cultural traditions. Cultural ties and the exchange of cultural values are factors in the humanization

of interstate interaction and the development of national cultures. In this regard, an important issue is the search for mechanisms and improvement of algorithms for their promotion.

Conceptual approaches in the works of international cultural exchange researchers (F. Boas, D. J. Smith, G. Vico, J. G. Herder, Grebner, N. Ya. Danilevsky, R. J. McGee, G. Morgan, C. Levi-Strauss, F. Ratzel, P. Sorokin, A. J. Toynbee, E. B. Tylor, L. Frobenius, W. H. Homes, O. Spengler) have been reviewed. This contributed to the identification of interdisciplinary and comparative approaches as a methodological basis for a comparative analysis of concepts. The study of the anthropological, social, cultural and economic theories of exchange allows us to conclude that the basic principle of the functioning of human society — the idea of reciprocity — is at the heart of the issues of cultural exchange. The modeling of the mechanism of cultural exchange takes place within the framework of the type of exchange that dominates in society at a certain stage of its development and determines the algorithm for its promotion in the format of local cultures.

In the context of the COVID-19 pandemic and the increasing degree of tension in international relations, it is urgent to search for tools that ensure mutual respect and mutual understanding of people from different cultures. Therefore, the analysis of modern forms of international cultural exchange development is of particular importance today. There is no doubt that the existing theoretical discussions in this area determine the need to strengthen research and serious discussion on the theoretical foundations of cultural exchange in various practical aspects.

A. M. Khodkaev introduced the concept “cultural exchange” into academic discourse and explained it through the comprehension of the category of continuity. For a broader consideration of the concept of cultural exchange, the interrelationship of the categories of succession and inheritance is taken into account, since the inheritance and exchange of cultural values are strongly connected with the manifestation of continuity. This is not only a critical identification of positive aspects in the culture of the past, but also a kind of a transfer of these aspects to the attitude to national cultural values created and exchanged in modern conditions. Many authors understand

cultural exchange as the interaction of different cultures, on the one hand, and as their impact on each other, on the other. M. M. Bakhtin, T. P. Grigorieva, N. I. Konrad, analyzing examples of different types of interaction of cultures, designated dialogue as a specific type of cultural interaction, which is the fundamental basis for the implementation of cultural exchanges. In the existing conceptual framework, cultural exchange is freely replaced by the terms “cultural communication”, “cultural relations”, “cultural cooperation”, “cultural dialogue”. Works in the field of science and journalism are periodically dedicated to the topic of modern intercultural Russian-Indian interaction (see, for instance, [2, pp. 318–330]).

In our work, we consider the cultural exchange between India and Russia as a historical and cultural pattern, built on cultural interaction within the sociocultural context of the state cultural policy, which affects the formation of a dialogue of cultures and the development of international cultural cooperation.

The coordinator of bilateral relations in the humanitarian sphere is the Working Group on Culture and Tourism of the Intergovernmental Russian-Indian Commission on Trade, Economic, Scientific, Technical and Cultural Cooperation, whose meetings are regularly held alternately in Russia and India. The direct guides and performers are the Centers of Russian Science and Culture in India at the Embassy and Consulates General of Russia in India and the Jawaharlal Nehru Center for Indian Culture at the Embassy of India in Russia. As already mentioned, the first representative office of the SSOD (now Rossotrudnichestvo) was opened in New Delhi (1965) at the peak of the development of Soviet-Indian friendship. The opening of the Jawaharlal Nehru Cultural Center at the Embassy of India in Russia (Moscow) (Jawaharlal Nehru Cultural Center, JNCC, 1989) followed the “phenomenal success” of the 1988 festival of India in the USSR [48]. In India and Russia, five Rossotrudnichestvo missions in India and one representative office of the Indian Council for Cultural Relations (ICCR) in Moscow are engaged in bilateral cultural exchanges. In Trivandrum and at each Russian Consulate General (in Calcutta, Chennai and Mumbai), there are missions of Rossotrudnichestvo. There are no missions of the Indian Council for Cultural Relations (ICCR) under

the Consulates General of India in Vladivostok (founded on 9 September 1992) and St. Petersburg (opened on 15 February 1993). The cultural advisers of the Embassies of Russia and India are responsible for fundamental and political issues in the field of cultural interaction, and the Russian and Indian cultural centers are engaged in their practical implementation, focusing on the implementation of programs and projects adopted, as a rule, on a bilateral basis.

During the joint celebration of the 65th anniversary of the establishment of diplomatic relations between the Russian Federation and India (2012), both sides supported the continuation of the annual mutual cultural festivals alternately in India and in Russia. At the interstate level, cultural exchange programs are adopted (usually for two to three years). They are the formal basis for the development of circus, theater, ballet, exhibition, cinema, vocal, choreographic, museum, library and archive exchanges. In recent years, such programs were adopted for 2010–2012 [29], 2013–2015 [30], and 2017–2019 [31], [33].

These programs provide regular cultural exchanges between Russia and India. Although the coronavirus pandemic has made adjustments to the interaction between the countries, already in September 2020, the plans for cultural cooperation for 2021 were discussed at the ministerial level. The main projects are expected to be implemented in the field of library, museum, cultural education; various creative contacts are also expected to be resumed after the pandemic.

Russian-Indian cultural cooperation covers a wide range of areas: cultural exchanges are carried out by music, dance, and theater groups; film festivals are organized; art and photo exhibitions, various thematic seminars and conferences are held. For example, from 30 November 2020 to 28 February 2021, the National Museum of India hosted an exhibition dedicated to the Buddhist art of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) member states, in which the State Museum of Oriental Art participated from the Russian side.

Student exchange programs allow one to receive education in Russian and Indian universities. Currently, more than 15 thousand Indian students study at various universities in Russia [49]. In recent years, school and youth exchanges have begun to be practiced. Their success

shows the relevance and significance of this form of interaction.

“Cultural Diplomacy” in Russian-Indian relations. The researchers emphasize that cultural diplomacy in modern relations between Russia and India is becoming increasingly important. It is reasonable to consider culture as an essential factor of international politics and the “soft power” of states that seek to play an important role in international relations. E. V. Vasilenko identifies the following factors that shape the cultural diplomacy of any state: foreign policy priorities, a positive state image, the spread of the state language of the country in the world. The instruments of cultural diplomacy include: theater, cinema, music, dance, painting, sculpture, international exhibitions, educational programs, academic and scientific exchange programs, language programs abroad, the creation of libraries abroad, the translation of national works into foreign languages, the broadcasting of news and cultural programs abroad, religious diplomacy, including initiatives of interreligious dialogue [50].

Strengthening the role of cultural diplomacy sets a proper rhythm for relations through the annual Days of Russian and Indian Culture, the Years of Russia in India and India in Russia, the Days of Russian and Indian Cinema, the announcement of the Year of Tourism (2018), the expansion of regional contacts (the Days of Moscow in New Delhi in 2012 and 2019, the Days of Mumbai in St. Petersburg in 2017, the Days of India in Siberia in 2017, the annual Indian Festival in Moscow, the Days of Indian Culture in Astrakhan Oblast, etc.). Vainakh (the Chechen state dance ensemble), the Moscow Musical Theater with its production *Reverse*, and the *New Life Brass Band named after T. Dokshitser* made performances for the Indian audience. Young representatives of the public, political, business and scientific circles of India also visit Russia as part of the programs of short-term study trips (New Generation) and educational trips to historical places (Hello, Russia!).

Over the past few years, the need for Russian as a foreign language has increased enormously. The capabilities of Russian intermediary organizations are clearly insufficient. Therefore, the corresponding departments and centers have been opened in Indian universities. Russian is taught in more than 30 universities and 16 schools, as well

as in various language centers and at numerous special courses [1]. For example, the School of International Studies, the Centre of Russian Studies, the Centre for Russian and Central Asian Studies at the Jawaharlal Nehru University (Delhi) offer courses in the Russian language and literature and carry out educational and research work. In addition, more than two dozen Indian universities have requested cooperation with Russian universities and the provision of Russian teachers of the Russian language. Indian regional languages are taught in Russia at the departments of Indology in 20 Russian universities, which is not enough given the special status of interstate relations declared at the highest official level. There are also not enough courses on the mutual study of modern India and Russia.

From year to year, the representative office of Rossotrudnichestvo organizes performances of creative vocal, choreographic, musical, and theater groups within the framework of various festivals, as well as programs to celebrate the Days of Russia, Slavic Writing and Culture, etc. In the year of Russian Cinema in India (2016), an annual series of events was held in all Russian centers of science and culture, including film screenings, a children's film festival, thematic seminars, meetings, and a five-day Russian film festival.

The creation of the film club India in Moscow (2013) with the support of the Jawaharlal Nehru Cultural Center at the Embassy of India in Russia opened a new chapter in the progressive strengthening of the Indo-Russian cultural community. This club was opened at the Museum of Cinema in Moscow with the aim of promoting Indian feature films, starting from the first years of the history of film production in the independent India. At one time, Satyajit Ray (1921–1992), the largest film director of Bengali origin, the first winner of the prestigious Academy Award for outstanding services to cinema from India (1992), opened a film club in Calcutta, named after the great Russian film director Sergei Eisenstein, to promote Soviet films. However, it is still worth noting that the imbalance in the representation and popularity of Russian (and Soviet) cinema in India and Indian in Russia is clearly not in favor of the former.

In the book world, there is a growing interest in Indian literature, especially after the Mos-

cow International Book Fair in 2006, at which India was presented as the "guest of honor". In India, books in Russian have recently been published.

The Indian government plans to intensify cooperation in the field of culture through Buddhist centers of learning and philosophy, Ayurveda, yoga, Indian cuisine, choreographic schools, cinema, support for Indological research in Russia, and the continuation of the Ganga-Volga civilizational dialogue (held in Delhi in January 2020).

Numerous groups of Russian citizens from different regions of Russia visit almost all regions of India for acquaintance with and research on history and culture. They meet with ordinary people, spiritual gurus, artists, enjoy Indian food and hospitality outside of any diplomatic ties, which strengthens the interpersonal relations of citizens. On 17 February 2021, at a meeting with the staff and students of the Russian Diplomatic Academy, Harsha Vardhan Sringla, the First Deputy Minister of Foreign Affairs of India, said: "Perhaps the most important bonds of friendship, however, are the people-to-people contacts between our two countries. The strong political will to have closer relations is equally matched by a strong public sentiment in both countries" [49].

In the past decade, a lot of well-known contemporary Russian writers (Eduard Uspensky, Lyudmila Ulitskaya, Maria Arbatova) visited India and participated in various programs. Maria Arbatova published her book *Tasting India* (2006), in which she shared her fresh cultural impressions of visiting India and which found a wide audience of readers and became a bestseller in Russia.

Russian and Indian public organizations and federations with their educational and cultural programs are an excellent tool for the development of Russian-Indian relations. The International Federation of Indian-Russian Youth Clubs (President Purnima Anand), the International Association of Children's Foundations (Chairman A. A. Likhanov), Nehru Bal Samiti (Director Shri S. P. Govil), and other organizations have been doing great work for decades.

In addition, certain groups of people are active in establishing intercultural interaction. With the support of Indian and Russian cultural centers and diplomatic structures, they organize perfor-

Fig. 1. Members of the Cossack creative group "Stanitsa" at the N. Roerich House-Museum in Naggur Kullu (Himachal Pradesh, India, 2014)

mances of various creative groups from Russian regions in India and Indian ones in Russia. Thanks to this activity, in 2011 and 2013, leading Indian scholars and artists came to Krasnodar State University of Culture and Arts (now Krasnodar State Institute of Culture) to participate in cultural programs and academic conferences. With choreographic and vocal programs, the Cossack creative groups Stanitsa (Fig. 1) and Slavitsa from Krasnodar visited India three times, performing even in the Himalayan foothills in Kullu and Naggur, as well as in New Delhi and Mumbai. Once, at the end of the 18th century, Cossack military units could not reach India. For the first time, the Cossacks reached India with cultural programs. We see this as a special symbolism: culture is sometimes even a more stable tool and a powerful force than political and military resources. The result of these cultural landings was the appearance of Cossack groups and Indian dances in the choreographic repertoire.

In this regard, we can also give an example related to the activities of the Moscow theater group Author's Creative Association (ATO, directed by Yu. S. Mekhtieva). In 2015, the group presented its cultural and educational program — The Sun from India! The program included participation in the 23rd India Theater Olympiad (Cuttack, Orissa, 2015) (Fig. 2), a performance at the Rossotrudnichestvo mission in New Delhi, a master class and a creative workshop at Satyug Darshan Vidyalaya, the largest college in northern India (Faridabad, Haryana, India). After that, the ATO launched the first joint Russian-Indian theater project More than a Dream together with the South Indian team of Theater Combines (directed by Jafindas Savidas, Trivandrum, Kerala, India) with the organizational support of the International Federation of Youth Clubs of Russia and India (New Delhi, India), the Centers of Russian Science and Culture (New Delhi and Trivandrum, India), the Russian

Fig. 2. Moscow Theater Group Author's Creative Association at the 23rd India Theater Olympiad (Cuttack, Orissa, 2015)

Embassy in the Republic of India, the Southern Branch of the Russian Institute for Cultural and Natural Heritage (Krasnodar, Russia). Unfortunately, due to the premature death of the Moscow director Yu.S. Mekhtieva (2020), this idea was not implemented, although it was already planned to show the play on the theater stages of India and Russia.

Further, such projects can become a new stage of cultural and educational cooperation between the two countries, put into practice the idea of the unity of friendly peoples, and serve as a basis for the development of programs for creative interaction between the peoples of India and Russia. F. A. Rozovsky, head of the Rossotrudnichestvo Mission in India, sees the development of joint cultural projects as an opportunity to further develop cross-cultural interaction between Russia and India, including the organization of joint folk music concerts, the issuance of joint postage stamps, presidential exchange programs for youth delegations within the framework of the New Generation project, international festivals in India and Russia, etc. [1].

The India-Russia cultural diplomacy is people-centric. The roots of cultural diplomacy

firmly embedded in eternal values. Thus, its sustenance and strength is more lasting and it is vested with people's power. It is a laudatory goal that needs to be pursued with all humility, selflessness and empathy.

Indians and Russians feel that they are endowed with common spiritual and cultural values that could help in promoting civilization dialogue among peoples and nations to connect with one another in the true sprite of friendship and brotherhood. Cultural diplomacy becomes a force for civilization dialogue in the 21st century to spread its core message of love, peace and compassion.

Cultural diplomacy is not about crossing boundaries, it is about crossing barriers that have been created in our minds that stand partitioned. Cultural diplomacy is about openness, it is like wind that blows fearlessly in many directions.

Conclusion. Cultural cooperation between Russia and India is based on the commonality of their interests. The cultural policy of the states is characterized by similar tasks: the preservation of cultural heritage, national culture and language in the context of cultural integration and globalization, the protection of cultural values, the search

for effective forms of cultural interaction. The evidence of the stability, effectiveness and relevance of this format of interaction, even in an unfavorable political environment, is its temporal continuity, presented in this article.

The conducted research allows us to typologize the historical aspects of intercultural interaction between Russia and India by identifying the following stages in their development:

1) beginning and development of trade relations (15th-17th centuries);

2) attempts to establish official political relations through the opening of embassies and the conclusion of interstate treaties (17th century);

3) increase of cultural and academic interest (visits to India by artists, scientists, development of Indological research, translation and publication activities) in the 18th-19th centuries;

4) establishment of official political relations, opening of the Consulate General of the Imperial Russia in the British India, which led to a significant increase in the mutual interest in the cultures of the peoples of Russia and India (1900–1920);

5) development of cultural contacts between the Soviet Union and the British India with the formation of the Indological School of the USSR (1920–1947);

6) official relations between the USSR and India (1947–1991); this stage can be divided into several sub-stages: formation of official relations with a minimum of cultural contacts (1947–1955); activation of cultural contacts after visits to the USSR and India by Jawaharlal Nehru and Nikita Khrushchev (1955–1965); development of systematic full-fledged cultural cooperation through the opening of the mission of the SSOD in New Delhi (1965) and the mission of the Indian Council for Cultural Relations (ICCR) in Moscow (1989) (1965–1991);

7) period of cooling and regulatory settling of interstate relations between Russia and India (1991–1999);

8) formation of the strategic partnership (2000–2010);

9) active particularly privileged strategic partnership (2010–present).

The recent stages of the development of intercultural relations are caused by the steady and systematic rapprochement of the countries within a number of interstate associations, such as BRICS, SCO, etc.; a more active use of the resources of cultural exchanges, cultural diplomacy; and joint cultural interaction. The established forms of cultural cooperation should be involved in building relations between the countries. Cultural ties at the official level should be combined with the states' active promotion of intercultural communication at the interpersonal level, supporting the development of cultural diplomacy.

The analysis of documents, research works, the level of interstate relations between Russia and India, the quality of intercultural communication allows us to conclude that it is the cultural sphere with its stable semantic codes that underlies Russian-Indian political and economic relations, making them stable, strong and dynamically developing, despite periods of recession and crises. The results of the study of the development of intercultural interaction can be used in improving the academic and methodological support for the activities of state bodies for the exchange of cultural values, for further studies of the interaction of cultures, in the activities of organizations, institutions, departments, diplomatic services dealing with interstate cultural cooperation, the development of research-based programs for the exchange of cultural values and their use in the activities of cultural institutions in different countries.

Purnima ANAND

M.A. (English),

President, International Federation of Indian-Russian Youth Clubs

at the Russian Center for Science and Culture,

President, International Forum of BRICS Countries,

New Delhi, Republic of India,

purnimaaneath@yahoo.co.in

Olga I. BYCHKOVA

Cand. Sci. (Economy and Management of National Economy),
Assoc. Prof., Southern Branch,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation,
bychkovaoi@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7579-2522

Alexander A. GUTSALOV

Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher,
Southern Branch, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation,
gutsalov_alex@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7986-3543

***Cultural Interaction between Russia and India:
Historical Experience and Current State***

Abstract. At the highest level of interstate relations, cultural relations between Russia and India are considered not only as one of the strategic areas of cooperation, but also as its basis, which is manifested in the mutual awareness of the common fundamental values of the peoples of Russia and India. The cultural policy of the two states is characterized by similar tasks: the preservation of cultural heritage, national culture and language in the context of cultural integration and globalization, the protection of cultural values, and the search for effective forms of cultural interaction. The evidence of the stability, effectiveness and relevance of this format of interaction, even in an unfavorable political environment, is its temporal continuity, presented in this work in the context of the historical experience of the formation of cultural ties between Russia and India in different periods of time, starting from the 15th century. The aim of this article is to typologize this experience up to the present time. The theoretical focus was on such subject areas as interstate cultural cooperation, cultural exchanges, and cultural diplomacy. The sources were Russian and Indian official documents, as well as relevant research works. The authors used the ideographic (descriptive-narrative), comparative-historical, and retrospective methods, as well as the periodization method in the study. The novelty of the research consists in the generalization of ideas about the mechanisms of international cultural cooperation, the practices of cultural exchanges and cultural diplomacy, the interaction of national cultures on the example of Russian-Indian relations. The actual significance of studying this issue is enhanced by its organic connection with the prospects of improving the status of national cultures, expanding the possibilities of their inclusion in the context of world culture, and with the prospects of social development in general. The analysis of documents, research works, and the level of interstate relations between Russia and India allows us to conclude that it is the cultural sphere with its stable semantic codes that underlies Russian-Indian political and economic relations. The results of the study of the development of cultural interaction can be used for a further investigation of the interaction of cultures, in the activities of organizations, institutions, departments, diplomatic services dealing with interstate cultural cooperation, for the development of research-based programs for the exchange of cultural values and their use in the activities of cultural institutions in different countries.

Keywords: India, Russia, Nehru Indian Cultural Center, Center for Russian Science and Culture, Rosstrudnichestvo, Indian Council for Cultural Relations (ICCR), cultural exchange, cultural diplomacy, international cultural cooperation, strategic partnership.

Использованная литература:

1. Belli, A. (2014) *Cultural Ties Set to Grow between Russia and India in 2014*. Russia Beyond. 04 July 2014. [Online] Available from: https://www.rbth.com/arts/2014/07/04/cultural_ties_set_to_grow_between_russia_and_india_in_2014_36435 (Accessed: 11.01.2021).
2. Bogolyubova, N.M. & Nikolaeva, Yu.V. (2008) *Indiya vo vneshney kul'turnoy politike Rossii (Osnovnye napravleniya rossiysko-indiyskogo kul'turnogo i nauchnogo sotrudnichestva na sovremennom etape)* [India in the Foreign Cultural Policy of Russia (The Main Directions of Russian-Indian Cultural and Scientific Cooperation at the Present Stage)]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 180. pp. 318–330.
3. Chenoy, A.M. (2008) India and Russia: Allies in the International Political System. *South Asian Survey*. 15 (1). pp. 49–62.
4. Chenoy, A.M. (2010) India and Russia in the Changing International Setting. *International Studies*. 47(2–4). pp. 435–447. DOI: 10.1177/002088171104700423
5. Dash, P.L. (1988) *Indira Gandhi and Soviet Union*. New Delhi: Prachi Prakashan.
6. Dash, P.L. (1991) *Dimensions of Perestroika (The Inceptive Phase) 1985–1988*. Delhi: Ajanta Prakashan.
7. Dash, P.L. (1996) *Russia: The Unclear Agenda*. Cuttack: Arya Prakashan.
8. Dash, P.L. & Nazarkin, A.M. (eds) (2007) *India and Russia: Strategic Synergy Emerging*. New Delhi: Authorspress.
9. Dash, P.L. & Nazarkin, A.M. (eds) (2008) *Indo-Russian Diplomatic Relations: Sixty Years of Enduring Legacy*. Delhi: Academic Excellence Publishers.
10. *Diplomaticheskij Vestnik – Diplomatic Journal*. (2000) Tezisy “Vneshnyaya kul'turnaya politika Rossii – god 2000” [Theses: Foreign Cultural Policy of Russia – Year 2000]. 4. pp. 74–86.
11. *Diplomaticheskij Vestnik – Diplomatic Journal*. (2019) Vstupitel'noe slovo Ministra inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii S. V. Lavrova v khode peregovorov s Ministrom inostrannykh del Indii S. Dzhayshankarom. Moskva. 28.08.2019 [Opening Remarks by Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov during Negotiations with Minister of Foreign Affairs of India Subrahmanyam Jaishankar. Moscow, 28 August 2019]. [Online] Available from: <https://www.mid.ru/ezegodnik-diplomaticheskij-vestnik-za-2019-g>. (Accessed: 02.02.2021)
12. Garant. (1960) *Agreement Concerning Cultural, Scientific and Technological Co-Operation between the Republic of India and the Union of Soviet Socialist Republics* (New Delhi, 12 February 1960). [Online] Available from: <https://base.garant.ru/2567197/> (Accessed: 06.01.2021). (In Russian).
13. Garant. (1995) *Decree of the Government of the Russian Federation of 12 February 1995, No. 22: On the Main Directions of Cultural Cooperation of the Russian Federation with Foreign Countries*. [Online] Available from: http://base.garant.ru/1520067/?_utl_t=vk (Accessed: 02.02.2021).
14. Golovina, G.V. & Savina, I.A. (2014) International Cultural Cooperation: Aspects of Social, Cultural and Legal Regulation. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of the Adyghe State University, Series “Region Studies:*

References:

1. Belli, A. (2014) *Cultural Ties Set to Grow between Russia and India in 2014*. Russia Beyond. 04 July 2014. [Online] Available from: https://www.rbth.com/arts/2014/07/04/cultural_ties_set_to_grow_between_russia_and_india_in_2014_36435 (Accessed: 11.01.2021).
2. Bogolyubova, N.M. & Nikolaeva, Yu.V. (2008) *Indiya vo vneshney kul'turnoy politike Rossii (Osnovnye napravleniya rossiysko-indiyskogo kul'turnogo i nauchnogo sotrudnichestva na sovremennom etape)* [India in the Foreign Cultural Policy of Russia (The Main Directions of Russian-Indian Cultural and Scientific Cooperation at the Present Stage)]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury*. 180. pp. 318–330.
3. Chenoy, A.M. (2008) India and Russia: Allies in the International Political System. *South Asian Survey*. 15 (1). pp. 49–62.
4. Chenoy, A.M. (2010) India and Russia in the Changing International Setting. *International Studies*. 47(2–4). pp. 435–447. DOI: 10.1177/002088171104700423
5. Dash, P.L. (1988) *Indira Gandhi and Soviet Union*. New Delhi: Prachi Prakashan.
6. Dash, P.L. (1991) *Dimensions of Perestroika (The Inceptive Phase) 1985–1988*. Delhi: Ajanta Prakashan.
7. Dash, P.L. (1996) *Russia: The Unclear Agenda*. Cuttack: Arya Prakashan.
8. Dash, P.L. & Nazarkin, A.M. (eds) (2007) *India and Russia: Strategic Synergy Emerging*. New Delhi: Authorspress.
9. Dash, P.L. & Nazarkin, A.M. (eds) (2008) *Indo-Russian Diplomatic Relations: Sixty Years of Enduring Legacy*. Delhi: Academic Excellence Publishers.
10. *Diplomaticheskij Vestnik – Diplomatic Journal*. (2000) Tezisy “Vneshnyaya kul'turnaya politika Rossii – god 2000” [Theses: Foreign Cultural Policy of Russia – Year 2000]. 4. pp. 74–86.
11. *Diplomaticheskij Vestnik – Diplomatic Journal*. (2019) Vstupitel'noe slovo Ministra inostrannykh del Rossiyskoy Federatsii S. V. Lavrova v khode peregovorov s Ministrom inostrannykh del Indii S. Dzhayshankarom. Moskva. 28.08.2019 [Opening Remarks by Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation Sergey Lavrov during Negotiations with Minister of Foreign Affairs of India Subrahmanyam Jaishankar. Moscow, 28 August 2019]. [Online] Available from: <https://www.mid.ru/ezegodnik-diplomaticheskij-vestnik-za-2019-g>. (Accessed: 02.02.2021)
12. Garant. (1960) *Agreement Concerning Cultural, Scientific and Technological Co-Operation between the Republic of India and the Union of Soviet Socialist Republics* (New Delhi, 12 February 1960). [Online] Available from: <https://base.garant.ru/2567197/> (Accessed: 06.01.2021). (In Russian).
13. Garant. (1995) *Decree of the Government of the Russian Federation of 12 February 1995, No. 22: On the Main Directions of Cultural Cooperation of the Russian Federation with Foreign Countries*. [Online] Available from: http://base.garant.ru/1520067/?_utl_t=vk (Accessed: 02.02.2021).
14. Golovina, G.V. & Savina, I.A. (2014) International Cultural Cooperation: Aspects of Social, Cultural and Legal Regulation. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya – Bulletin of the Adyghe State University, Series “Region Studies:*

Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science and Culturology". 4 (148). pp. 162–169. (In Russian).

15. Kadakin, A.M. (2010) *Rossiya i Indiya razvivayut privilegirovannye otnosheniya. Interv'yu Posla Rossii v Indii A. M. Kadakina radiostantsii "Golos Rossii"* [Russia and India Are Developing a Privileged Relationship. Interview of the Ambassador of Russia Alexander Kadakin to the Golos Rossii Radiostation]. 16 December 2010. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/maps/in/-/asset_publisher/EpJ5G4lcyymbv/content/id/224622 (Accessed: 09.02.2021). (In Russian).

16. Kalandarova, M.S. (2011) Rabindranath Tagore in the Soviet Union. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 3 (644). pp. 51–55. [Online] Available from: <http://naukarus.com/rabindranat-tagor-v-sovetskom-soyuze> (Accessed: 14.02.2021). (In Russian).

17. KODEKS. (1971) *Treaty of Peace, Friendship and Cooperation between the Government of India and the Government of the Union of Soviet Socialist Republics*. 9 August 1971. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/1901358> (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).

18. KODEKS. (1993) *Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of India on Cultural and Scientific Cooperation*. New Delhi. 28 January 1993. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901728582> (Accessed: 04.02.2021). (In Russian).

19. KODEKS. (1993) *Treaty of Friendship and Cooperation between the Republic of India and the Russian Federation*. 29 April 1993. No. 4896-1. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901884900> (Accessed: 09.01.2021). (In Russian).

20. KODEKS. (2000) *Declaration on Strategic Partnership between the Republic of India and the Russian Federation*. 5 October 2000. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901783728> (Accessed: 01.02.2021). (In Russian).

21. KODEKS. (2000) *The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Approved on 28 June 2000*. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (Accessed: 12.12.2020). (In Russian).

22. Kremlin.ru. (2008) *Joint Declaration between the Republic of India and the Russian Federation during the Visit of the President of the Russian Federation*. 5 December 2008. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/379> (Accessed: 03.02.2021). (In Russian).

23. Kremlin.ru. (2009) *Joint Declaration between the Republic of India and the Russian Federation on Deepening the Strategic Partnership to Meet Global Challenges*. 7 December 2009. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/408> (Accessed: 04.01.2021). (In Russian).

24. Kremlin.ru. (2019) *Joint Statement Following the 20th India-Russia Annual Summit "Reaching New Heights of Cooperation through Trust and Partnership"*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/5438> (Accessed: 09.01.2021). (In Russian).

25. Kuzyk, B.N. & Shaumyan, T.L. (2009) *Indiya – Rossiya: strategiya partnerstva v XXI veke* [India – Russia: Partnership Strategy in the 21st Century]. Moscow: Institut ekonomicheskikh strategiy.

26. Lavrentsova, T.D., Ovchinnikov, R.V. & Shumilov, V.N. (1958) *Russko-indiyskie otnosheniya v XVII veke* [Russian-

Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science and Culturology". 4 (148). pp. 162–169. (In Russian).

15. Kadakin, A.M. (2010) *Rossiya i Indiya razvivayut privilegirovannye otnosheniya. Interv'yu Posla Rossii v Indii A. M. Kadakina radiostantsii "Golos Rossii"* [Russia and India Are Developing a Privileged Relationship. Interview of the Ambassador of Russia Alexander Kadakin to the Golos Rossii Radiostation]. 16 December 2010. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/maps/in/-/asset_publisher/EpJ5G4lcyymbv/content/id/224622 (Accessed: 09.02.2021). (In Russian).

16. Kalandarova, M.S. (2011) Rabindranath Tagore in the Soviet Union. *Aziya i Afrika segodnya – Asia and Africa Today*. 3 (644). pp. 51–55. [Online] Available from: <http://naukarus.com/rabindranat-tagor-v-sovetskom-soyuze> (Accessed: 14.02.2021). (In Russian).

17. KODEKS. (1971) *Treaty of Peace, Friendship and Cooperation between the Government of India and the Government of the Union of Soviet Socialist Republics*. 9 August 1971. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/1901358> (Accessed: 05.01.2021). (In Russian).

18. KODEKS. (1993) *Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the Republic of India on Cultural and Scientific Cooperation*. New Delhi. 28 January 1993. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901728582> (Accessed: 04.02.2021). (In Russian).

19. KODEKS. (1993) *Treaty of Friendship and Cooperation between the Republic of India and the Russian Federation*. 29 April 1993. No. 4896-1. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901884900> (Accessed: 09.01.2021). (In Russian).

20. KODEKS. (2000) *Declaration on Strategic Partnership between the Republic of India and the Russian Federation*. 5 October 2000. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901783728> (Accessed: 01.02.2021). (In Russian).

21. KODEKS. (2000) *The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation. Approved on 28 June 2000*. [Online] Available from: <http://docs.cntd.ru/document/901764263> (Accessed: 12.12.2020). (In Russian).

22. Kremlin.ru. (2008) *Joint Declaration between the Republic of India and the Russian Federation during the Visit of the President of the Russian Federation*. 5 December 2008. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/379> (Accessed: 03.02.2021).

23. Kremlin.ru. (2009) *Joint Declaration between the Republic of India and the Russian Federation on Deepening the Strategic Partnership to Meet Global Challenges*. 7 December 2009. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/408> (Accessed: 04.01.2021).

24. Kremlin.ru. (2019) *Joint Statement Following the 20th India-Russia Annual Summit "Reaching New Heights of Cooperation through Trust and Partnership"*. [Online] Available from: <http://www.kremlin.ru/supplement/5438> (Accessed: 09.01.2021). (In Russian).

25. Kuzyk, B.N. & Shaumyan, T.L. (2009) *Indiya – Rossiya: strategiya partnerstva v XXI veke* [India – Russia: Partnership Strategy in the 21st Century]. Moscow: Institut ekonomicheskikh strategiy.

26. Lavrentsova, T.D., Ovchinnikov, R.V. & Shumilov, V.N. (1958) *Russko-indiyskie otnosheniya v XVII veke* [Russian-

Indian Relations in the 17th Century]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Indien/XVII/1600-1620/Russ_ind_17/index.phtml?id=3069 (Accessed: 04.01.2021).

27. Lunacharskiy, A.V. (1923) *Indiyskiy Tolstoy* [The Indian Tolstoy]. *Krasnaya niva*. 1. pp. 28–31.

28. Lunev, S.I. (2017) Soviet-Indian Relations (1955–1971): The Birth of a Friendship. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 2017. 2 (53). pp. 24–51. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2017-2-53-24-51

29. Ministry of External Affairs. (2009) *Cultural Exchange Programme between the Ministry of Culture of the Republic of India and the Ministry of Culture of the Russian Federation for the Years 2010–2012*. [Online] Available from: <https://www.mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/RU09B2344.pdf> (Accessed: 04.01.2021).

30. Ministry of External Affairs. (2012) *Cultural Exchange Programme between the Ministry of Culture of the Republic of India and the Ministry of Culture of the Russian Federation for the Years 2013–2015*. [Online] Available from: <https://www.mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/RU12B0233.pdf> (Accessed: 05.01.2021).

31. Ministry of External Affairs. (2017) *Cultural Exchange Programme between the Ministry of Culture of the Republic of India and the Ministry of Culture of the Russian Federation for the Years 2017–2019*. [Online] Available from: <https://www.mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/RU17B3072.pdf> (Accessed: 06.01.2021).

32. Ministry of External Affairs. (2018) *Guidelines/SOP on the Conclusion of International Treaties in India*. [Online] Available from: <https://www.mea.gov.in/images/Revised-SOPs-with-forwarding-letter-02042018.pdf> (Accessed: 03.02.2021).

33. Ministry of Culture of the Russian Federation. (2017) *Russia and India Signed a Cultural Exchange Programme for 2017–2019*. 4 July 2017. [Online] Available from: https://culture.gov.ru/press/news/rossiya_i_indiya_podpisali_programmu_kulturnykh_obmenov_na_2017_2019_gody/ (Accessed: 20.01.2020). (In Russian).

34. Mokhanti, A. (2003) *India – Russia: Dialogue of Civilizations*. Moscow: Mezhdunarodnyy tsentr sotsial'no-politicheskikh issledovaniy. (In Russian).

35. Petrova, E.Yu. (2003) *Rossiysko-indiyskie istoricheskie svyazi v dokumentakh i materialakh arkhivov L.N. Tolstogo i muzeya-usad'by "Yasnaya Polyana"* [Russian-Indian Historical Ties in the Documents and Materials of the Archives of Leo Tolstoy and the Yasnaya Polyana Museum-Estate]. History Cand. Diss. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.

36. RF Ministry of Foreign Affairs. (2010a) *Interview of Ambassador of Russia to India Alexander Kadakin to the ITAR-TASS Agency*. 15 December 2010. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/maps/in/-/asset_publisher/EpJ5G4lcmvb/content/id/224614 (Accessed: 09.02.2021). (In Russian).

37. RF Ministry of Foreign Affairs. (2010b) *The Main Directions of the RF Policy in International Cultural and Humanitarian Cooperation*. [Online] Available from: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/224550 (Accessed: 02.02.2021). (In Russian).

Indian Relations in the 17th Century]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Indien/XVII/1600-1620/Russ_ind_17/index.phtml?id=3069 (Accessed: 04.01.2021).

27. Lunacharskiy, A.V. (1923) *Indiyskiy Tolstoy* [The Indian Tolstoy]. *Krasnaya niva*. 1. pp. 28–31.

28. Lunev, S.I. (2017) Soviet-Indian Relations (1955–1971): The Birth of a Friendship. *Vestnik MGIMO-Universiteta – MGIMO Review of International Relations*. 2017. 2 (53). pp. 24–51. (In Russian). DOI: 10.24833/2071-8160-2017-2-53-24-51

29. Ministry of External Affairs. (2009) *Cultural Exchange Programme between the Ministry of Culture of the Republic of India and the Ministry of Culture of the Russian Federation for the Years 2010–2012*. [Online] Available from: <https://www.mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/RU09B2344.pdf> (Accessed: 04.01.2021).

30. Ministry of External Affairs. (2012) *Cultural Exchange Programme between the Ministry of Culture of the Republic of India and the Ministry of Culture of the Russian Federation for the Years 2013–2015*. [Online] Available from: <https://www.mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/RU12B0233.pdf> (Accessed: 05.01.2021).

31. Ministry of External Affairs. (2017) *Cultural Exchange Programme between the Ministry of Culture of the Republic of India and the Ministry of Culture of the Russian Federation for the Years 2017–2019*. [Online] Available from: <https://www.mea.gov.in/Portal/LegalTreatiesDoc/RU17B3072.pdf> (Accessed: 06.01.2021).

32. Ministry of External Affairs. (2018) *Guidelines/SOP on the Conclusion of International Treaties in India*. [Online] Available from: <https://www.mea.gov.in/images/Revised-SOPs-with-forwarding-letter-02042018.pdf> (Accessed: 03.02.2021).

33. Ministry of Culture of the Russian Federation. (2017) *Russia and India Signed a Cultural Exchange Programme for 2017–2019*. 4 July 2017. [Online] Available from: https://culture.gov.ru/press/news/rossiya_i_indiya_podpisali_programmu_kulturnykh_obmenov_na_2017_2019_gody/ (Accessed: 20.01.2020). (In Russian).

34. Mokhanti, A. (2003) *India – Russia: Dialogue of Civilizations*. Moscow: Mezhdunarodnyy tsentr sotsial'no-politicheskikh issledovaniy. (In Russian).

35. Petrova, E.Yu. (2003) *Rossiysko-indiyskie istoricheskie svyazi v dokumentakh i materialakh arkhivov L.N. Tolstogo i muzeya-usad'by "Yasnaya Polyana"* [Russian-Indian Historical Ties in the Documents and Materials of the Archives of Leo Tolstoy and the Yasnaya Polyana Museum-Estate]. History Cand. Diss. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.

36. RF Ministry of Foreign Affairs. (2010a) *Interview of Ambassador of Russia to India Alexander Kadakin to the ITAR-TASS Agency*. 15 December 2010. [Online] Available from: https://www.mid.ru/ru/maps/in/-/asset_publisher/EpJ5G4lcmvb/content/id/224614 (Accessed: 09.02.2021). (In Russian).

37. RF Ministry of Foreign Affairs. (2010b) *The Main Directions of the RF Policy in International Cultural and Humanitarian Cooperation*. [Online] Available from: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/224550 (Accessed: 02.02.2021). (In Russian).

38. Rossiyskaya Gazeta. (2017) 70 Years of Russian-Indian Friendship. An Exclusive Interview of Indian Prime Minister Narendra Modi to Rossiyskaya Gazeta on the Occasion of the 70th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations between Moscow and Delhi. 30 May 2017. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/05/30/narendra-modi-v-ekskliuzivnoj-state-dlia-rg-o-druzhberossii-i-indii.html> (Accessed: 04.01.2021). (In Russian).

39. Shirin, S.S. (2016) The Conceptualization of the Major Directions of Russia's Foreign Cultural Policy after 2013. *Vestnik SPbGU. Ser. 6 – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Political Science. International Relations.* 1. pp. 133–150. (In Russian).

40. Sovetnikova, O.V. (2015) Evolution of Conceptual Foundations of Foreign Cultural Policy of Russia (2000–2014). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. voprosy teorii i praktiki.* 1 (51). In 2 Parts. Pt. 1. pp. 189–191. (In Russian).

41. Tagore, R. (1915) *Sobranie sochineniy: v 10 kn.* [Collected Works: In 10 Books]. Translated from English and Bengali by M. Likiardopulo. Moscow: Valentin Portugalov.

42. Tagore, R. (1918) *Gitandzhali: Zhertvennye pesnopeniya* [Gitanjali: Song Offerings]. Translated from Bengali by N.A. Pusheshnikov. 4th ed. Moscow: Kn-vo pisateley v Moskve.

43. Tagore, R. (1956a) Pis'mo ot 25 sentyabrya 1930 g. Moskva [Letter of 25 September 1930, Moscow]. In: Tagore, R. (1956) *Pis'ma o Rossii* [Letters from Russia]. Translated from Bengali by M. Kafitina. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 16–22.

44. Tagore, R. (1956b) *Pis'ma o Rossii* [Letters from Russia]. Translated from Bengali by M. Kafitina. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

45. TASS. (2015) *President of India: Cultural Ties between Russia and India Promote Strategic Partnership.* 10 May 2015. [Online] Available from: <https://tass.ru/kultura/1960644> (Accessed: 04.02.2021).

46. Ultsiferov, O.G. (2005) *Kul'turnoe nasledie Indii* [Cultural Heritage of India]. Moscow: AST, Vostok-Zapad.

47. UN. (1966) *Declaration of the Principles of International Cultural Co-Operation.* [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture.shtml (Accessed: 11.01.2021). (In Russian).

48. Usha, R.K. & Kumar, R. (2021) *Jawaharlal Nehru Cultural Center, Moscow, Russia.* ICCR. [Online] Available from: <https://www.iccr.gov.in/indianculturalcenter/jawaharlal-nehru-cultural-center-moscow-russia> (Accessed: 04.02.2021).

49. Varma, V. (2021) *Foreign Secretary's Speech at the Russian Diplomatic Academy, Moscow. 17 February 2021.* [Online] Available from: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.m?dtl/33535rys+speech+at+the+russian+diplomatic+academy+moscow+february+17+2021> (Accessed: 07.01.2021).

50. Vasilenko, E.V. (2015) *Kul'turnaya diplomatiya kak instrument "myagkoy sily" gosudarstva* [Diplomacy as an Instrument of the "Soft Power" of the State]. 23 November 2015. [Online] Available from: <http://www.perspektivy.info/> (Accessed: 01.03.2021)

51. Vostochnaya literatura. (1695) *Iz vypisi v doklad v Posol'skom prikaze o snosheniyakh Rossii s Indiy* [From the

38. Rossiyskaya Gazeta. (2017) 70 Years of Russian-Indian Friendship. An Exclusive Interview of Indian Prime Minister Narendra Modi to Rossiyskaya Gazeta on the Occasion of the 70th Anniversary of the Establishment of Diplomatic Relations between Moscow and Delhi. 30 May 2017. [Online] Available from: <https://rg.ru/2017/05/30/narendra-modi-v-ekskliuzivnoj-state-dlia-rg-o-druzhberossii-i-indii.html> (Accessed: 04.01.2021). (In Russian).

39. Shirin, S.S. (2016) The Conceptualization of the Major Directions of Russia's Foreign Cultural Policy after 2013. *Vestnik SPbGU. Ser. 6 – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6. Political Science. International Relations.* 1. pp. 133–150. (In Russian).

40. Sovetnikova, O.V. (2015) Evolution of Conceptual Foundations of Foreign Cultural Policy of Russia (2000–2014). *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. voprosy teorii i praktiki.* 1 (51). In 2 Parts. Pt. 1. pp. 189–191. (In Russian).

41. Tagore, R. (1915) *Sobranie sochineniy: v 10 kn.* [Collected Works: In 10 Books]. Translated from English and Bengali by M. Likiardopulo. Moscow: Valentin Portugalov.

42. Tagore, R. (1918) *Gitandzhali: Zhertvennye pesnopeniya* [Gitanjali: Song Offerings]. Translated from Bengali by N.A. Pusheshnikov. 4th ed. Moscow: Kn-vo pisateley v Moskve.

43. Tagore, R. (1956a) Pis'mo ot 25 sentyabrya 1930 g. Moskva [Letter of 25 September 1930, Moscow]. In: Tagore, R. (1956) *Pis'ma o Rossii* [Letters from Russia]. Translated from Bengali by M. Kafitina. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury. pp. 16–22.

44. Tagore, R. (1956b) *Pis'ma o Rossii* [Letters from Russia]. Translated from Bengali by M. Kafitina. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury.

45. TASS. (2015) *President of India: Cultural Ties between Russia and India Promote Strategic Partnership.* 10 May 2015. [Online] Available from: <https://tass.ru/kultura/1960644> (Accessed: 04.02.2021).

46. Ultsiferov, O.G. (2005) *Kul'turnoe nasledie Indii* [Cultural Heritage of India]. Moscow: AST, Vostok-Zapad.

47. UN. (1966) *Declaration of the Principles of International Cultural Co-Operation.* [Online] Available from: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/culture.shtml (Accessed: 11.01.2021). (In Russian).

48. Usha, R.K. & Kumar, R. (2021) *Jawaharlal Nehru Cultural Center, Moscow, Russia.* ICCR. [Online] Available from: <https://www.iccr.gov.in/indianculturalcenter/jawaharlal-nehru-cultural-center-moscow-russia> (Accessed: 04.02.2021).

49. Varma, V. (2021) *Foreign Secretary's Speech at the Russian Diplomatic Academy, Moscow. 17 February 2021.* [Online] Available from: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.m?dtl/33535rys+speech+at+the+russian+diplomatic+academy+moscow+february+17+2021> (Accessed: 07.01.2021).

50. Vasilenko, E.V. (2015) *Kul'turnaya diplomatiya kak instrument "myagkoy sily" gosudarstva* [Diplomacy as an Instrument of the "Soft Power" of the State]. 23 November 2015. [Online] Available from: <http://www.perspektivy.info/> (Accessed: 01.03.2021)

51. Vostochnaya literatura. (1695) *Iz vypisi v doklad v Posol'skom prikaze o snosheniyakh Rossii s Indiy* [From the

Extract in the Report in the Ambassadorial Prikaz on Relations between Russia and India]. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Indien/XVII/1600-1620/Russ_ind_17/241-260/252.phtml?id=3394 (Accessed: 12.01.2021).

52. Zagorodnikova, T.N. (2018) *Indiya i Serebryannyi vek russkoy kul'tury: ocherki russko-indiyskikh otnosheniy* [India and the Silver Age of Russian Culture: Essays on Russian-Indian Relations]. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.

Extract in the Report in the Ambassadorial Prikaz on Relations between Russia and India]. [Online] Available from: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Indien/XVII/1600-1620/Russ_ind_17/241-260/252.phtml?id=3394 (Accessed: 12.01.2021).

52. Zagorodnikova, T.N. (2018) *Indiya i Serebryannyi vek russkoy kul'tury: ocherki russko-indiyskikh otnosheniy* [India and the Silver Age of Russian Culture: Essays on Russian-Indian Relations]. Moscow: Institute of Oriental Studies, RAS.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Anand, P. Cultural Interaction between Russia and India: Historical Experience and Current State / P. Anand, O. I. Bychkova, A. A. Gutsalov // *Nasledie vekov*. – 2021. – № 1 – С. 13–32. DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.001

Full bibliographic reference to the article:

Anand, P., Bychkova, O. I. & Gutsalov, A. A. (2021) Cultural Interaction between Russia and India: Historical Experience and Current State. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 13–32. DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.001

ЧЕЛЫШЕВ Дмитрий Евгеньевич
кандидат исторических наук,
независимый исследователь
Москва, Российская Федерация
Dmitry E. CHELYSHEV
Cand. Sci. (General History),
Independent Researcher,
Moscow, Russian Federation,
de_chelyshev@list.ru

УДК [323.328:82-992]+725.94(470+540)"14/..."
ГРНТИ 13.17.00
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.002

Афанасий Никитин в Индии: историческая ретроспектива легендарного путешествия

Afanasy Nikitin in India: A Historical Retrospective of the Legendary Journey

В статье определено историческое значение путешествия тверского купца Афанасия Никитина в аспекте его влияния на последующее развитие культурных контактов между Россией и Индией, а также выявлен ряд обстоятельств, связанных с установкой в Индии единственного памятника путешественнику. Проанализирован текст литературного памятника XV в. «Хождение за три моря», использованы результаты исследований индийских и российских ученых, ряд англоязычных источников. Подчеркивается историческая ценность путевых заметок А. Никитина как единственного свидетельства о реалиях жизни индийского общества в государстве Бахманидов, что позволило автору обоснованно внести ряд корректив в исторические данные. Подвергнута критике концепция ориентализма в оценке значимости и мотивов деятельности известных российских путешественников и исследователей Востока. Сооружение памятника А. Никитину в 2001 г. трактуется как событие, придавшее новый импульс развитию и расширению российско-индийского сотрудничества.

Ключевые слова: Афанасий Никитин, И. П. Минаев, «Хождение за три моря», государство Бахманидов, Индия, ориентализм, культурное наследие.

В этом году исполняется 20 лет со дня торжественного открытия в Индии первого и пока единственного за рубежом памятника русскому первопроходцу — тверскому купцу Афанасию Никитину. Точную хронологию его

знаменитого «Хождения за три моря» определить невозможно: с учетом разброса дат, приводимых различными исследователями, считается, что он совершил его в период с 1466 по 1472 г. Цель данной статьи заключена

в изложении истории открытия единственного памятника А. Никитину в Индии, а также в научном обосновании историко-культурной значимости фигуры знаменитого путешественника на основе авторского анализа его путевых заметок. Актуальность темы связана с необходимостью активизации российско-индийских культурных отношений, в чем подобные памятники играют немаловажную роль. Исследование было осуществлено с помощью исторического, логического методов, теоретического анализа, эмпирического наблюдения, сопоставительного анализа полученных данных.

Начиная с середины XIX в. о путешествии Никитина в Индии было написано немало статей и книг. Первая исследовательская работа, специально посвященная этому памятнику литературы, появилась в 1856 г. и принадлежала перу академика Петербургской Академии наук И. И. Срезневского [19]. В 1881 г. вышла работа известного востоковеда И. П. Минаева, специально ей посвященная [10]. Отдельные труды появлялись в печати и позже. Например, князь Н. С. Трубецкой, находясь в эмиграции в Праге, в 1926 г. опубликовал в издававшемся в Париже журнале «Версты» статью об этом древнем произведении [16]. Интерес к рукописи возрос в послевоенное время прошлого века. Можно назвать историческую повесть К. Кунина [8], исследования В. А. Кучкина [9], М. Виташевской [2], Л. С. Семенова [13] и др.

Большое количество работ появилось и в новой России уже в текущем веке [5, с. 152–155] [6, с. 140–145] [1, с. 14–17] [17, с. 98–99] [20, с. 24–36] [12, с. 518–532] [15, с. 30–36] [3, с. 25–29]. Сочинение А. Никитина становилось и темой диссертационного исследования [14]. Краткая точная информация об этом памятнике содержится в академической статье И. Л. Галинской «Афанасий Никитин» [4, с. 141–142]. Сам текст небольшой, на современном литературном русском языке он занимает 15 стр.

Не секрет, что уникальность путешествия Никитина состоит не только и даже не столько в том, что он оказался первым из числа донныне известных русских путешественников, достигших индийских берегов в далеком XV в. Может быть, со временем мы

узнаем новые имена тех, кому довелось посетить Индию до легендарного тверичанина. Гораздо важнее другое: до наших дней каким-то чудом дошел дневник, который он вел во время своего путешествия. Это обстоятельство делает его смелое предприятие знаковым, имеющим немного аналогов в научном и историческом планах. Документ представляет собой ценнейший источник информации об историческом периоде развития Индии, который до сих пор изучен поверхностно ввиду отсутствия достаточного объема достоверных данных и источников.

«Сравнение записок Аф. Никитина с западными географическими памятниками XV и XVI веков не окажется к невыгоде русского путешественника, — отмечал в своем фундаментальном труде „Старая Индия. Заметки на хождение за три моря Афанасия Никитина“, изданном в Санкт-Петербурге в 1881 г., известный русский индолог И. П. Минаев. — Уступая им часто в красоте изложения и богатстве фактических подробностей, тверич Никитин превосходит весьма многих беспристрастным, наблюдательностью и толковостью; трезвость, отличающая все его сообщения, и верность наблюдения дают право сравнивать его заметки с самыми выдающимися из старинных путешествий» [10, с. 2].

Скрупулезный научный анализ текста записок тверского купца и сопоставление содержащихся в нем наблюдений с известными историческими фактами и гипотезами подтверждает этот вывод.

Впервые внимание на эти записки обратил Н. М. Карамзин (1817), а первое издание было осуществлено в Москве академиком Петербургской Академии наук П. М. Строевым (в «Софийском временнике») в 1821 г. Второй раз они были изданы в Санкт-Петербурге в 1849 г. в «Сказании Русского народа» (сост. И. П. Сахаров). Отдельным изданием «Хождение за три моря» вышло только в 1948 г. (в серии «Литературные памятники») [11]. За ним последовало большое количество переизданий.

На английский они были переведены секретарем русской миссии при дворе святого Иоанна в Ватикане графом Виельгорским. Он воспользовался для этого так называемым

«Троицким списком», в состав которого был включен текст «Хождения» Афанасия Никитина. Аутентичная копия древнего манускрипта была получена благодаря ходатайству русского посла при британском королевском дворе барона Брунова.

Позже этот перевод был включен в сборник исторических хроник и документов под общим заголовком «Индия в пятнадцатом веке. Собрание рассказов о путешествиях в Индию из латинских, персидских, русских и итальянских источников, впервые переведенных на английский язык», опубликованный по инициативе известного английского научно-просветительского благотворительного общества «Хэклот» под редакцией Р. Х. Мэйджора в 1857 г. [27, pp. 198–223].

Именно благодаря публикации перевода графа Виельгорского дневник Афанасия Никитина вновь оказался в той стране, по которой он странствовал почти 400 лет тому назад. О первом переводчике «Хождения» на английский язык известно очень немного. Его современники отзывались о нем как о смелом и талантливом молодом человеке и истинном патриоте России. В последнем, наверное, они не ошибались, так как подающий большие надежды молодой дипломат предпочел на деле доказывать свою преданность родине и в итоге погиб в ходе крымской кампании в декабре 1855 г.

Книга с его переводом дневника Афанасия Никитина вышла в свет спустя два года после его смерти. Очень скоро, оказавшись в поле зрения индийских, а также проживавших в те годы на территории Индии португальских и британских авторов и исследователей, текст «Хождения за три моря» в буквальном смысле слова обрел вторую жизнь и вызвал множество публикаций, посвященных как самому путешествию Никитина, так и сопоставлению описываемых в его записках событий и реалий с имевшимися научными данными о социально-экономическом развитии тех областей, которые довелось посетить русскому купцу во второй трети XV в., о культуре, традициях и обычаях народов и племен, населявших в те времена эти регионы.

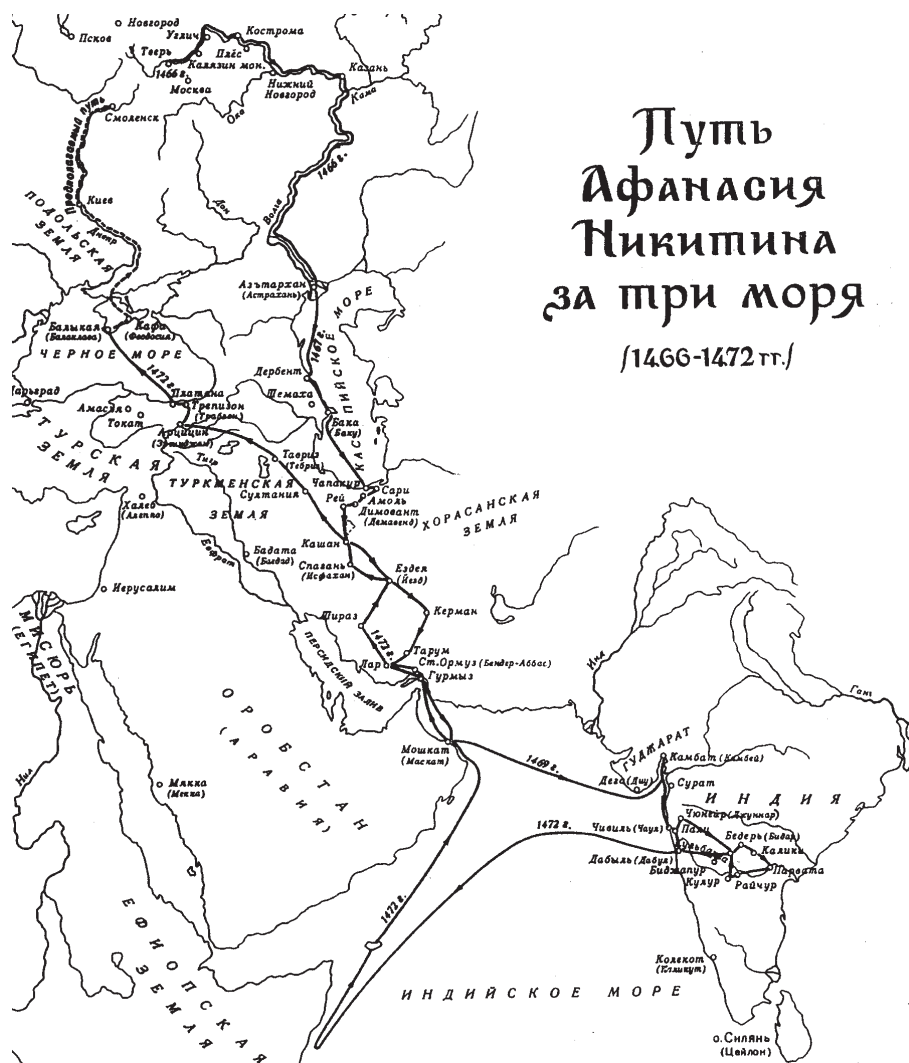
Дневники русского путешественника оказались подлинной сенсацией, опровергнув

хрестоматийные представления о пальме первенства в «открытии» Индии для европейцев. «В то время как Васко да Гама единственно мыслил о возможности найти путь от Африки к Индостану, — писал в своих комментариях по поводу дневников Афанасия Никитина обнаруживший эту рукопись известный русский историк Н. М. Карамзин, — наш Тверитянин уже купечествовал на берегу Малабара и беседовал с жителями о догматах их веры» [7, с. 226].

Публикация дневников русского путешественника послужила мощным стимулом для пробуждения в Индии интереса и вкуса к изучению собственной истории. Рукопись Афанасия Никитина оказалась предметом пристального изучения лучших историков, этнографов, религиоведов и политологов того времени, хотя сам текст его дневников и говорил о том, что уровень образованности и эрудиции автора были не очень высоки. Но от исследователей не ускользнула одна важная деталь: благодаря природной остроте ума, смекалке и проницательности Никитин сумел подметить многие особенности быта тех народностей, которые населяли в те годы западное побережье Индии, уловить некоторые черты характерной для них культуры и обычаев. В поле зрения исследователей вновь попал небольшой городок Чаул, расположенный приблизительно в 130 км к югу от Бомбея, где впервые ступил на индийскую землю русский первопроходец.

К тому периоду, когда дневники тверского купца были опубликованы в Индии, уже была достаточно освоена знаменитая бомбейская гавань, быстрыми темпами шло строительство портовых сооружений, автомобильных и железных дорог и прочей необходимой инфраструктуры для функционирования большого порта, и поэтому та часть малабарского побережья, где высадился русский купец, уже практически полностью утратила былое экономическое и хозяйственное значение для жизни страны.

Для многих явилось подлинным открытием, что захолустные южные окрестности Бомбея в далеком XV в., оказывается, играли исключительно важную роль в торговом общении между Индией и заморскими тер-

Путь Афанасия Никитина за три моря

/1466-1472 гг./

держание путевых заметок тверичанина, представить себе ту атмосферу, в которой он оказался, впервые ступив на неизведанную землю, попытаться вообразить, что мог чувствовать обычный купец из средневековой русской глубинки, очутившись в «сказочном» и «фантастическом» для него мире. В этом смысле работа португальского автора представляет немалый интерес, органично дополняя тот бытовой и исторический контекст, который присутствует в дневниках самого Никитина в весьма фрагментарном и эпизодическом виде.

Порт Чаул, в районе которого высадился на берег Афанасий Никитин, был известен начиная с I—II вв.н.э. — в качестве одной из главных торговых артерий Индии. Одноименная полноводная река (в прошлом известная как Кондулика, а ныне превратившаяся в едва заметный ручеек) образовывала при

впадении в Аравийское море удобную и достаточно обширную гавань, в которой швартовались суда, прибывавшие с товарами в Индию из многих частей света. В исторических хрониках и географических атласах многих стран, как отмечает в своем исследовании Гереон де Кунья, этот известный порт на западном побережье Индии был известен под разными названиями. Древние греки нарекли его Симилла, арабы именовали Саймур, в мусульманских средневековых текстах он упоминается как Чивел, а в маратхских источниках как Ченвал.

На протяжении многотысячелетней истории этому портовому городу не раз доводилось переживать периоды небывалого расцвета и совершеннейшего упадка, один из которых наступил в Средние века, в нача-

Рис. 1. Маршрут путешествия Афанасия Никитина по Индии [18]

риториями, о чем, в частности, отталкиваясь от дневников А. Никитина, подробно написал в своей книге «Записки об истории и древности Чаула и Бессейна» известный португальский историк Гереон де Кунья. Симптоматично, что эта книга была опубликована в 1876 г. [21], то есть спустя всего лишь год после того, как английский перевод дневников русского торговца начал распространяться в Индии.

Подробное описание известного индийского портового города XV в. Чаула, которое дает в своем исследовании португальский ученый, представляет большой научный интерес. Но ценность исследования де Куньи не ограничивается только лишь этим аспектом. Благодаря предпринятому им подробному историческому экскурсу мы имеем сегодня возможность лучше понять и оценить смысл и со-

ле правления династии Бахманидов. Начиная с 1347 г. все обширные территории западного побережья Индии, включая порт Чаул, и вплоть до расположенного почти на четырехста километров в глубь материка г. Бидар перешли во владение султана Аляутдина Хусейна Бахмани, который к тому времени уже правил на значительных территориях Деканского плоскогорья. Торговля, как свидетельствуют исторические хроники, не особенно интересовала правителей этой могущественной династии, и поэтому значение портового г. Чаул стало неуклонно понижаться, пока не сошло практически до нулевой отметки.

Тем не менее, начиная приблизительно с середины XIV в., приоритеты тогдашних правителей этих территорий претерпели изменения, и портовый город вновь начал возвращаться к своей привычной оживленной торговой жизни. Убедительным подтверждением тому могут служить записки Никитина. О том, как выглядел этот важнейший в торгово-экономическом отношении регион Индии, мы можем, по существу, судить лишь по дневниковым записям русского купца и португальского путешественника Людовико де Вертемы, который посещал этот порт в период с 1503 по 1508 г., то есть более чем через 30 лет после русского купца.

Судя по этим запискам, можно предположить, что любой иноземец, впервые оказавшийся здесь, не испытывал психологического дискомфорта и сравнительно легко мог адаптироваться к окружающей среде: это был в полном смысле слова космополитический торговый центр, где наряду с доминирующим индусским и мусульманским населением проживали достаточно многочисленные общины евреев, парсов и значительное число выходцев из Турции, стран Ближнего Востока и даже христиан. Заезжие купцы чувствовали себя здесь весьма вольготно — практически всегда можно было найти своих соплеменников, готовых выступить в качестве посредников и переводчиков, и, что самое главное, можно было не опасаться чересчур сильного религиозного давления и всевозможных ограничений, вводимых мусульманскими правителями, отчего в немалой степени страдали многие торговые миссии в других регионах Индии.

В своих дневниках оба путешественника рассказывали о том, что порт Чаул в середине XV в. жил насыщенной и полной жизнью. На многочисленных базарах и рынках города в изобилии торговали зерном, орехами, специями, всевозможными свежими и сушеными овощами и фруктами, а также домоткаными тканями из натурального хлопка и шелка.

Тем не менее такое небывалое по тем временам изобилие не слишком поразило воображение тверского купца, и он не стал здесь особо задерживаться, проведя в этих местах ровно столько времени, сколько требовалось для своеобразного маркетинга. Целеустремленность и практичность русского путешественника не могут не поражать — довольно быстро уяснив для себя, какой интерес с точки зрения торговли и коммерции может представлять для России династия Бахманидов, он приискал для себя подходящих попутчиков и направился дальше в глубь страны, в направлении горной гряды Западных Гхатов. «По всей вероятности, — отмечал в этой связи И. П. Минаев, — Аф. Никитин был одним из первых и немногих христиан, проникших в XV в. во внутренность Декана. Португальцы появились в Индии позднее. Хотя, несомненно, христиане и христианские миссионеры бывали в Индии гораздо ранее Аф. Никитина... но все известия одинаково относятся к христианам побережных городов; случайно, быть может, христиане решались проникать в глубь Декана; но, по всей вероятности, охотников на то было немного» [10, с. 34–35].

Выбирая маршруты путешествия, русский купец руководствовался одному ему ведомыми соображениями, о которых мы сегодня можем лишь догадываться. В контексте предпринимаемого исследования гораздо важнее другое, а именно тот немалый и неподдельный интерес, который описания его странствия по индийским просторам пробудили в самых широких слоях индийской общественности после их публикации на английском языке. Дневники русского первопроходца вызвали целую серию публикаций в так называемых газетирах, или, иначе говоря, реферативных справочных изданиях, получивших широкое распространение в Англии и Индии начиная с середины XIX в. Эти работы

в немалой степени способствовали оживлению интереса в Индии к собственной истории и послужили своего рода стимулом для исследования до той поры малоизученных ее страниц. Они же выступили основой для многих ценных научных открытий в области истории торгово-экономических отношений страны с сопредельными государствами.

Индийские и английские авторы этих статей подробно реконструировали маршрут Афанасия Никитина по тем ссылкам, которые встречаются в его дневниках, задавались вопросом о том, какой именно населенный пункт служил промежуточной точкой его путешествия по Деканскому нагорью с учетом разночтений в написании географических названий в древности и в современную им эпоху.

По поводу некоторых гипотез и предположений велись оживленные дискуссии и жаркие споры. Так, существовали разные интерпретации спорного географического названия, упоминаемого в дневниках Никитина [25]. Согласно одной из версий, под названием «Пили» в его тексте могли подразумеваться пещеры Пулу-Сонале, расположенные у подножья горного хребта, через который пролегает известный перевал Нана. Эта гипотеза принадлежит известному индийскому историку Пандиту Бхагванлалу Индраджи, который посвятил много лет исследованию и описанию этих пещер, создание которых датируется VII–VIII вв. н.э.

Если следовать этой версии, то путь русского путешественника в Джуннар, первый крупный населенный пункт, должен был пролегать через этот перевал, распложенный приблизительно в 27 км к северо-западу от города. Этот маршрут был проложен во времена древней династии Сатваханов с целью соединения их столицы (Джуннар) с такими важными торговыми центрами, как Кальян и Нала-сапора. Вполне возможно, как отмечал в 1882 г. автор одной из публикаций в газетах, что многие торговые миссии из Чаула следовали именно этим путем для того, чтобы достичь многих влиятельных центров материковой Индии.

Находились даже энтузиасты, которые не жалели времени и сил для того, чтобы на практике проверить правильность выска-

зываемых предположений. Так, по итогам экспедиции, предпринятой в 1885 г. группой добровольцев, взявшихся пройти пешком от пещер Пулу-Сонале, о которых писал Никитин [23, р. 262], до Джуннара через перевал Нана, удалось доказать, что на это требуется значительно меньше, чем 16 дней, как полагали сторонники этой версии. Поэтому в итоге она была отвергнута. Аналогичные оживленные дебаты вызывали и другие маршруты русского купца по Индии.

По ходу странствий Никитину, судя по всему, нередко встречались действующие или уже заброшенные к тому времени и лежащие в руинах крепости, бастионы и иные фортификационные сооружения, которые обычно возводились в древности на вершинах и отрогах гор, в непосредственной близости от традиционных мест поклонений; пещеры и скальные храмы, относящиеся к периоду расцвета в Индии раннего буддизма ветви хинаяны.

Ко времени посещения этих мест Аф. Никитиным независимый и самостоятельный статус этих центров уже был безвозвратно утрачен. Все крепости пали, а буддистские монастыри оказались разоренными приблизительно в 1436 г., когда эти области оказались завоеванными мусульманскими армиями под предводительством султана Бахмани.

Первый крупный населенный пункт на пути следования Афанасия Никитина — г. Джуннар — расположен у подножья высокого холма, венчаемого крепостью Шивнери. Он считался в те годы одним из наиболее хорошо защищенных и неприступных центров. Исторические хроники свидетельствуют, что строительство различного рода фортификационных сооружений на вершине холма Шивнери началось еще в глубокой древности, во времена правления династии Сатваханов (30 г. до н.э.) и продолжалось затем в годы возвышения Чалукьев (550–642 гг. н. э.) и Раштракутов (742–973 гг. н.э.). Позже укрепленные сооружения на вершине холма перешли под контроль династии Ядавов, которые правили в этих местах с 1170 по 1308 г. В 1443 г. крепость после долгой осады пала под натиском войск Бахманидов, перестроивших и усовершенствовавших ее по собственному образцу.

В публикуемых в газетах материалах подробно комментировались те места из заметок Афанасия Никитина, в которых он описывал свое пребывание в Джуннаре и рассказывал о неприступной по тем временам крепости Шивнери [23, р. 225]. Так, историки тех времен, ссылаясь на свидетельства русского купца, заключали, что единственной доступной дорогой на вершину холма могла служить узкая тропинка, восхождение по которой занимало очень много времени и требовало больших усилий. «Город Джунир (Джуннар) находится на каменном острове, который никем не устроен, а сотворен Богом,— отмечал в своем дневник Никитин.— <...> Один человек поднимается на гору целый день, дорога тесна, двоим пройти нельзя» [23, р. 225]. И хотя это описание совершенно не походило на ту картину, которую представлял собой форт Шивнери в конце XIX столетия (англичане, установившие свой контроль над этими территориями, начиная с 1818 г., по своему обыкновению, перестроили и благоустроили подъездные пути к крепости), это ни в коей мере не служило поводом для того, чтобы усомниться в достоверности записок русского путешественника.

Еще одним городом, который посетил по пути своего странствования Никитин и о котором в этой связи подробно писалось в газетах 1880 г., был портовый центр Дабул. Комментируя соответствующие места из дневников русского путешественника, авторы этих публикаций особо выделяли те места из его повествования, где Никитин писал о Дабуле как о большом городе, в котором сливаются воедино многие нации и народности, проживающие на океанских побережьях от Индии до Эфиопии [18, с. 60].

В газетах обсуждался не только маршрут Афанасия Никитина. Так, записки русского путешественника вызвали целую научную дискуссию по вопросу о роли и месте принудительного или рабского труда в экономике средневековой Индии. В этой связи появилось немало публикаций, авторы которых подробно анализировали такой примечательный и любопытный факт из истории Индии Средних веков, как массовое привлечение рабской силы из Абиссинии для выполнения различ-

ного рода тяжелых и непопулярных среди местного населения работ.

Оживленная научная дискуссия об абиссинских рабах, развернувшаяся на страницах научных журналов в конце XIX в., попутно выводила на другую, не менее интересную и важную проблематику: обсуждение и оценку роли религиозного фактора в процессе ассимиляции в Индии различных инонациональных и иноэтнических общин и народностей.

Значительная по численности община выходцев из Абиссинии, проживавшая на территории Индии в Средние века, представляла в данном случае наглядный пример. Дело в том, что дальнейшая судьба выходцев из этих североафриканских регионов, которых во времена правления в Индии династии Бахманидов называли собирательными терминами «хабши» (по всей видимости, от арабского названия Абиссинии «хабаш») или «сиди» и которые привлекались тогдашними правителями Индии в качестве физически крепких и выносливых рабов и бесстрашных наемных воинов, складывалась любопытным образом. Зачастую, принимая ислам, бывшие рабы обретали иной социальный статус и быстро поднимались по ступеням общественной и политической иерархии. Путь обращения в новую веру сулил во времена правления Бахманидов очень выгодные перспективы, на что особенно важно обратить внимание в контексте изучения записок Афанасия Никитина и анализа его странствий по территории Индии.

Можно поэтому предположить, что для тверского купца, путь которого по Индии пролегал в основном по территориям, находящимся под господством Бахманидов, вопрос о смене веры часто приобретал не просто умозрительный, а совершенно практический смысл. Обрести сколько-нибудь значимый общественный статус (а порой сохранить имущество и саму жизнь) без этого было делом далеко не простым. Уместно напомнить, что известный венецианский купец Николо де Конти, путешествовавший по Индии почти в то же время, что и Никитин, был вынужден принять ислам перед лицом реальной угрозы для его жизни. Подобные случаи были, судя по всему, не так уж редки. Так, И. П. Минаев, ссылаясь на книгу английского путешественника Саму-

эля Пёрчеса «His Pilgrimage or Relation: of the World», изданную в Лондоне в 1617 г., упоминает об англичанине Роберте Джонсоне, который «рenegатством пробил себе дорогу к почестям при дворе Деканских царей, но недолго пользовался им, ибо через восемь дней по обрезанию умер; другие два — Роберт Клакстон и Роберт Тралии... добровольно дали ограбить у себя то, чего у них никогда не было, то есть веру и религию, и омусульманились» [24, р. 327].

Многие места дневников Никитина свидетельствуют о том, что русскому купцу нередко приходилось отстаивать свои религиозные убеждения в нелегкой борьбе, из которой он в конечном итоге вышел победителем. Но при этом он потерял в другом — христианская вера, которую так ревностно оберегал тверичанин, на всем протяжении его странствий по индийской земле выступала в качестве главной преграды, препятствовавшей его психологической адаптации к окружающей действительности. Но он не пожертвовал ей, что характеризует его как человека цельного и сильного, сумевшего избежать растворения в принципиально иной социально-культурной и религиозной среде.

Хотя обе основные религии, с которыми Никитину пришлось столкнуться в Индии, — ислам и индуизм — были для него в равной мере неприемлемы, его отношение к ним было различным. Свойственный индуизму политеизм, обряды и специфическая символика были совершенно непонятны выходцу из российской средневековой глубинки. Несмотря на толерантность и пластичность индуизма, он оставался «закрытой» религией для иноверцев. Ислам же с его центральным принципом единобожия казался ближе и понятнее. В дневниках Никитина есть места, где он намекает, что эта религия, в принципе, может иметь право на существование. Но, несмотря на мощное давление со стороны мусульманского окружения, Никитин посчитал переход в иную веру для себя неприемлемым.

Внутренний нравственный и духовный выбор русского купца был очень непростым. Будучи человеком незаурядным и проницательным, он должен был понимать, что отказываясь от принятия ислама, он не сможет преуспеть в своей торговой миссии в мусуль-

манской Индии, куда забросила его судьба. Так и произошло. «Итак, русские братья христиане, — отмечал Никитин в своих дневниках в назидание потомкам, — кто из вас хочет идти в Индийскую землю, тогда ты оставь свою веру на Руси и, призвав Мухаммеда, иди в Индостанскую землю» [18, с. 60–61].

Итог «Хождения» Никитина в Индию мог быть совершенно иным, выбери он южное, а не восточное направление для своих странствий по индийскому субконтиненту. Во многих регионах Малабарского побережья, располагающихся несколько к югу от того места, где он впервые ступил на индийскую землю, к концу XV в. значительно усилилось присутствие сирийской Православной Церкви, основанной в Индии в первые века нашей эры апостолом Фомой. По свидетельству некоторых источников, к началу XVI в. на юго-западном побережье Индии проживало свыше 30 тыс. православных семей [22, р. 433] — цифра по тем временам весьма значительная. Никитин чувствовал бы себя здесь гораздо комфортнее, и результат его отважного предприятия мог бы быть веселее.

Некоторые из его впечатлений оказались единственным источником информации о давно исчезнувших с карты местах и важных событиях. К таковым можно отнести рассказ Никитина о важнейшем центре религиозного паломничества индусов на территории Индии, священном месте поклонения под названием «Шрисайлам», с которым связано немало страниц индийского эпоса и мифологии, известном еще со времен Махабхараты под названием Шри Парваты, или «благословенного холма» («...Их Иерусалим, а по-басурмански Мекка...» [18, с. 64], как характеризует этот исторический комплекс Никитин). Располагающийся на вершине невысокого прибрежного холма реки Кришны древний храмовый комплекс, в котором главными объектами поклонения являются Шива в облике Малликарджуны и его божественная супруга в образе Бхрамарамбы Дэви, и по сей день является одним из двенадцати наиболее почитаемых религиозных святынь индуизма. Что же касается самого холма, на котором он расположен, то ему присваивается наивысший сакральный статус «южного» Кайлаша.

Не вызывает поэтому особого удивления тот факт, что заметки Афанасия Никитина об этом храмовом комплексе, представляющие собой единственное достоверное свидетельство о том, как выглядела эта святыня индуизма во второй половине XV в., вызвали огромный интерес научной общественности в британской Индии. Сопоставление их с подробными записками английского исследователя капитана Маккэнзи, посетившего эти места в марте 1794 г., то есть почти 300 лет спустя, предоставляло уникальную возможность проследить процесс его развития в исторической перспективе, обнаружить и попытаться объяснить перемены, происходившие в окружавшей его социально-бытовой и экономической инфраструктурах.

В частности, дневниковые записи русского купца позволяли прийти к заключению, что во второй трети XV в. храмовый комплекс Шрисайлам все еще сохранялся в своей первоначальной красоте и величии, несмотря на то, что окружающие его земли уже находились под властью династии Бахманидов. На это указывает отсутствие в заметках Никитина каких-либо ссылок на имеющиеся разрушения и упадок. Ярким контрастом в этой связи служили путевые заметки английского исследователя, опубликованные в журнале «Азиатские исследования, или труды по изучению общества», учрежденном в Бенгалии для изучения истории древних искусств, наук и литературы Азии.

Ко времени посещения английским путешественником эта индусская святыня уже испытала на себе всю тяжесть религиозной нетерпимости и фанатизма мусульманских завоевателей и, судя по всему, была уже далека от того великолепия, которое довелось увидеть русскому первопроходцу. «...Все завоевания мусульман носят на себе характер религиозных войн, — совершенно справедливо отмечал И. П. Минаев. — <...> Их полчища не только грабили то, что ценно, но и оставляли по себе злую память, разрушая святыни или подвергая их поруганию» [10, с. 34].

И все же английскому исследователю открылась картина поистине впечатляющая: Парвата, по его словам, включала в себя несколько храмов, обнесенных стеною, имев-

шею в длину 660 футов, а в ширину 510 футов, в самой ограде находилось несколько храмов и других зданий, а также сад и пруд. Ограда, как отмечал он, была выстроена из правильно обтесанных камней сероватого цвета и имела в высоту от 24 до 27 футов, причем сами камни, которые использовались при строительстве ограды, имели также довольно внушительные размеры — от шести до семи футов в длину и около трех в высоту. На Никитина такие небывалые пропорции произвели гораздо большее впечатление, чем на более образованного англичанина. «А бутхана весьма велика, с пол-Твери, каменная...», — с изумлением записывает он в свой дневник [18, с. 61].

Комментируя это, русский индолог И. П. Минаев дает важное пояснение в отношении терминов «бут» и «бутхана», употребляемых Никитиным при описании мест религиозного поклонения индусов. Так, он считает, что «...Афанасий Никитин употребляет персидские слова — „бут“ и „бутхана“ — в значениях „идол“ и „капище“» и что в его устах «оба эти выражения не имеют никакого отношения к Будде или буддизму, давно уже не существовавшему в то время в той части Индии. <...> Афанасий Никитин в своих записках различает в индийском населении мусульман и идолопоклонников; первых он называет б е с е р м е н а м и, а вторых — к о ф а р а м и; последние, по его словам... „молятся каменным болванам, а Христа не знают“ или же: „все веруют в Бута“». Далее русский исследователь отмечает, что слово «бут» в понимании Аф. Никитина имеет значение «...идола, или каменного болвана» [10, с. 131]. Это толкование можно принять за исчерпывающее объяснение. Воспитанный в духе единобожия, он не мог уловить различий между громадным числом зрительных образов многочисленных воплощений божеств индуского пантеона и использовал для их описания понятный ему собирательный термин.

Внимательно изучавшие и сопоставлявшие заметки двух путешественников исследователи не могли не обратить внимания и на другой момент. Никитин пишет о 12 ярусах скульптурных барельефов, украшавших главный храм Малликарджуны: «...всего вырезано 12 венцов, как бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах...» [18,

с. 64]. В то же время Маккэнзи пишет уже только о 9 ярусах барельефной резьбы. Ясно, что ни тот, ни другой не могли ошибаться в простых арифметических подсчетах, и поэтому вывод напрашивается сам собой: значительная часть храма оказалась разрушенной во времена мусульманского господства.

Скульптурные изображения, конечно, поразили воображение русского купца, но в своих записях он остался верен себе и никак не выказывал эмоций и воздерживался от комментариев. «Бут... являлся индийцам во многих образах,— пишет он о барельефах храма Малликарджуны,— первое — в образе человека; второе — в облике человека, но с хоботом слона; третье — человеком в виде обезьяны; четвертое — человеком в образе лютого зверя. Являлся им всегда с хвостом, а хвост на камне вырезан с сажень» [18, с. 64].

У человека, воспитанного в духе пуриганских традиций и норм христианской морали, скульптурные изображения подчас очень вольного характера не могли не вызывать чувства отторжения и внутреннего протеста. Но нигде на страницах его дневника нельзя встретить, говоря словами И. П. Минаева, «нетерпимого высокомерия», свойственного многим «современным правителям Индии. Говоря о местных обычаях, о религии туземцев, он сообщает факты, не комментируя их враждебно, не упоминает о бесконечном числе скотских качеств у Индийцев», которые столь часто «подмечали» некоторые европейские путешественники [10, с. 43].

Но главное, на что обращали внимание индийские специалисты, исследовавшие путевые заметки двух путешественников, заключалось в том, что ни тому, ни другому так и не довелось увидеть главную святыню этого места религиозного паломничества — один из двенадцати фаллических символов бога Шивы, или так называемых самопроявленных «джойятир» лингамов, обладающих особым сакральным статусом. Это лишний раз подтверждало, что акцент на тщательное соблюдение ритуальной чистоты священных мест поклонения соблюдался в Индии даже в те отдаленные времена, когда представители иных конфессий были не столь частыми гостями на просторах этой страны.

Индийские исследователи конца XIX в. и (практически одновременно, но независимо от них) русский индолог И. П. Минаев подробно анализировали те места из дневников, где он рассказывал о военных походах бидарских властителей против могущественного царства Виджаянагар, располагавшегося в центральной части южной Индии.

Историческая ценность дневников тверского купца состояла и состоит в том, что записанные впечатления оказались единственным свидетельством этих эпохальных военных походов, дошедших до наших времен. Из них историки получили информацию о численности и составе войск бидарского султана, вооружении и воинской экипировке, о других важных деталях.

Записки Никитина, который скрупулезно вел отсчет дням и неделям своего пребывания в Индии, позволили внести существенные коррективы в имеющиеся исторические данные. Так, сопоставляя дневниковые записи русского купца с имевшимися хронологическими данными, И. П. Минаев пришел к заключению, что известный поход бидарского раджи Малика против пиратского анклава Шанкара раджи, располагавшегося в районах современного Гоа, продолжался не три года, как считалось ранее, а всего лишь два и закончился в 1471 г., то есть как раз в то время, когда Никитин еще был в Бидаре и видел завершение военной кампании своими глазами.

Никитин поехал за три моря «не как турист, а исключительно с торговой целью», которая разительным образом отличалась от намерений многих европейских преемников, не щадившими сил и даже жизнью для того, чтобы подчинить себе новые земли либо с помощью креста и Библии, либо путем экономического и политического принуждения. Быть может, поэтому содержание и общая тональность рукописи тверского купца сильно отличаются от многих средневековых хроник более позднего периода, в которых интенции их авторов отчетливо читаются между строк [10, с. 2]. По словам Никитина, в этот опасный путь он пустился, имея намерение открыть новые торговые пути и разведать, какие возможности может сулить для русских купцов торговля с Индией. Эта мотивационная основа

его путешествия объясняет тот факт, что в отличие от многих средневековых хроникеров, он в своих заметках стремился скорее осмыслить и понять увиденное, нежели сравнить непонятное с привычными реалиями и осудить за то, что оно совершенно не вписывается в собственные представления.

Многие исследователи его странствий отмечают, что он в деталях интересовался теми товарами, которые могли, с его точки зрения, представлять интерес для торговли с Россией. При этом традиционные ткани и специи он отметил как совершенно не заслуживающие внимания и сосредотачивался на драгоценных камнях. В каких бы местах он ни останавливался во время своего «хождения» по Индии — в Чауле, Джуннаре, Бидаре —, он везде интересовался именно этим предметом возможного экспорта в Россию, наводил справки и тщательно записывал полученные сведения в дневник.

Посещая религиозный комплекс Шри-сайлам во время традиционной ярмарки, проводимой в период фестиваля Шиваратри, он обратил внимание на оживленную торговлю драгоценными камнями. О том же самом пишет и английский исследователь Маккэнзи, указывая при этом на то, что добывались и обрабатывались они в районах, прилегающих к священному комплексу. Один из таких центров, описываемых им, располагался «неподалеку от развалин Чундра-гумпти-пунтум, в прошлом величественного города на северном берегу реки Кришны» [10, с. 2].

Тверичанин описывал и некоторые известные алмазные копи во владениях бахманидов (Райчур, Куллур, Гулбаргу, Голкопри), рассказывал не только о ценах на драгоценные камни в пересчете на рубли, но и об условиях приобретения самих месторождений, что выдает в нем уже жилку промышленника. Русский купец в те далекие годы прекрасно понимал, что разрабатывать месторождения самим экономически выгоднее, нежели покупать обработанные камни.

Таким образом, мы видим, что Никитина в Индии интересовали исключительно торговые и даже промышленные дела; к культуре местных жителей он относился уважительно, деликатно, без негативных оценок, что,

в принципе, характерно для известных русских путешественников. Подтверждением этому служили и приведенные цитаты из работы И. П. Минаева. Однако в современной научной среде имеют место и другие оценки. Например, в 1978 г. общественности была предложена так называемая теория ориентализма. Ее автор — американский ученый палестинского происхождения Эдвард Саид. Его позиция заключалась в утверждении тезиса, что все европейцы (включая и русских) являются европоцентристами, расистами и носителями идеи западного доминирования над Востоком. Конечно, определенные основания для такой позиции по отношению к европейцам времени колониализма были. Например, англичане Джеймс Милль и Г. С. Мэйн в свое время утверждали, что у индийцев нет цивилизации как таковой, нет ни искусства, ни поэзии, ни науки, ни законов, ни морали. Теория оказалась весьма привлекательной для неевропейских ученых, и вот уже в XXI в. ее развил индийский историк Мукерджи, большую часть жизни проживший и проработавший в США. Он пришел к выводу, что все известные русские, путешественники, ученые, коммерсанты или деятели искусства, побывавшие в Индии, поголовно были «ориенталистами» с колонизаторским стилем мышления, высокомерием и пренебрежительным отношением к Востоку. В «черный список» Мукерджи [26] попали основоположник русской индологии Иван Минаев, основатель классического театра в Индии, русский драматург Герасим Лебедев, путешественник и талантливый рисовальщик князь Алексей Салтыков и — как самый махровый «ориенталист» — русский художник Василий Верещагин. Тверской купец, совершивший многотрудное «хождение за три моря» в Индию в XV в., был заявлен «основоположником» русского «ориентализма».

Проведенный выше анализ работы Никитина убедительно показывает, что для таких радикальных негативных оценок нет оснований и что в заметках тверского купца отсутствуют основополагающие признаки, которые, по мнению авторов данной концепции, характеризуют ориенталиста. Очевидным подтверждением этого является и открытие памятника Аф. Никитину в Индии, к истории которого автор имеет самое непосредствен-

ное отношение. Наш экскурс в процесс изучения путешествия Никитина по Индии был необходим и для осознания большой значимости создания и установки в Индии этого памятника, которую придают данному событию и сами индийцы.

Знаковый и масштабный российско-индийский культурный проект, осуществленный Российским центром науки и культуры (РЦНК) в г. Мумбаи, которым автору этих строк довелось руководить с 1997 по 2003 г., вызвал живой и неподдельный интерес индийской творческой интеллигенции и научной общественности, широко освещался в местных газетах. Комплекс мероприятий, проведенных Российским культурным центром в рамках подготовки к открытию памятника, и активная информационная кампания, которую удалось организовать в местных СМИ, вновь, теперь уже на новом историческом этапе стратегического привилегированного партнерства, привлекли внимание в Индии к истокам российско-индийских связей, их истории, которую принято отсчитывать от путешествия тверского купца.

Памятник Никитину было решено построить неподалеку от Мумбаи, в окрестностях деревушки Чаул, где русский путешественник, если следовать его дневникам, впервые ступил на индийскую землю. Упоминание об этом населенном пункте можно встретить теперь лишь в книгах по истории и на старых картах. Его уже давно поглотил более крупный населенный пункт — Ревданда. Но русский купец не ошибся, записав в своем дневнике: «...И есть тут индийская страна...» [18, с. 59]. Хотя территория Гуджаратского султаната, к берегам которого до этого причаливал баркас с Никитиным на борту, в те далекие времена не считалась Индией, а сам султанат был независимым государством, тем не менее, строго говоря, и единого понятия «Индия» в то время не было. Индийский субконтинент объединял собой ряд разрозненных княжеств и мусульманских анклавов. Гуджаратский же султанат был присоединен к империи Бахманидов уже после возвращения Никитина в Россию (в 1573–1583 гг.)...

Процесс подготовки и строительства длился почти два года и был полон любопыт-

ных эпизодов, многие из которых рельефно высвечивают ту или иную грань индийской действительности и эмоциональную составляющую российско-индийских связей. Церемонию закладки первого камня в основание будущего монумента по согласованию с Генеральным консульством РФ в Мумбаи было решено приурочить к празднованию 100-летия со дня основания в Индии первой российской дипломатической миссии. Эта юбилейная дата в истории отношений двух стран широко отмечалась в Бомбейском консульском округе. Но ее подлинной кульминацией стал первый государственный визит в Индию В. Путина в качестве Президента РФ в начале октября 2000 г., который совпал по времени с проводимыми праздничными мероприятиями.

Во время официального приема, данного губернатором штата Махараштра П. С. Александером в честь главы российского государства, В. Путин сказал, что ему известно о планах строительства памятника в том месте, откуда русский путешественник начал свое путешествие по Индии, и что он всячески приветствует эту инициативу. Днем позже, на встрече с представителями местного бизнеса, российский президент вновь вернулся к этой теме и подчеркнул, что он поддерживает и одобряет идею установки памятника первому русскому путешественнику в дистрикте Алибаг.

Первая российская дипломатическая миссия была официально открыта в Бомбее 9 ноября (22 ноября по старому стилю) 1900 г., когда состоялась церемония поднятия российского флага над служебным помещением Генерального консульства России, располагавшегося в то время в гостинице «Тадж Махал», которая в неизменном виде существует до сих пор в качестве одного из лучших пятизвездочных отелей города. Этому предшествовали подписание консульского соглашения между Россией и Британией об открытии российской миссии, которое состоялось 24 января 1900 г., и публикация в российской печати 5 апреля 1900 г. Указа Николая Второго об открытии русской дипломатической миссии в Бомбее.

Переговоры и официальная переписка между Россией и Британией об открытии российской дипломатической миссии в Индии

носили затяжной и исключительно сложный характер. Они продолжались в общей сложности более 40 лет — с ноября 1858 по 14 августа 1899 г. Это объяснялось большой настороженностью британской администрации к предложению российского правительства об открытии дипломатического представительства, опасениями усиления влияния России в Индии, которое могло бы осуществляться, как утверждали некоторые британские политики, через пограничные страны, главным образом Афганистан и Центральную Азию.

И после подписания консульской конвенции 24 января 1900 г. все равно возникали спорные моменты. Так, получив сведения о том, что в Бомбей в качестве российского представителя планирует прибыть Вильям Оскарович фон Клемм, блестящий дипломат, имеющий богатый опыт работы на Востоке, генерал-губернатор Индии лорд Керзон стал настаивать на том, чтобы ранг российского представителя был ни в коем случае не выше консула. Однако его депеша, которую он направил в Лондон 15 апреля 1900 г., запоздала — десятью днями раньше в печати был опубликован Указ Николая Второго о назначении в Бомбей генерального консула.

Из архивных документов известно, что работа первого российского генерального консула в Бомбее в течение всех пяти лет была сопряжена со многими сложностями, возникавшими из-за враждебного отношения со стороны лорда Керзона. Известно и то, что первый российский дипломат в Индии с честью вышел из этого трудного положения, установив, несмотря на препятствия, чинимые британцами, обширные контакты с представителями широких кругов индийской общественности.

После одобрения идеи строительства памятника в головной организации (Российском центре международного научного и культурного сотрудничества) в Москве и в МИДе приступили к поиску земельного участка под возведение монумента. В соответствии с Законом о регулировании оборота иностранной валюты от 1999 г. на территории Индии не допускалось приобретение земельных участков в частную собственность лицами, не имеющими индийского гражданства. Мало что меняли и оговорки закона по исключению из общего

правила иностранных граждан, постоянно проживающих на территории Индии не менее 183 дней в году при условии получения специального разрешения от Резервного Банка Индии. Нужно было также учитывать, что в Индии очень пристально следят за сооружением памятников конкретным историческим персонам, поскольку в острой внутривнутриполитической борьбе они часто становятся дополнительным раздражителем и объектом провокаций. Представители Российского центра науки и культуры в Бомбее были вовлечены в процесс переговоров с советами старейшин (панчаятов) в соседних деревнях, обсуждения проекта в муниципальных органах власти. Все разговоры заходили в тупик, как только выяснялось, что за проектом стоит иностранная дипломатическая миссия.

В решении этого юридического вопроса значимую роль сыграл управляющий Российским культурным центром, индийский гражданин г-н Суварна. «Феномен Суварны» довольно примечателен. Такие опытные индийцы работали практически во всех российских культурных центрах в Индии, были своего рода «мажор-домами», или «палочками-выручалочками», в трудных ситуациях. Были такие старожилы в центрах в Калькутте (ныне Колката) и Мадрасе (ныне Ченнаи). В Нью-Дели большим почетом и уважением не только индийского, но и всего советского, а позже российского персонала всегда пользовалась г-жа Бано, рафинировано-интеллигентная представительница мусульманской элиты столицы, в Мумбаи работал вездесущий г-н Суварна. Эти люди, проработав в наших культурных центрах много десятилетий, практически со времени их основания в начале 1960-х гг., обрели обширнейшие связи в самых различных эшелонах индийского общества.

В то время, вплоть до начала 1980-х гг., советско-индийские связи переживали небывалый подъем. В страну часто приезжали с визитами высокопоставленные советские гости, что диктовало необходимость обеспечения соответствующего уровня представительства с индийской стороны. В ходе этой работы устанавливались связи с известными государственными и общественными деятелями, представителями политической, на-

Рис. 2. Ирина Чельшева в сопровождении Д.Патила и Н.Дешмукх осматривают место строительства памятника на территории колледжа (Фото Д. Чельшева)

учной и деловой элиты. С годами эти люди постепенно уходили со сцены, но оставались их родственники и знакомые, которые свято хранили о них память, и уже одно упоминание о старом знакомом способно было сразу поменять тональность беседы и позволяло решить многие трудные вопросы и проблемы.

Управляющему удалось разыскать в дистрикте Алибаг г-на Датта Патил, руководителя местного отделения Народной рабоче-крестьянской партии (одного из мелких осколков некогда влиятельной коммунистической партии Индии) и президента Образовательного общества региона Конкан. В действительности же это был подлинный «крестный отец» всего региона: его слово было законом для местных силовых структур и полиции, для чиновников административного аппарата дистрикта, не говоря уже о местных органах самоуправления.

При встрече в РЦНК Патил с ностальгией вспоминал былые времена, когда советско-индийские связи развивались под эмоциональным лозунгом «Хинди-руси бхай-бхай», восторженно говорил о Ленине и Октябрьской революции, которая, по его мнению, всколыхнула всю Индию (революция 1917 г. действительно оказала большое влияние на индийскую творческую интеллигенцию, в особенности на пи-

сателей и поэтов — и это отнюдь не идеологическое клише), вспоминал эпизоды из борьбы трудящихся Алибага за свои права в первые годы независимого развития страны. Информацию о проекте строительства памятника Афанасию Никитину Патил воспринял с энтузиазмом и выразил готовность предоставить российскому посольству в дар участок земли в бессрочное пользование на территории одного из колледжей. Этот колледж, носящий имя видного деятеля культуры штата Пиланкара, ока-

зался расположенным в живописном местечке в окружении кокосовых пальм на самом берегу Аравийского моря, возможно, действительно неподалеку от тех самых мест, где Афанасий Никитин впервые ступил на индийскую землю.

Вскоре директор Российского центра науки и культуры в Бомбее Дмитрий Чельшев и сотрудники Российского генерального консульства Михаил Кривошеев и Давид Мнацаканян подписали официальные документы дарения в офисе Патила в Алибаге. Все было оформлено на гербовой бумаге, с печатями и подписями, в присутствии государственного нотариуса. Один из принципиальных вопросов, связанных с предстоящим строительством, был, таким образом, успешно решен.

При процедуре подписания нашу делегацию торжественно встречали со всеми принятыми почестями все школьники колледжа имени Пиланкара в окружении преподавателей, совершались традиционные обряды, сопутствующие началу каждого ответственного предприятия, не обошлось и без импровизированного концерта. Русская «Катюша», даже в непрофессиональном исполнении, была принята на ура. Далее предстояла обычная рутинная работа: переписка, согласование, обсуждение.

Предварительно проект был уже оговорен и с администрацией Тверской области. Оставались вопросы по уточнению состава делегации для участия в мероприятии. Ключевую роль в реализации этого проекта на всех его этапах сыграла помощник губернатора Тверской области Ольга Ивановна Пищулина¹. Все развивалось по намеченному плану: была определена дата торжественной церемонии. Тверская делегация купила билеты на самолет, и для нее были забронированы места в той самой исторической гостинице «Тадж Махал». Приглашение получили члены российской делегации, при-

Рис. 3. Директор РЦНК Дмитрий Челышев подписывает акты дарения земли под строительство памятника (Фото И. Челышевой)

бывшие в Мумбаи для участия в торжествах, посвященных 100-летию первой российской дипмиссии, Посол РФ в Нью-Дели и сотрудники генконсульства. Был даже зафрахтован специальный прогулочный катер для отправки делегации в Алибаг, который с виду напоминает речные суда, которые, наверное, курсировали по Темзе или Миссисипи в конце XIX в.

Хотя расстояние между центральной, самой южной частью Мумбаи и Алибагом по прямой всего около 130 км, добраться туда отнюдь не просто. Город расположен на полуострове, отделенном от материковой части и дистрикта Алибаг устьем бомбейской портовой гавани. Путь туда на прогулочном катере составляет около часа. Затем

от пристани до колледжа Пиланкара нужно проехать еще около 20 км по дороге. В итоге от места до места можно добраться 1,5–2 часа.

Рис. 4. Делегация Тверской области встречается с главным министром штата Махараштра В. Демукхом (Фото И. Челышевой)

¹ На этапе установки и открытия памятного сооружения О. И. Пищулина занимала уже должность заместителя губернатора

Путь же по автомобильной дороге, с учетом местного трафика, занимает в один конец 5–6 часов.

Когда до назначенной даты проведения церемонии оставалось 3–4 дня, на катер были уже завезены продукты и прохладительные напитки для членов делегации, от Патила пришло известие, что он передумал и проводить мероприятие не будет. Строптивный характер Патила к тому времени был хорошо известен, и поэтому ситуация выглядела безнадежной. Суварна сыграл роль спасителя. Он сумел отыскать друга молодости Патила и, возможно, соратника по классовой борьбе, который согласился помочь. Патила даже не пришлось переубеждать — он все сразу понял, как только увидел российских представителей на пороге своего кабинета в сопровождении своего товарища. «Все-таки вы меня обошли», — только и процедил он сквозь зубы. Дальше уже все пошло без приключений.

Дата закладки памятника (23 ноября 2000 г.) была выбрана не случайно. В этот день ровно 100 лет тому назад первый генеральный консул России Вильям фон Клемм официально открыл в Бомбее первую российскую дипломатическую миссию в Индии.

Все произошло, как и планировалось: в Ревданду прибыла российская делегация в составе Первого заместителя министра иностранных дел РФ Вячеслава Трубникова, вице-губернатора Тверской области Юрия Краснова, заместителя губернатора Тверской области Ольги Пищулиной, президента Союза промышленников и предпринимателей Твери Сергея Потапова, Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в Индии Александра Кадакина, Генерального консула РФ в г. Мумбаи Дмитрия Казеннова, Представителя Росзару-

Рис. 5. Вице-губернатор Тверской области Юрий Краснов закладывает первый камень в основание памятника (Фото И. Чельшевой)

бежцентра в Индии Андрея Сорокина и практически всего старшего дипломатического состава Генерального консульства России в г. Мумбаи.

Проработавшие много лет в Индии дипломаты потом в кулуарах признавались, что это мероприятие вышло за рамки официоза и оказалось окрашенным в эмоциональные и искренние тона, которыми издавна отличались отношения между странами.

Прибывших на церемонию встретила запруженная народом площадь перед зданием колледжа, украшенная цветами, разноцветными гирляндами и накрытая по традиции тентом на бамбуковых шестах — так называемым пандалом. Выстроившиеся по бокам музыканты в красочной форме играли бравурные мелодии. Для того чтобы надеть на гостей гирлянды цветов, у входа собрались школьники и преподаватели колледжа.

Торжественный митинг открыл главный гость — Первый зам. министра иностранных дел РФ Вячеслав Трубников. Он зажег светильник, что символизирует собой начало каждого ответственного предприятия. После традиционных приветствий и речей членов кабинета министров штата Махараштра и российских гостей вице-губернатор Тверской области Юрий Краснов проследовал к постаменту бу-

дущего памятника и совершил торжественный символический обряд: под аплодисменты собравшихся заложил первый камень в его основу.

На площади была открыта и установленная рядом с будущим памятником мемориальная доска, надпись на которой гласит, что памятник первому русскому путешественнику в Индии был заложен вице-губернатором Тверской области в день празднования 100-летия первой российской дипломатической миссии в Индии.

Затем состоялся торжественный митинг, в ходе которого почетные гости из России и члены правительства штата Махараштра в своих выступлениях подчеркивали, что строительство памятника первому русскому путешественнику, фактически стоявшему у истоков многолетних и плодотворных российско-индийских связей, имеет большое политическое значение с точки зрения их дальнейшего развития и укрепления.

На строительство памятника ушло чуть более года, и 17 января 2001 г. на территории колледжа им. Пиланкара в Ревданде состоялась торжественная церемония его открытия. Мемориал в честь русского путешественника, возведенный при финансовом содействии администрации Тверской области по проекту местного архитектора Смиты Матре, представляет стелу из черного гранита высотой 7 метров, в основании которой по периметру укреплены бронзовые таблички на четырех языках — русском, английском, хинди и маратхи. На них выгравировано, что тверской купец Афанасий Никитин впервые ступил на индийскую землю неподалеку от места установки памятника. Рядом со стелой установлена

Рис. 6. Торжественный митинг в день закладки первого камня в основание будущего памятника. Выступает Дмитрий Челышев (Фото И. Челышевой)

гранитная мемориальная доска, на которой графически изображен маршрут путешествия Афанасия Никитина по Индии и приводится цитата из его записок, свидетельствующая о том, что он впервые высадился на берег Индии в местечке Чаул.

Для участия в церемонии прибыла делегация из Твери в составе вице-губернатора области Юрия Краснова, заместителя губернатора Ольги Пищулиной и мэра г. Твери Александра Белоусова, советника-посланника Посольства РФ в Индии Николая Кудашева, Представителя Росзарубежцентра в Индии Андрея Сорокина, Генерального консула РФ в г. Мумбаи Дмитрия Казеннова, директора РЦНК в г. Мумбаи Дмитрия Челышева и старшего дипломатического состава Генерального консульства РФ. В качестве почетных гостей с индийской стороны в мероприятии принимали участие министр внутренних дел и заместитель главного министра штата Махараштра Чхаган Бхуджбал, министр городского развития правительства штата Махараштра Сунил Таткаре, президент образовательного общества Конкан, известный адвокат Датта Патил и его вице-президент Нанда Дешмукх, руководящий состав штатовских отделений Индийского общества дружбы и культурных

Рис. 7. Памятник Афанасию Никитину в Ревданде (Фото Д. Чельшева)

Рис. 8. Гравировка на русском языке. С трех других сторон на памятнике выгравирован тот же текст на хинди, маратхи и английском (Фото Д. Чельшева)

связей и Индийско-русского общества дружбы, видные представители местной общественности и лидеры ведущих политических партий региона.

Приветственные послания по случаю торжественного открытия памятника были получены от губернатора штата Махараштра доктора П. С. Александера, главного министра штата Махараштра Виласрао Дешмукха, мэра г. Мумбаи Харишвара Патила, а также президентов Индийского общества дружбы и культурных связей Индийско-русского общества дружбы Радж Кумара и Джанака Радж Гупты. Они были зачитаны в ходе торжественного митинга директором РЦНК г. Мумбаи Дмитрием Чельшевым¹. В выступлениях

¹ Автором этой статьи.

подчеркивалось, что обелиск логическим образом завершает совершенное Аф. Никитиным отважное путешествие от берегов Волги и в этом смысле имеет глубоко символическое значение.

Торжества, связанные с открытием мемориала, привлекли большое внимание местной общественности и представителей средств массовой информации. На торжественном митинге присутствовало свыше 400 человек. Репортажи о состоявшемся событии были опубликованы центральной прессой на английском и маратхи.

Памятник Аф. Никитину в Ревданде стоит и поныне. Он прочно вошел в список местных достопримечательностей, и его часто посещают российские туристы, проезжая мимо

колледжа по пути в курортный комплекс Кашид на побережье Аравийского моря. Остается надеяться, что когда-нибудь претворятся в жизнь вынашиваемые его создателями планы и строительство этого монумента на территории одного из колледжей — событие само по себе исторически значимое — станет важным шагом в развитии двустороннего культурного сотрудничества между российским культурным центром и образовательным обществом региона Конкан, а в десятках школ и колледжах, объединённых под эгидой этого общества, будут изучаться русский язык и литература, проходить совместные фото- и художественные выставки, концертные программы, демонстрироваться российские художественные и документальные фильмы, читаться лекции и проводиться презентации российских вузов. Иными словами, увековеченная в монументе память о первом русском человеке, сошедшем на берег в этих местах, сможет, как это однажды уже случилось более 500 лет тому назад, придать новый импульс развитию и расширению российско-индийского сотрудничества.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

Путевые заметки Афанасия Никитина вызвали еще в британской Индии большой интерес практически сразу после их публикации на английском языке в XIX в. Они сыграли значительную роль в уточнении ряда исторических данных по территориям, где располагались портовое поселение Чаула (ныне

часть Ревданда), портовый центр Дабул, город Джуннар с крепостью Шивнери, пещеры Пуну-Сонале, центр религиозного поклонения Шри-сайлам и др., а также сведений о численности, составе, экипировке войск бидарского султана во время военных походов против царства Виджаянагар. Был показан определяющий интерес тверичанина во время путешествий по Индии: он был мотивирован исключительно идеями развития торгового сотрудничества России с Индией, причем в сфере торговли драгоценностями и их промышленной разработки в самой Индии. Анализ дневниковых записей Аф. Никитина убедительно показал несуразность и ошибочность выводов сторонников теории ориентализма по отношению к его личности, что сразу ставит под сомнение их справедливость и по отношению к другим русским путешественникам, ученым и художникам, оставившим заметный след в культурной жизни Индии в свое время. В работе была впервые в научном формате представлена история установки монументального сооружения в честь Афанасия Никитина на малабарском побережье Индии. История установки монумента в честь русского купца выявила большой запрос в Индии на развитие сотрудничества с Россией. Культурный ресурс, являясь базовым в выстраивании общей концепции межгосударственных отношений, продолжает играть заметную роль в дипломатических отношениях с Индией и имеет хорошие перспективы при полноценном и активном его задействовании.

Dmitry E. CHELYSHEV

Cand. Sci. (General History),
Independent Researcher,
Moscow, Russian Federation,
de_chelyshev@list.ru

***Afanasy Nikitin in India:
A Historical Retrospective of the Legendary Journey***

Abstract. The article defines the historical significance of the journey of the Tver merchant Afanasy Nikitin in terms of its influence on the subsequent development of cultural contacts between Russia and India, and also reveals a number of circumstances associated with the installation of the only monument to this traveler in India. The text of a 15th-century literary monument, *A Journey Beyond the Three Seas*, is analyzed. The results of research by Indian and Russian scholars and a number of En-

English-language sources are used. Systemic-historical, historical-genetic methods and a number of methods of historical source study related to the interpretation and analysis of textual content are applied. The book by Nikitin has been studied in the aspect of comparing its content with information provided, among others, by Portuguese authors. The historical value of Nikitin's travel notes is emphasized as of the only evidence of the realities of the life of Indian society in the Bahmanid state, which allowed the author to reasonably make a number of corrections to the historical data. The late 19th-century publications of British and Indian authors dedicated to the detailed reconstruction of Afanasy Nikitin's route and published in *Gazetteer of the Bombay Presidency* are studied. The versions of the interpretation of the geographical names given in *A Journey Beyond the Three Seas* are considered. In the light of the publications that appeared on the pages of *Gazetteer*, the key stages of Nikitin's journey through the territory of the Western Deccan are considered. Discussions caused by the study of the *Journey* by Indian authors at the end of the 19th century are analyzed. The author claims that, in his notes, Nikitin sought to comprehend and understand what he saw rather than compare the incomprehensible with the usual realities and condemn it for the fact that it does not fit into his own ideas at all. The concept of Orientalism in assessing the significance and motives of the activities of famous Russian travelers and researchers of the East is criticized. An extensive factual record of events related to the erection of the monument to Afanasy Nikitin in the vicinity of Mumbai in 2002 is presented. The construction of the monument to Nikitin is interpreted as an event that gave a new impetus to the development and expansion of Russian-Indian cooperation. The author points out that the cultural resource is the basis in building a general concept of interstate relations and continues to play a significant role in interstate cooperation between Russia and India.

Keywords: Afanasy Nikitin, Ivan Minaev, *A Journey Beyond the Three Seas*, Bahmanid state, India, Orientalism.

Использованная литература:

1. Бобров А. Г. Что искал в Индии Афанасий Никитин? // *ROSSICA ANTIQUA*. 2017. № 2. С. 124–143.
2. Виташевская М. Странствия Афанасия Никитина. М.: Мысль, 1971.
3. Галимуллина А. Ф. Образ повествователя в «Хождении Афанасия Никитина» и «Записках Исаила Бекмухамедова о его путешествии в Индию» // *Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2009. № 1. С. 25–29.
4. Галинская И. Л. Афанасий Никитин // *Культурология*. 2014. № 2 (69). С. 141–142.
5. Егоркин А. Г. Контекст главного героя и повествователя в «Хождении Афанасия Никитина за три моря» // *Слово. Словесность. Словесник. Материалы Межрегиональной научно-практической конференции преподавателей и студентов. Рязань: Рязанский гос. ун-т им. С.А. Есенина*, 2015. С. 152–155.
6. Карабулатова И. С. Транскультурный конфликт и отражение трансформации личности трудового мигранта в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина // *Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией в условиях развития евразийского интеграционного проекта. Материалы IX международного научно-практического форума. В 2-х тт. Под научн. ред. С. В. Рязанцева, М. Н. Храмовой. М.: Экономическое образование*, 2017.
7. Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 6. Раздел 7. СПб: издание И. Эйнерлинга, 1842–1843.

References:

1. Bobrov, A.G. (2017) What Was Afanasy Nikitin Looking for in India? *ROSSICA ANTIQUA*. 2. pp. 124–143. (In Russian).
2. Vitashevskaya, M. (1971) *Stranstviya Afanasiya Nikitina* [The Wanderings of Afanasy Nikitin]. Moscow: Mysl'.
3. Galimullina, A.F. (2009) *Obraz povestvovatelya v "Khozhenii Afanasiya Nikitina" i "Zapiskakh Ismaila Bekmukhamedova o ego puteshestvii v Indiyu"* [The Image of the Narrator in Afanasy Nikitin's "Journey Beyond the Three Seas" and "Notes of Ismail Bekmukhamedov on His Travels to India"]. *Vestnik Tatarskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. 1. pp. 25–29.
4. Galinskaya, I.L. Afanasy Nikitin. *Kul'turologiya*. 2 (69). pp. 141–142. (In Russian).
5. Egorkin, A.G. (2015) [The Context of the Protagonist and Narrator in Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas]. *Slovo. Slovesnost'. Slovesnik* [Word. Literature. Writer]. Conference Proceedings. Ryazan: Ryazan State University. pp. 152–155. (In Russian).
6. Karabulatova, I.S. (2017) [Transcultural Conflict and Reflection of the Transformation of the Personality of a Labor Migrant in Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas]. *Migratsionnye mosty v Evrazii: modeli effektivnogo upravleniya migratsiy v usloviyakh razvitiya evraziyskogo integratsionnogo proekta* [Migration Bridges in Eurasia: Models of Effective Migration Management in the Context of the Development of the Eurasian Integration Project]. IX

8. Кунин К. За три моря. Путешествие тверского купца Афанасия Никитина. М.: ОГИЗ Географгиз, 1947.
9. Кучкин В. А. Судьба «Хождения за три моря» Афанасия Никитина в древнерусской письменности // Вопросы истории. 1969. № 5. С. 67-78.
10. Минаев И. П. Старая Индия. Записка на хождение за три моря Афанасия Никитина. СПб.: тип. В. С. Балашова, 1881.
11. Никитин А. Хождение за три моря Афанасия Никитина / Отв. ред. Адрианова-Перетц В. П. М., Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1948.
12. Открытие Востока: «Грешное хождение» Афанасия Никитина // Труды отдела древнерусской литературы. 2010. Т. 61. С. 518-532.
13. Семёнов Л. С. Хронология путешествия Афанасия Никитина. // Хождение за три моря Афанасия Никитина. Л.: Наука, 1986. С. 88-107.
14. Смирнова Д. С. Дискурсивное конструирование опыта межкультурной коммуникации в биографическом нарративе (на материале «Хождения за три моря» Афанасия Никитина). Автореф. дис. канд. фил. наук. Тверь: 2011.
15. Смирнова Д. С. Категория событийности в биографическом нарративе (на материале «Хождения за три моря Афанасия Никитина») // Вестник Университета Российской Академии образования. 2011. № 1. С. 30-36.
16. Трубецкой И. С. Хождение за три моря Афанасия Никитина как литературный памятник // Версты. 1926. Вып. 1. С. 164-186.
17. Фесенко М. В. Функциональная значимость заимствований в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина // Общетеоретические и отраслевые проблемы науки и пути их решения. Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции. В 2-х ч. Отв. ред.: Сукиасян А. А. Уфа: Агентство междунар. исследований, 2019. С. 98-99.
18. Хождение за три моря Афанасия Никитина. М.: Географгиз, 1960.
19. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466-1472 гг. (чтения И. И. Срезневского) // Ученые Записки Второго Отделения Императорской Академии наук. Ред. академик И. И. Срезневский. Кн. 2. Вып. 2. С. 225-307. СПб.: Тип. имп. Академии наук, 1856.
20. Якушева Г. В. Образ Индии в «Хождении за три моря» Афанасия Никитина // Индийско-Российский дискурс гуманизма и транснациональности в творчестве Анна Бхау Сатхе, Александра Пушкина и Афанасия Никитина. Статьи и материалы международной конференции. М.: Гос. ин-т рус. языка им. А. С. Пушкина, 2019. С. 24-36.
21. Cunha J. G. da Notes on the History and Antiquities of Chaul and Bassein. Bombay: Thaker, Vining and Co., 1876.
22. Gazetteer of the Bombay Presidency — Kolaba District, 1883.
23. Gazetteer of Bombay Presidency — Poona District, 1885. Vol. 18, part. 3.
24. Gazetteer of the Bombay Presidency — Ratnagiri and Savantvadi District 1880. Vol. 10.
25. India in Fifteenth Century. Being a Collection of Narratives of Voyages to India from Latin, Persian, Russian and Italian Sources. Now first translated into English / Ed. by R.H. Major. London: Printed for the Hakluyt Society, 1857.
- International Forum Proceedings. Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie. (In Russian).
7. Karamzin, N.M. (1842–1843) *Istoriya gosudarstva Rossiyskogo* [History of the Russian State]. Vol. 6. Section 7. St. Petersburg: izdanie I. Eynerlinga.
8. Kunin, K. (1947) *Za tri morya. Puteshestvie tverskogo kuptsa Afanasiya Nikitina* [Beyond the Three Seas. The Journey of the Tver Merchant Afanasy Nikitin]. Moscow: OGIz Geografiz.
9. Kuchkin, V.A. (1969) Sud'ba "Khozheniya za tri morya" Afanasiya Nikitina v drevnerusskoy pis'mennosti [The Fate of Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas in Old Russian Writing]. *Voprosy istorii*. 5. pp. 67–78.
10. Minaev, I.P. (1881) *Staraya Indiya. Zapiska na khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina* [Old India. A Note about Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas]. St. Petersburg: tip. V. S. Balashova.
11. Adrianova-Perets, V.P. (ed.) (1948) *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina* [Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas]. Leningrad: USSR AS.
12. Gardzaniti, M. (2010) Otkrytie Vostoka: "Greshnoe khozhenie" Afanasiya Nikitina [Discovery of the East: "The Sinful Journey" of Afanasy Nikitin]. In: Ponyrko, N.V. (ed.) *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 61. St. Petersburg: Nauka. pp. 518–532.
13. Semenov, L.S. (1986) *Khronologiya puteshestviya Afanasiya Nikitina* [Chronology of Afanasy Nikitin's Journey]. In: Nikitin, A. *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina* [A Journey Beyond the Three Seas]. Leningrad: Nauka. pp. 88–107.
14. Smirnova, D.S. (2011) *Diskursivnoe konstruirovaniye opyta mezhkul'turnoy kommunikatsii v biograficheskom narrativе (na materiale "Khozheniya za tri morya" Afanasiya Nikitina)* [Discursive Construction of the Experience of Intercultural Communication in Biographical Narrative (Based on the Material of A Journey Beyond the Three Seas by Afanasy Nikitin)]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tver.
15. Smirnova, D.S. (2011) The Category of Eventfulness in the Biographical Narrative (Based on the Material of A Journey Beyond the Three Seas by Afanasy Nikitin) *Vestnik Universiteta Rossiyskoy Akademii obrazovaniya – Herald of the University of the Russian Academy of Education*. 1. pp. 30–36. (In Russian).
16. Trubetskoy, I.S. (1926) *Khozhenie za tri morya Afanasiya Nikitina kak literaturnyy pamyatnik* [A Journey Beyond the Three Seas by Afanasy Nikitin as a Literary Monument]. *Versty*. 1. pp. 164–186.
17. Fesenko, M.V. (2019) [Functional Significance of Borrowings in A Journey Beyond the Three Seas by Afanasy Nikitin]. *Obshcheteoreticheskie i otraslevye problemy nauki i puti ikh resheniya* [General Theoretical and Branch Problems in Science and Ways to Solve Them]. Proceedings of the International Conference. Ufa: Agentstvo mezhdunar. issledovaniy. pp. 98–99. (In Russian).
18. Nikitin, A. (1960) *Khozhenie za tri morya* [A Journey Beyond the Three Seas]. Moscow: Geografiz.
19. Sreznevskiy, I.I. (ed.) *Khozhenie za tri mirya Afanasiya Nikitina v 1466-1472 gg. (chteniya I.I. Sreznevskogo)* [Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas in 1466–1472. (Reading by I.I. Sreznevskiy)]. In:

26. Mukhopadhyay A. *India in Russian Orientalism*, New Delhi: Manohar Publishers & Distributors, 2013.

27. The Travels of Athanasius Nikitin, of Twer. Voyage to India. Transl. from Russian into English Count M. M. Wielhorsky // *India in Fifteenth Century. Being a Collection of Narratives of Voyages to India from Latin, Persian, Russian and Italian Sources. Now first translated into English* / Ed. by R.H. Major. London: Printed for the Hakluyt Society, 1857. Pp. 198-223.

Uchenye Zapiski Vtorogo Otdeleniya Imperatorskoy Akademii nauk [Scholarly Notes of the Second Division of the Imperial Academy of Sciences]. Book 2. Vol. 2. pp. 225-307. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.

20. Yakusheva, G.V. (2019) [The Image of India in Afanasy Nikitin's Journey Beyond the Three Seas]. *Indiysko-Rossiyskiy diskurs gumanizma i transnatsional'nosti v tvorchestve Anna Bkhau Satkhe, Aleksandra Pushkina i Afanasiya Nikitina* [Indian-Russian Discourse of Humanism and Transnationality in the Works of Annabhau Sathe, Alexander Pushkin, and Afanasy Nikitin]. Proceedings of the International Conference. Moscow: Pushkin State Russian Language Institute. pp. 24-36. (In Russian).

21. Cunha, J.G. da. (1876) *Notes on the History and Antiquities of Chaul and Bassein*. Bombay: Thaker, Vining and Co.

22. *Gazetteer of the Bombay Presidency — Kolaba District*. (1883).

23. *Gazetteer of Bombay Presidency — Poona District*. (1885) 18 (3).

24. *Gazetteer of the Bombay Presidency — Ratnagiri and Savantvadi District*. (1880) 10.

25. Major, R.H. (ed.) (1857) *India in Fifteenth Century. Being a Collection of Narratives of Voyages to India from Latin, Persian, Russian and Italian Sources. Now first translated into English*. London: Printed for the Hakluyt Society.

26. Mukhopadhyay, A. (2013) *India in Russian Orientalism*. New Delhi: Manohar Publishers & Distributors.

27. Nikitin, A. (1857) The Travels of Athanasius Nikitin, of Twer. Voyage to India. Transl. from Russian into English Count M. M. Wielhorsky. In: Major, R.H. (ed.) *India in Fifteenth Century. Being a Collection of Narratives of Voyages to India from Latin, Persian, Russian and Italian Sources. Now first translated into English*. London: Printed for the Hakluyt Society. pp. 198-223.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Чельшев, Д. Е. Афанасий Никитин в Индии: историческая ретроспектива легендарного путешествия / Д. Е. Чельшев // *Наследие веков*. – 2021. – № 1 – С. 33–54. DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.002

Full bibliographic reference to the article:

Chelyshev, D.E. (2021) Afanasy Nikitin in India: A Historical Retrospective of the Legendary Journey. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 33–54. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.002

КУКЛИН Никита Сергеевич
ассистент кафедры
теории и истории международных отношений
факультета гуманитарных и социальных наук
Российского университета дружбы народов
Москва, Российская Федерация
Nikita S. KUKLIN
RUDN University
(Peoples' Friendship University of Russia),
Moscow, Russian Federation,
kuklin-ns@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-5715-847X

КУКЛИНА Людмила Владимировна
кандидат педагогических наук,
заместитель директора
Института гостиничного бизнеса и туризма
Российского университета дружбы народов,
Москва, Российская Федерация
Ludmila V. KUKLINA
Cand. Sci. (General Pedagogy, History of Pedagogy and Education),
Hotel Business and Tourism Institute,
RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia),
Moscow, Russian Federation,
kuklina-lv@rudn.ru

УДК 351.853:323(594)"311/313"
ГРНТИ 13.61.91
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.003

**Государственная политика
Индонезии по защите
и сохранению национального
культурного наследия:
история и перспективы¹**

**National Cultural Heritage Protection
and Preservation
in Indonesian State Policy:
History and Prospects²**

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Грант «Аспиранты» 20-314-90007 «История внешней политики Индонезии 1998-2019 гг. с точки зрения цивилизационного подхода и комплексных региональных исследований».

² The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research. Grant "Postgraduates" No. 20-314-90007 "History of Indonesia's Foreign Policy 1998-2019 from the Point of View of a Civilizational Approach and Integrated Regional Studies".

В работе рассматривается история формирования государственной политики Индонезии в сфере защиты и сохранения культурного наследия и исследуется значение этой сферы для национального самосознания. Изучены документы, относящиеся к международному и национальному законодательству («Конвенции об охране всемирного культурного и природного наследия» 1972 года, Закона Республики Индонезия № 5 (1992 г.) «Об объектах культурного наследия» и др.), определяется их влияние на выработку государственных подходов в данной сфере. Выявлено, что культурное наследие и памятники природы Индонезии играют значительную роль в формировании как общеиндонезийской идентичности, так и этносов в составе населения страны, а соответствующие объекты защищаются идеологией Панча Сила. Авторы приходят к выводу, что государственная политика Индонезии формировалась в условиях несогласованности между основными национальными законами и международными нормами, что, однако не мешает оценивать ее как достаточно эффективную.

Ключевые слова: Индонезия, Юго-Восточная Азия, культурное наследие, природное наследие, культура, идеология, политика, туризм

Введение. Республика Индонезия — один из ярких примеров самобытного государственного строительства и одна из самых богатых стран с точки зрения культурного наследия в его различных видах и формах. Эта страна прошла долгий путь — от невозможности народов Индонезии распоряжаться собственной культурой в колониальную эпоху до попыток создания единой индонезийской культуры, которая не только объединила сотни различных этносов в единый народ, но и представила единый образ Индонезии на мировой арене. Роль государства в этом процессе, с одной стороны, представляется центральной, так как для Индонезии характерна значительная централизация власти и ключевых социально-политических процессов, с другой — каждая из провинций Индонезии имеет определенную степень автономности в культурной сфере. Большинство крупных этносов в стране стремятся к развитию локальной культуры и собственных культурных центров, в то время как задачей столицы по-прежнему остается воплощение на практике мудрого национального девиза «Bhinneka Tunggal Ika» («Единство в разнообразии»), выражаемого в соблюдении конфессионального и этнического баланса и социальной справедливости.

В значительной степени опыт далекой Индонезии применим к российской практике. Несмотря на географическую удаленность, Индонезия похожа на Россию своей много-

национальностью, мультиконфессиональностью, культурным богатством и размерами территории. Как Россия, так и Индонезия занимают значимые политические позиции в современной системе международных отношений, что сподвигает эти страны к поиску стратегий по повышению своего авторитета «глобальных культурных держав» на международной арене.

Привлекает внимание и тот факт, что основополагающие документы по сохранению историко-культурного наследия, базирующиеся на международных конвенциях, были одновременно приняты и в России, и в Индонезии сравнительно недавно — в 90-х гг. XX в. Адаптации международных норм в обеих странах предшествовала эволюция национального регулирования этой сферы.

Таким образом, опыт Индонезии в сфере регулирования данного сегмента культурной политики может представлять интерес для российских специалистов и быть полезен при совершенствовании соответствующих тематических разделов законодательства или разработки концептуального видения государственной политики в этой сфере.

Особый интерес данная тема также представляет для отечественных исследователей-индонезистов — по причине того, что, несмотря на значительный вклад российских специалистов в переводы индонезийской литературы, общие исследования культуры, языка, материального и нематериального культурного

наследия, труды, рассматривающие именно государственную политику Индонезии по защите этого наследия, в российской науке не представлены.

Более того, тема является малоизученной и для индонезийского научного поля. Пионером в этой области стал Дауд Танудиржо, профессор департамента археологии университета «Гаджа Мада», Джокьякарта. Как археолог-практик профессор Танудиржо в работе 1998 г. «Управление культурными ресурсами как управление конфликтами» инициировал дискуссию о необходимости соблюдения баланса интересов государства и местных сообществ в деле защиты материального культурного наследия [22]. Затем, в работе 2007 г. «Управление культурным ландшафтом и наследием в Индонезии с археологической точки зрения», он развил идею о недостаточной степени защищенности нематериального культурного наследия и отсутствии согласованности практик применения местных и международных норм в деле сохранения культурного наследия страны [21]. В 2010 г. Танудиржо провел подробный анализ нового закона «О культурных ценностях» в статье «Закон о культурном наследии 2010 г. с археологической точки зрения» [23]. В 2013 году он стал почетным гостем и организатором Первого международного симпозиума по культурному и ландшафтному наследию храма Боробудур в Джокьякарте, где также выступил с предложениями и критикой относительно существующих в стране норм по защите культурного наследия.

К следующим по значимости исследованиям можно отнести работу 2016 г. исследователей Иснен Фитри из университета Северной Суматры и Яхайа Ахмада из университета Малайи: «Культурное наследие и его правовая защита в Индонезии со времен правления Голландской Ост-Индии», где приводится достаточно подробная характеристика национального законодательства в этой сфере.

Основной идеей статьи является положение о том, что Индонезии следует все больше адаптировать международные нормы и выводить национальное законодательство на более высокие мировые стандарты [8].

В 2018 г. вышла в свет работа индонезийского исследователя проблем развития Харизма Нугрохо «Местное наследие имеет значение: власть, контекст и формирование политики в Индонезии», в которой исследуется влияние этнокультурных процессов в индонезийском обществе на отношения провинций и центра, в том числе в сфере культуры и культурной политики [17].

Западные работы по данной тематике вышли тоже сравнительно недавно, в 2020 г. Это, например, книга известной голландской исследовательницы колониализма Марики Бломберген «Политика наследия в Индонезии: история культуры» [4] и книга германской исследовательницы туризма Хайди Далес «Туризм, наследие и национальная культура на Яве: дилеммы местного сообщества» [6]. Данные книги можно считать комплексными исследованиями широкого исторического периода развития представлений о культурном наследии у народов Индонезии, отношений между государственными органами в сфере культуры и местными сообществами на современном этапе. Бломберген и Далес затрагивают немаловажные аспекты влияния национального строительства и идеологического поиска на сферу культуры, а также рассматривают влияние туризма на изменения в культурной политике Индонезии.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что государственная политика Индонезии по защите и сохранению национального культурного наследия недостаточно изучена на современном этапе не только в общемировом, но в индонезийском научном поле. Несмотря на давнюю историю развития сферы культурной политики, какая-либо научная дискуссия и анализ индонезийского опыта в данном направлении только набирают обороты — с публикацией немногих исследований по этой теме. Отсюда следует, что авторы в рамках настоящей статьи ставят целью провести подробное описание и анализ концептуальных основ и практических механизмов реализации государственной политики Индонезии по защите и сохранению национального культурного наследия.

Достижение целей, поставленных в исследовании, будет содействовать научному

осмыслению общих путей и способов решения проблем охраны культурного наследия, с которыми сталкиваются интенсивно развивающиеся государства, в настоящее время активно увеличивающие свой вклад в развитие мировой экономики.

По причине недостаточного количества литературы по теме авторы опираются, прежде всего, на работу с нормативными и делопроизводственными индонезийскими источниками и международными документами в сфере сохранения культурного наследия, такими как «Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия» 1972 г. или Закон Республики Индонезия № 5 от 1992 г. «Об объектах культурного наследия».

Применяется историко-генетический метод, нацеленный на изучение генезиса (происхождения, этапов развития) государственной политики Индонезии в деле сохранения и защиты культурного наследия. Таким образом, подробный анализ вышеупомянутых документов как исторических источников, по мнению авторов, позволит определить качественные этапы развития государственной политики Индонезии по сохранению культурного наследия и сопоставить их с важными историческими событиями внутри страны.

В первом разделе содержательной части настоящей статьи авторы предлагают обратиться к краткому нормативному и историческому обзору государственной политики Индонезии в этой сфере в период становления государственности при президентах Сукарно и Сухарто (с 1945 по 1998 г.). Затем уже рассмотреть современный период индонезийской истории, выделяемый с момента эпохи «Реформации» 1998 г. и по настоящее время.

Нормативная база и история формирования политики по защите и сохранению культурного наследия. Подобно многим другим важным сферам индонезийской внутренней политики, сфера защиты культурного наследия также является государственноцентричной. Так, в Постановлении Народного Консультативного Конгресса Республики Индонезия № II / MPR 1988 г. «Об основных положениях государственной политики» подчеркивается, что «Индонезийская культура, отражающая благородные ценности

нации, должна быть возвращена и развита, с целью укрепления понимания и практики Панча Сила ради улучшения качества жизни, укрепления национальной идентичности, усиления чувства самоуважения и национальной гордости, а также укрепления духа национального единства и целостности, наряду со способностью стать движущей силой для реализации чаяний нации в будущем» [13]. Таким образом, охрана культурного наследия и его сохранение воспринимаются именно как государственный мандат и прямая обязанность.

Однако, несмотря на высокий статус такой политики, ее нормативную основу, равно как и историю развития, трудно назвать последовательной.

История становления национальной системы Индонезии по защите культурного наследия начинается еще в колониальный период голландского управления, с выхода *Monumenten Ordonnantie Staatsblad 238 No.19* от 1931 г.¹, который регулировал базовые принципы защиты памятников в работе колониальных властей. Документ был дополнен новым *Monumenten Ordonnantie Staatsblad No.21* от 1934 г.,² однако оба документа не в полной мере затрагивали все аспекты этой деятельности и более напоминали административные инструкции. В них содержались указания по определению статуса памятника, действия по его защите и меры в случае причинения ущерба. *Oudheidkundige Dienst*³ стало главным органом по защите культурных ценностей в Голландской Ост-Индии.

При этом именно эти документы легли в основу политики независимого правительства Сукарно в деле формирования первых законодательных норм, регулирующих защиту культурного наследия на территории Индонезии. Важность памятников культуры в первую очередь была закреплена в Консти-

¹ *Monumenten Ordonnantie Staatsblad No.19, 1931* (нидерландск.) — Постановление о памятниках, бюллетень № 238 от 1931 г. (пер. авт.).

² *Monumenten Ordonnantie Staatsblad No.21, 1934* (нидерландск.) — Постановление о памятниках, бюллетень от 1934 г. (пер. авт.).

³ *Oudheidkundige Dienst* (нидерландск.) — Археологическое бюро (пер. авт.).

туции страны от 1945 г., которая действует и поныне. В статье 32 провозглашается, что «Правительство содействует развитию национальной культуры Индонезии». Как и другие положения Конституции, она отражала стремление Сукарно к объединению индонезийской нации, провозглашая культуру именно общеиндонезийской.

Ведущим институтом, взявшим на себя ответственность за сохранение культурного наследия, стал Департамент культуры в рамках структуры Министерства образования и культуры. Период 1945–1949 гг. ознаменовался попытками голландцев восстановить господство над независимыми индонезийскими территориями, в связи с чем голландское «Археологическое бюро» и Министерство образования и культуры дублировали полномочия в сфере защиты культурного наследия.

После введения MO Stb.238/1931 для защиты и сохранения культурного наследия от нанесения ущерба или кражи закон был дополнен рядом незначительных инструкций и декретов со стороны правительства Сукарно.

Таким образом, старые меры почти не подверглись каким-либо изменениям, но по-прежнему нуждались в пересмотре многих положений. На международном уровне этот период был отмечен успехами мирового сообщества по созданию нескольких важных организаций для координации международных усилий по сохранению культурного наследия, таких как Международный союз охраны природы (МСОП, 1948), ЮНЕСКО (1950), а также Международный институт сохранения исторических и художественных произведений (ИИС, 1950), Международный совет музеев (ИКОМ, 1952), Международный центр сохранения и реставрации культурных ценностей (ИКСРОМ, 1956) и Международный совет по достопримечательностям и памятникам (ИКОМОС, 1965).

Этим организациям впоследствии удалось сформировать нормативно-правовую базу, включающую несколько ключевых доктрин и конвенций, среди которых Гагская конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (1954) [7] и Венецианская хартия (1964)[12].

После публикации Гагской конвенции ЮНЕСКО международное сообщество окончательно определило термин «культурные ценности» вместо понятия «памятник». С тех пор этот термин часто использовался странами в рамках их законодательства о культурном наследии.

Эта конвенция определила понятие таких культурных ценностей, как памятники архитектуры, искусства или истории, археологические памятники, группы зданий, произведения искусства и научные коллекции или важные коллекции книг. К сожалению, эти международные конвенции, принятые в тот период, похоже, не оказали существенного влияния на законодательство по защите культурного наследия в Индонезии. Об этом можно судить по содержанию законодательства о культурном наследии, изданного в эпоху Старого Порядка президента Сухарто.

С конца 1970-х Директорат по вопросам культуры начал проводить активные поиски и описание объектов культурного наследия, следуя идее создания индонезийской национальной культуры Панча Сила. Что примечательно в рамках национальной политики, культура этнических групп Индонезии рассматривалась в первую очередь не как «этническая культура», но, скорее, как «региональная культура». Создание образа региональных культур стало инструментом развития культурного плюрализма режима Нового Порядка и важным фокусом культурной политики Сухарто [2, р. 255]. С этой точки зрения культура, например, культура тораджа, рассматривалась как культура провинции Южный Сулавеси, а балийская культура — как культура провинции Бали [6, р. 60].

Ярким примером этого направления является открытие в 1975 г. крупнейшего тематического парка Джакарты — Таман Мини (Taman Mini Indonesia Indah), который непосредственным образом демонстрировал единство провинций в отношении их связи с центром, через павильоны с культурой различных провинций¹. Подобный кейс в индонезийской политике крайне интересен, так как не похож

¹ В определенной степени это можно сравнить с советской культурной политикой и концепцией выставочного комплекса ВДНХ СССР в Москве.

на политику, например, европейских или американских стран по сохранению культурного наследия коренных народов, часто воспринимаемую в контексте колониального прошлого и европейской экспансии. Панча Сила в отношении этого вопроса рассматривала многочисленные этносы Индонезии не как автономные группы, с особыми правами или каким-то травматичным опытом потери своего наследия, но как единый народ с разнообразной культурой [23, p. 255]. При этом прежде противостояние между яванскими элитами в Джакарте и региональными политиками, многие из которых были частью местной племенной элиты или потомками монархических династий колониального периода, все равно сохранялось [14, p. 113].

В этих условиях одним из ключевых средств закрепления «унифицированной регионализации» стал туризм, который был поднят Сухарто на особый уровень в рамках отдельного направления государственной политики.

В случае туризма забота о «национальном единстве в разнообразии» сопровождалась активной политикой регионализации Индонезии как туристического продукта. Регионализация стала мощным фактором туристической политики, а развитие туристических объектов в Индонезии действительно превратилось в основной инструмент сохранения наследия национального сообщества [4, p. 39–40]. Несмотря на форсированность этого процесса, в числе попыток формирования новой идентичности из самобытных культур можно отметить и такой положительный момент, как внимание правительства Сухарто к вопросам реставрации объектов культурного наследия.

Как мы видим, в отношении категории культурного наследия существенных изменений во внутренней политике не происходило. Однако именно при Сухарто в 1989 г. Индонезия ратифицировала Конвенцию ЮНЕСКО 1972 г. «Об охране всемирного культурного и природного наследия» [5]. В ней закреплялось разделение двух понятий — «культурное наследие» и «природное наследие», что было важно для Индонезии, богатой природными объектами и объектами смешанного происхождения. В 1991 г. первые четыре объекта,

находящиеся на территории Индонезии, были внесены в список на 15-й сессии Комитета всемирного наследия ЮНЕСКО [10, p. 71]. Среди этих объектов — два центральных храма индонезийской культуры: Боробудур и Прамбанан.

Возродился интерес масс и к нематериальным формам подобного наследия, таким как философия, традиции и искусство во всех их проявлениях; празднование великих событий или дней памяти исторических личностей; популярен стал образ самобытной жизни; и образование, выраженное в литературе и фольклоре. Принимая во внимание особую заинтересованность режима Нового Порядка в отношении культурного или исторического туризма, некоторые эксперты все же говорят о предвзятости правительственных структур того времени в пользу монументальных исторических зданий и великих произведений искусства. Первыми «реликвиями прошлого», которые были названы «национальными реликвиями», как уже было упомянуто выше, стали монументальные индуистские и буддийские храмы Центральной Явы — Прамбанан и Боробудур, а также Храмовые комплексы Бали и султанские дворцы (кратоны) Джокьякарты и Соло с их сложной придворной культурой, выраженной в танцах, музыке, философии и церемониях, которые стали частью плана реализации государственной политики в этом направлении [13, p. 139].

Относительно дальнейшей эволюции национальной политики необходимо обратить внимание на то, что к началу 1990-х гг. правительство Индонезии издало новый закон о культурном наследии с поправками к MO Stb.238/1931, или так называемый Закон № 5 от 1992 г. «Об объектах культурного наследия» (Undang-Undang Nomor 5 Tahun 1992 tentang Benda Cagar Budaya) [26]. Год спустя к новому закону добавилось еще и Постановление правительства № 10 от 1993 г. «О правилах применения Закона № 5/1992», несколько пунктов которого были направлены на критику Закона № 5/1992 относительно его содержания, с целью возврата ряда положений MO Stb.238/1931 [18].

Закон № 5/1992 также содержал положения относительно действий гражданина на случай обнаружения какой-либо ценной

находки и механизма ее передачи властям. Немаловажно и то, что этот документ оставлял за организациями и частными лицами право на распоряжение культурным наследием ради научных, религиозных, социальных, культурных и туристических целей под надзором государства. Особый интерес представляет и тот факт, что в приложении к закону, содержащему пояснения к различным его статьям, вновь провозглашается главная функция культурного наследия как источника национальной идентичности.

Например, приложением к вышеупомянутому закону определяется, что «Большинство культурных объектов нации являются изобретениями этой нации в прошлом, что может быть источником гордости для данной нации.

Таким образом, сохранение индонезийских объектов культурного наследия — это попытка воспитать национальную гордость и укрепить осознание идентичности как нации, основанной на Панча Сила. Осознание идентичности нации в значительной степени зависит от знания прошлого, так что нация в настоящем и в образе своего будущего сохраняет свои уникальные особенности, сформированные на базе ее философского и культурного наследия» [22].

Не менее интересным фактом является и то, что Индонезия как нация-архипелаг столкнулась с необходимостью отдельного регулирования политики культурных ценностей и наследия, обнаруженных под водой. Так, в 1989 г. был принят Указ Президента № 43 «О Национальном комитете и утилизации ценных грузов с затонувших судов», который регламентировал экспорт, импорт таких ценностей, добросовестное приобретение, их обслуживание и охрану. Таким образом, в индонезийских правовых рамках появилось определение проблемы подводного культурного наследия. Указ президента № 25 от 1992 г. «О разделе прибыли между правительством Индонезии и спасательными компаниями с спасенными ценными предметами, извлеченными из кораблекрушений», только закрепил устоявшиеся положения.

Признание за рядом национальных памятников Индонезии международного статуса

подтолкнуло правительство Индонезии к детализации механизма их защиты, и в тот же период 1990-х гг. были приняты дополнительные меры в рамках нормативной базы из смежных сфер, как, например, в Законе Республики Индонезия № 24 от 1992 г. «О территориальном планировании», а также в дополняющем его Постановлении правительства Республики Индонезия № 47 от 1997 г., которые прямо указывают на то, что правительство может объявить регион со значительным культурным или природным наследием охраняемой территорией [17, р. 2].

Наряду с этим необходимо отметить, что для правительства по-прежнему сложной являлась задача по диверсификации деятельности в сфере сохранения культурного наследия, так как даже принятые законы и подзаконные акты не охватывали всех сфер практической деятельности по защите культурного наследия, а правительство Индонезии, по мнению национальных экспертов, в этот период все еще игнорировало вопрос о многопрофильном подходе с участием историков, археологов, антропологов, архитекторов, проектировщиков и инженеров; охрана наследия в понимании правительственной администрации по-прежнему находилась во власти именно специалистов-археологов, ориентированных на узкое понятие памятника, а не на широкое понятие культурного наследия.

Вопрос о культурном наследии и его типологии в постреформационной индонезийской политике. С окончанием периода «Реформации» в 2004 г. первый всенародно избранный президент Индонезии Сусило Бамбанг Юдойоно развернул активную политику на продвижение имиджа Индонезии как глобальной державы, надежного партнера и посредника при урегулировании конфликтов. Подобная дипломатия повлияла и на развитие сотрудничества Индонезии с ЮНЕСКО, и на ратификации ключевых международных норм, которые позволили бы защитить культурное наследие и продемонстрировать богатство Индонезии как культурной державы.

Особенно примечательным направлением эволюции национальной политики в этом вопросе является влияние международных актов и их ратификации на эволюцию

местных практик по защите культурного наследия. Важным здесь представляется двойственность решений по вопросу о нематериальном культурном наследии. Так, Указом Президента № 78 от 2007 г. была ратифицирована Конвенция об охране нематериального культурного наследия ЮНЕСКО от 2003 г. [21]. В последующие годы многие известные образцы нематериального культурного наследия Индонезии получили признание на уровне ЮНЕСКО. В представительный список шедевров устного и нематериального культурного наследия человечества вошли Кукольный театр «Ваянг» (2003, 2008), Индонезийский крик (2005, 2008) — искусство изготовления и применения священного кинжала, Индонезийский батик (2009), Обучение индонезийскому батикку как нематериальному культурному наследию для учащихся начальной, средней и старшей школы (2009), Индонезийский музыкальный инструмент англунг (2010), Сумка «Нокен» — многофункциональная вязаная или тканая сумка, ручная работа народа Папуа, Три жанра традиционного танца на Бали, Традиция «Пиниси», Искусство судостроения в Южном Сулавеси, Традиции Пенчак Силат и Индонезийский гамелан [11].

Ориентация на положения конвенции позволили Министерству образования и культуры не только создать специальные экспертные группы по нематериальному культурному наследию, но и подключить к их работе различные локальные организации, а базовые принципы работы с таким наследием закрепить в министерских указах. Аккредитацию при ЮНЕСКО получили такие локальные организации, как «Asosiasi Tradisi Lisan» (ATL, создана в 1996 г.)¹, «Sekretariat Nasional Perkerisan Indonesia» (SNKI, создан в 2008 г.)² и «Sekretariat Nasional Pewayangan Indonesia»³, основанный еще в 1975 г. при Сухарто [1]. Од-

нако подобное расширение общей практики работы с нематериальным культурным наследием не повлияло на формулировки и решения, предлагаемые новым законом «О культурных ценностях» от 2010 г., совместного Постановления Министерства внутренних дел и Министерства культуры и туризма относительно руководящих принципов для Исполнения обязанностей и ответственности местного уровня власти.

В октябре 2010 г. правительство Индонезии приняло Закон № 11 «О культурных ценностях» [25]. Ожидалось, что эта новая мера также станет фундаментальной основой для защиты и организации деятельности по сохранению культурного наследия в Индонезии, а главное — поможет лучшему пониманию современных реалий. Положения, указанные в Законе № 11/2010, уже касались регулирования таких новых вопросов, как разделение наследия на категории и децентрализация реестра наследия по трем уровням: национальному, провинциальному и муниципальному, а также междисциплинарный подход в работе по сохранению наследия, который был препятствием для эффективной работы предшествовавших новому закону нормативных актов.

Несмотря на то, что Закон № 11/2010 регулирует различные аспекты, которые не были упомянуты в предыдущем законе, он подвергся очередной критике со стороны экспертного сообщества. Во-первых, как и ранее, в законе используется термин «Cagar Budaya» или «культурные ценности», под которым по-прежнему подразумевается материальное культурное наследие (включая движимое или недвижимое имущество), например, культурные артефакты и памятники архитектуры. Во-вторых, закон также предполагает возможность создания исторической области или района, в рамках которых материальное наследие получит защиту, при этом нематериальное культурное наследие народов Индонезии такую защиту в законе не получает. Центральная роль в защите ценностей остается за правительством, без делегирования части полномочий негосударственным акторам.

Закон определяет «культурные ценности» как «недвижимые или движимые, сде-

¹ Asosiasi Tradisi Lisan (индонезийск.) — Ассоциация устной традиции (пер. авт.).

² Sekretariat Nasional Perkerisan Indonesia (индонезийск.) — Национальный секретариат крика Индонезии (пер. авт.).

³ Sekretariat Nasional Pewayangan Indonesia (индонезийск.) — Национальный секретариат ваянга Индонезии (пер. авт.).

ланные руками человека; части или группы имущества или их остатки, которые в основном старше 50 лет или принадлежат к периоду стиля не менее 50 лет, и которые считаются важными для истории или искусства; или являющиеся объектами особой важности с точки зрения палеоантропологии».

С учетом динамичного развития Индонезии и ее уровня цифровых технологий, все более актуальными становятся вопросы защиты нематериального культурного наследия, которые закон фактически не регулировал, и распределения полномочий на региональный и городской уровни.

Следующим шагом в развитии практики по защите культурных ценностей стал Закон номер 5 от 2017 г. «О культурном развитии», предполагавший более обширные формулировки по части определения национальной культуры в целом и роли этой культуры в развитии нации [3, р. 16]. Флагманом проекта выступило Министерство образования и культуры, при содействии других профильных министерств. Закон, как и предыдущие акты, опирается на статью 32 Конституции страны и указанные в ней обязанности государства по продвижению индонезийской культуры. Объектом развития культуры является Статья 5 Закона № 5 2017 г., а именно устные традиции, традиционные рукописи, обычаи, обряды, традиционные знания, искусство, язык, народные игры и традиционные виды спорта.

Несмотря на то, что закон напрямую не относится к законам по сохранению наследия и скорее регулирует общие культурные вопросы и культурное наследие как часть спектра этих вопросов, его широкие формулировки охватывают многие проблемные зоны из предыдущих нормативных основ. Так, культурная стратегия, описываемая законом, должна опираться на комплексный подход, мультидисциплинарные исследования, а также на взаимозависимый характер культур Индонезии [22].

Стратегия предполагает и развитие туристических направлений, что также способно привлечь большие средства в рамках специальных программ [15], с другой стороны, увеличение туристического потока часто рассматривается и как угроза сохранению

культурного наследия, актуализирующая проблемы прямого износа материальных объектов и нарушения уклада жизни самобытных племен, ритуальные традиции которых становятся «игрой и упрощением» для туристов. Развитие туризма трансформирует и саму идентичность коренного населения. В 2005 г. профессор Кембриджского университета, антрополог Лео Хау написал книгу о влиянии внешних факторов на современного балийца XXI в. Одна из главных идей книги заключается в том, что «традиционность балийцев является скорее искусственным конструктом, созданным по запросу извне, чем аутентичной культурой острова, и в этот конструкт верят уже и сами балийцы» [10]. Подобная политика не претерпела каких-то изменений с приходом в 2014 г. президента Джоко Видодо, так как одни акты закономерно продолжают другие.

Для решения данной проблемы основные законы и нормативные акты в сфере туризма, наряду с остальными законами, определяют соответствующие меры по сохранению наследия. Так, Закон номер 10 от 2009 г. «О туризме» [19] и Постановление министра туризма Индонезии номер 14 от 2016 г. «О практических шагах по развитию устойчивого туризма» содержат формулировки относительно необходимости сохранения туристических дестинаций в их аутентичном, первозданном виде. В Законе данные формулировки не имеют конкретного практического воплощения и носят обобщенный характер, однако в Постановлении уже содержатся подробные критерии и программы по сохранению культурного наследия материального и нематериального характера, а также природного наследия, даются определения каждому из типов такого наследия и прописывается отдельная роль местных сообществ в сохранении локальных культур. Причем под местными сообществами понимаются не только местные власти как отображение центральной власти на местах, но и местные жители, их советы, организации и сходы.

Заключение. Таким образом, государственную политику Индонезии по защите и сохранению культурного наследия можно определить как строго централизованную

и довольно консервативную. Такое положение данного направления в общей структуре внутренней политики страны мало отличается от других ключевых направлений, где регулирующие и надзорные функции государства проистекают из определения этих сфер в национальной идеологии Панча Сила — философской базе, формирующей такое понятие, как индонезийский народ, и объединяющей сотни этносов и культур Индонезии. Обращая внимание на этот факт, можно выработать понимание закономерности такой централизованной политики, которая с самого образования независимого государства исходила из необходимости цементирования структуры национальной идентичности, прибегая к защите культурных ценностей и наследия как к средству такого объединения и создания единой общности.

Вторым значимым направлением с начала 1970-х гг. стала необходимость привлечения внимания туристов к Индонезии и повышения ее авторитета как глобальной культурной державы с международным признанием, что сподвигло руководство страны не только прибегать к мерам по развитию ныне знаменитых и популярных туристических направлений, но и принимать соответствующие законы и ратифицировать международные конвенции. До этого этапа культурные ценности были важны для идеологии, но регулировались всего одним актом, остававшимся в силе еще с колониальных времен.

Относительно нормативной базы мы можем наблюдать некую двойственность в подходах к определению культурных ценностей. Так, в законы, принятые в период президентства Сухарто перекочевало понимание культурных ценностей в первую очередь как архитектурных памятников материального наследия. Несмотря на то, что по факту в Индонезии всегда существовали развитые культурные организации в сфере нематериального наследия, законы в этой сфере вплоть до современной эпохи не включали регулирование взаимодействия государства с местными сообществами и нематериальное культурное наследие в сферу регулирования. Однако участие Индонезии в международных конвенци-

ях и издание указов президента о ратификации и имплементации международных стандартов позволили индонезийским властям сформировать действующую базу стандартов и относительно нематериального культурного наследия.

Участие местных сообществ и других негосударственных акторов в виде фондов при этом было адаптировано под нужды туристической индустрии и министерства туризма и смежных министерств через министерские указы и постановления. Отсюда следует, что мы можем выделить два законодательных трека, а именно — национальное законодательство и международное законодательство, которые равным образом и дублируют друг друга, и в то же время расходятся по ряду формулировок и определений.

Таким образом, главная задача индонезийского правительства на сегодня — это унифицировать практики в рамках национального и международного законодательства, а также привести к единому знаменателю параллельные процессы в различных сферах национальной политики, каждый из которых влияет на формирование общенациональных подходов к такому важному для Индонезии вопросу. Не менее важно обозначить и значимость данного направления для науки, так как развитие исследований государственной политики в этой области способны подвести ныне отсутствующую экспертную и научную базу под какие-либо возможные реформы. Для России дальнейшее развитие исследований в этом направлении позволит найти новые пути развития двусторонних связей с Индонезией в сфере культуры и обмена опытом и лучшими практиками.

С учетом последствий пандемии 2020 г. и глобального упадка туристической и культурной сферы материальное и нематериальное культурное наследие станет важной точкой опоры для Индонезии в деле возрождения национальной туристической индустрии и своего образа как глобальной культурной державы и древней цивилизации народов Малайского Архипелага, которые Индонезия всегда активно демонстрировала на мировой арене.

Nikita S. KUKLIN

RUDN University
(Peoples' Friendship University of Russia),
Moscow, Russian Federation,
kuklin-ns@rudn.ru
ORCID: 0000-0002-5715-847X

Ludmila V. KUKLINA

Cand. Sci. (General Pedagogy, History of Pedagogy and Education),
Hotel Business and Tourism Institute,
RUDN University (Peoples' Friendship University of Russia),
Moscow, Russian Federation,
kuklina-lv@rudn.ru

***National Cultural Heritage Protection and Preservation
in Indonesian State Policy: History and Prospects***

Abstract. This article examines the historical evolution of Indonesian policy in the field of national cultural heritage protection and preservation, as well as the significance of this sphere for national identity. The authors focus their attention on this topic as it is insufficiently studied both in the Indonesian and Western research fields. Another important fact is that Russian experts barely discuss this topic. To achieve the aim of analyzing the history of Indonesian state policy for the protection of cultural heritage, the authors of this article examined the international documents on heritage protection and the main regulations adopted by the state bodies of Indonesia at various historical stages. The authors used the historical and genetic method to reveal the origin and the main stages of the evolution of Indonesian state policy in the preservation and protection of cultural heritage. The authors note that the historical cultural heritage and natural monuments of Indonesia play a significant role in the formation of both the general Indonesian national identity and the identities of diverse ethnic groups in the country's population. The objects of cultural heritage are endowed with special symbolism and are protected not only by legislation in the field of preservation of cultural values but also by the national ideology of Pancasila. The authors analyzed several cases during the most important periods of Indonesian history to conclude that the main problem of Indonesia's state policy in this sphere is still the discrepancy between national legislation and international normative acts. In addition, it is important to pay attention to the role of local communities, local cultural organizations, and civil society foundations in maintaining cultural sites, since often many of them do not have a formal implementation in the regulatory framework, but *de facto* occupy an important place in the system of national cultural heritage protection. The social and scholarly significance of research in this area is determined by the need to structure knowledge and develop a detailed idea of what shapes Indonesia's national system for cultural heritage protection in its various forms, and, possibly, to initiate an interdisciplinary discussion to combine the scholarly, theoretical, and practical levels of the implementation of such a policy. Indonesia is incredibly rich in its cultural heritage and its experience can be valuable in global practice.

Keywords: Indonesia, Southeast Asia, cultural heritage, natural heritage, culture, ideology, politics, tourism.

Использованная литература:

1. Accredited NGOs located in Indonesia. [Electronic resource] // UNESCO. URL: <https://ich.unesco.org/en-state/indonesia-ID?info=accredited-ngos> (date of access: 24.11.2020).

References:

1. UNESCO. (n.d.) *Accredited NGOs located in Indonesia*. [Online] Available from: <https://ich.unesco.org/en-state/indonesia-ID?info=accredited-ngos> (Accessed: 24.11.2020).

2. Ahmed L. *Women and Gender in Islam*. New Haven & London: Yale University Press, 1992.
3. Bangsawan I. P. *Ensiklopedia Kebudayaan Banyuasin*. Banyuasin: Yayasan Institut Studi Ekonomi dan Kewirausahaan, 2020.
4. Bloembergen M. *Politics of Heritage in Indonesia: A Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2020.
5. Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage [Electronic resource] // UNESCO World Heritage Centre. URL: <https://whc.unesco.org/en/conventiontext/> (date of access: 08.11.2020).
6. Dahles H. *Tourism, heritage, and national culture in Java: Dilemmas of a local community*. London: Routledge, 2020.
7. Emmerson D. K. *Indonesia Beyond Suharto*. London: Taylor and Francis, 2015.
8. Fitri, I., & Yahaya, A., Cultural heritage and its legal protection in Indonesia since the Dutch East Indies government period. *Proceedings of the 1st International Conference on Social and Political Development (ICOSOP 2016)*, 2017.
9. Hague Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict. [Electronic resource] // UNESCO. URL: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/armed-conflict-and-heritage/convention-and-protocols/1954-hague-convention/> (date of access: 08.11.2020).
10. Howe L. *The Changing World of Bali Religion, Society and Tourism (Modern Anthropology of South-East Asia)* London: Routledge, 2005.
11. ICH UNESCO. Warisan budaya takbenda. [Sumber daya elektronik] // Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan. URL: <https://warisanbudaya.kemdikbud.go.id/?ichunesco> (diakses pada 24.11.2020).
12. International Charter for The Conservation and Restoration Of Monuments And Sites (The Venice Charter 1964). [Electronic resource] // ICOMOS. URL: https://www.icomos.org/charters/venice_e.pdf (date of access: 08.11.2020).
13. Ketetapan MPR Nomor II/MPR/1988 Tahun 1988. [Sumber daya elektronik] // Hukum Online. URL: https://m.hukumonline.com/pusatdata/detail/1t4ff4078dd2105/nprt/657/tap-mpr-no-ii_mpr_1988-tahun-1988-garis-garis-besar-haluan-negara (diakses pada 10.11.2020).
14. Labadi S., Long C. *Heritage and globalisation*. London: Routledge, 2010.
15. Lane M. *Unfinished nation: Indonesia before and after Suharto*. Singapore: Talisman Pub, 2008.
16. Nagaoka M. *Cultural Landscape Management at Borobudur, Indonesia*. Cham: Springer International Publishing, 2016.
17. Nugroho K. *Local knowledge matters: Power, context and policy making in Indonesia*. Edition: 1, 2018.
18. Pelaksanaan Undang-Undang Nomor 5 Tahun 1992 Tentang Benda Cagar Budaya. [Sumber daya elektronik] // Database Peraturan. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/57458/pp-no-10-tahun-1993> (diakses pada 10.11.2020).
19. Pemerintah Kabupaten Bantul Dinas Pariwisata. *Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 10 Tahun 2009 Tentang Kepariwisata*. [Sumber daya elektronik]
2. Ahmed, L. (1992) *Women and Gender in Islam*. New Haven & London: Yale University Press.
3. Bangsawan, I.P. (2020) *Ensiklopedia Kebudayaan Banyuasin* [Banyuasin Culture Encyclopedia]. Banyuasin: Yayasan Institut Studi Ekonomi dan Kewirausahaan. (In Indonesian).
4. Bloembergen, M. (2020) *Politics of Heritage in Indonesia: A Cultural History*. Cambridge: Cambridge University Press.
5. UNESCO World Heritage Centre. (1972) *Convention Concerning the Protection of the World Cultural and Natural Heritage*. [Online] Available from: <https://whc.unesco.org/en/conventiontext/> (Accessed: 08.11.2020).
6. Dahles, H. (2020) *Tourism, Heritage, and National Culture in Java: Dilemmas of a Local Community*. London: Routledge.
7. Emmerson, D.K. (2015) *Indonesia Beyond Suharto*. London: Taylor and Francis.
8. Fitri, I. & Yahaya, A. (2017) Cultural heritage and its legal protection in Indonesia since the Dutch East Indies government period. *Proceedings of the 1st International Conference on Social and Political Development (ICOSOP 2016)*.
9. UNESCO. (1954) *Hague Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict*. [Online] Available from: <http://www.unesco.org/new/en/culture/themes/armed-conflict-and-heritage/convention-and-protocols/1954-hague-convention/> (Accessed: 08.11.2020).
10. Howe, L. (2005) *The Changing World of Bali Religion, Society and Tourism (Modern Anthropology of South-East Asia)*. London: Routledge.
11. ICH UNESCO. (n.d.) *Warisan budaya takbenda* [Intangible Cultural Heritage]. [Online] Available from: <https://warisanbudaya.kemdikbud.go.id/?ichunesco> (Accessed: 24.11.2020). (In Indonesian).
12. ICOMOS. (1994) *International Charter for the Conservation and Restoration of Monuments and Sites (The Venice Charter 1964)*. [Online] Available from: https://www.icomos.org/charters/venice_e.pdf (Accessed: 08.11.2020).
13. Hukum Online. (1988) *Ketetapan MPR Nomor II/MPR/1988* [People's Consultative Assembly: Decree Number II/MPR/1988]. [Online] Available from: https://m.hukumonline.com/pusatdata/detail/1t4ff4078dd2105/nprt/657/tap-mpr-no-ii_mpr_1988-tahun-1988-garis-garis-besar-haluan-negara (Accessed: 10.11.2020). (In Indonesian).
14. Labadi, S. & Long, C. (2010) *Heritage and Globalisation*. London: Routledge.
15. Lane, M. (2008) *Unfinished Nation: Indonesia Before and After Suharto*. Singapore: Talisman Pub.
16. Nagaoka, M. (2016) *Cultural Landscape Management at Borobudur, Indonesia*. Cham: Springer International Publishing.
17. Nugroho, K. (2018) *Local Knowledge Matters: Power, Context and Policy Making in Indonesia*. Bristol: Policy Press.
18. Database Peraturan. (1993) *Pelaksanaan Undang-Undang Nomor 5 Tahun 1992 Tentang Benda Cagar Budaya* [Government Decree No. 10 of 1993: Implementation of Law No. 5 of 1992 on Cultural Heritage Objects]. [Online] Available from: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/57458/pp-no-10-tahun-1993> (Accessed: 10.11.2020). (In Indonesian).

// Pemerintah Kabupaten Bantul. URL: <https://pariwisata.bantulkab.go.id/data/hal/0/47/48/115-undang-undang-republik-indonesia-nomor-10-tahun-2009-tentang-kepariwisataan> (diakses pada 24.11.2020).

20. Penjelasan atas Undang-undang Republik Indonesia nomor 5 tahun 1992 tentang Benda cagar budaya. [Sumber daya elektronik] // Database Peraturan. URL: <https://ngada.org/uu5-1992.htm> (diakses pada 10.11.2020).

21. Peraturan Presiden Nomor 78 Tahun 2007. Pengesahan Convention for the safeguarding of the intangible cultural heritage (Konvensi untuk perlindungan warisan budaya takbenda). [Sumber daya elektronik] // Hukum Online. URL: <https://www.hukumonline.com/pusatdata/detail/lt522810c539cac/node/920/peraturan-presiden-nomor-78-tahun-2007#!> (diakses pada 24.11.2020).

22. Tanudirjo D. A. Cultural Landscape Heritage Management in Indonesia An Archaeological Perspective. The First International Symposium on Borobudur Cultural Landscape Heritage Yogyakarta 2013.

23. Tanudirjo D.A. Cultural Resources Management sebagai Manajemen Konflik // Artefak. 1998. Vol.19. №14, P. 18-23.

24. Tanudirjo D.A. Undang-undang Cagar Budaya 2010 dalam perspektif arkeologi // Diskusi Pembahasan Undang-Undang tentang Cagar Budaya 2010.

25. Undang-Undang Nomor 11 Tahun 2010 tentang Cagar Budaya. [Sumber daya elektronik] // UNESCO. URL: https://en.unesco.org/sites/default/files/ind_act11_10_clther_indorof.pdf (diakses pada 24.11.2020).

26. Undang-Undang Nomor 5 Tahun 1992 tentang Benda Cagar Budaya. [Sumber daya elektronik] // Database Peraturan. URL: <https://ngada.org/uu5-1992.htm> (diakses pada 10.11.2020).

27. Xanthaki A. Indigenous peoples' cultural heritage: Rights, debates, challenges. Leiden: Brill Nijhoff, 2017.

19. Tentang Kepariwisataaan. (2009) *Pemerintah Kabupaten Bantul Dinas Pariwisata. Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 10 Tahun 2009* [Bantul Regency Government, Tourism Office. Tourism Law of the Republic of Indonesia No. 10 of 2009]. [Online] Available from: <https://pariwisata.bantulkab.go.id/data/hal/0/47/48/115-undang-undang-republik-indonesia-nomor-10-tahun-2009-tentang-kepariwisataan> (Accessed: 24.11.2020). (In Indonesian).

20. Database Peraturan. (1992) *Penjelasan atas Undang-undang Republik Indonesia nomor 5 tahun 1992 tentang Benda cagar budaya* [Commentary to Indonesia's Law No. 5 of 1992 on Cultural Heritage Objects]. [Online] Available from: <https://ngada.org/uu5-1992.htm> (Accessed: 10.11.2020). (In Indonesian).

21. Hukum Online. (2007) *Peraturan Presiden Nomor 78 Tahun 2007. Pengesahan Convention for the safeguarding of the intangible cultural heritage (Konvensi untuk perlindungan warisan budaya takbenda)* [President's Decree No. 78 of 2007: On Ratifying the Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage]. [Online] Available from: <https://www.hukumonline.com/pusatdata/detail/lt522810c539cac/node/920/peraturan-presiden-nomor-78-tahun-2007#!> (Accessed: 24.11.2020). (In Indonesian).

22. Tanudirjo, D.A. (2013) Cultural Landscape Heritage Management in Indonesia An Archaeological Perspective. *The First International Symposium on Borobudur Cultural Landscape Heritage*. Yogyakarta.

23. Tanudirjo, D.A. (1998) Cultural Resources Management sebagai Manajemen Konflik [Cultural Resources Management as Conflict Management]. *Artefak*. 19 (14). pp. 18-23. (In Indonesian).

24. Tanudirjo, D.A. (2010) Undang-undang Cagar Budaya 2010 dalam perspektif arkeologi [Heritage Law 2010 in an archaeological perspective]. In: *Diskusi Pembahasan Undang-Undang tentang Cagar Budaya* [Discussion on the Law on Cultural Heritage]. (In Indonesian).

25. UNESCO. (2010) *Undang-Undang Nomor 11 Tahun 2010 tentang Cagar Budaya* [Law No. 11 of 2010: On Cultural Heritage]. [Online] Available from: https://en.unesco.org/sites/default/files/ind_act11_10_clther_indorof.pdf (Accessed: 24.11.2020). (In Indonesian).

26. Database Peraturan. (1992) *Undang-Undang Nomor 5 Tahun 1992 tentang Benda Cagar Budaya* [Law No. 5 of 1992: On Cultural Heritage Objects]. [Online] Available from: <https://ngada.org/uu5-1992.htm> (Accessed: 10.11.2020). (In Indonesian).

27. Xanthaki, A. (2017) *Indigenous Peoples' Cultural Heritage: Rights, Debates, Challenges*. Leiden: Brill Nijhoff.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Куклин, Н. С. Государственная политика Индонезии по защите и сохранению культурного наследия: история и перспективы / Н. С. Куклин, Л. В. Куклина // *Наследие веков*. – 2021. – № 1 – С. 55–67. DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.003

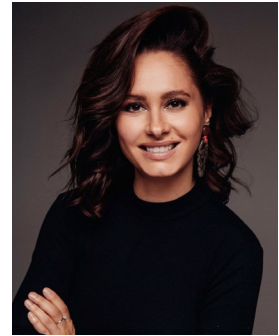
Full bibliographic reference to the article:

Kuklin, N. S. & Kuklina L. V. (2021) National Cultural Heritage Protection and Preservation in Indonesian State Policy: History and Prospects. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 55–67. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.003

ГОРЛОВА Наталья Ивановна
кандидат исторических наук, доцент
кафедры индустрии гостеприимства, туризма и спорта,
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова,
Москва, Российская Федерация

Natalya I. GORLOVA
Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation,
gorlovanat@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0833-2053

УДК [323.212:351.853]:[640.87:616-036.21](44+73)
ГРНТИ 13.61.91
ВАК 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.004

**Организация волонтерских
кампусов на объектах
историко-культурного наследия
в условиях пандемии COVID-19:
международный опыт**

**Organization of Volunteer Camps
at Historical and Cultural Heritage
Sites in the Context of the COVID-19
Pandemic: International Experience**

Цель исследования – выявление принципов и правил организации международных волонтерских кампусов в области сохранения историко-культурного наследия в условиях пандемии COVID-19 на примере деятельности некоммерческих организаций HistoriCorps (США) и Ассоциации REMPART (Франция), специализирующихся в данной сфере. Используются документы данных организаций, программные материалы по волонтерской работе. Изучены нормы, касающиеся вопросов проживания участников международных проектов, их численности, питания, проезда, организации культурно-досуговой программы и длительности проведения лагеря в период пандемии. Установлено, что во время карантина волонтерские организации сформулировали принципиально новые стандарты реализации международных проектов. Сформулированы общие требования к организации волонтерских кампусов: от обеспечения волонтеров средствами индивидуальной защиты до их размещения принимающей стороной, организации системы мониторинга самочувствия волонтеров и сотрудников проекта.

Ключевые слова: волонтерство, волонтеры, объекты культурного наследия, взаимопомощь, сохранение объектов культурного наследия, социальная практика, волонтерские кампусы, пандемия COVID-19, постпандемический период.

В Европе движущими факторами роста волонтерского движения по защите историко-культурных памятников и организации первых реставрационных волонтерских лагерей

стали бурное индустриальное развитие, последствия мировых войн, интерес населения к собственной истории и культуре и становление гражданского общества. Ключевую

роль в эволюции европейского волонтерства в сфере наследия также сыграли некоммерческие организации. За несколько десятилетий движение волонтеров в этой области прошло длительный путь — от единоразовых акций молодежи, направленных на восстановление конкретного памятника, до организации системной волонтерской деятельности в формате волонтерских лагерей, функционирующих на территории многих регионов мира. Кроме того, с течением времени оформились основные правила, стандарты организации волонтерских кампусов, а также требования к их ключевым участникам.

Потребность в исследовании была определена отсутствием системности в реализации волонтерского менеджмента в сфере защиты памятников истории и культуры, а также необходимостью структурирования процесса привлечения добровольных помощников к участию в международных и локальных волонтерских лагерях в условиях распространения коронавирусной инфекции COVID-19.

Помимо этого, как показывает практика, у большинства российских организаторов в настоящее время отсутствует опыт проведения волонтерских кампусов. Этим объясняется актуальность изучения зарубежных методов ведущих некоммерческих организаций в части реализации волонтерских лагерей в условиях новой реальности.

В отечественной историографии практически отсутствуют работы, в которых с опорой на широкий круг источников комплексно рассматриваются вопросы организации и подготовки международных волонтерских кампусов. Исторический обзор и современная «биография» добровольческого движения в сфере сохранения культурного наследия, проиллюстрированная опытом международных волонтерских кампусов под эгидой REMPART (Франция) и локальных волонтерских лагерей «Трудовые каникулы», проводимых благотворительной организацией National Trust (Великобритания), представлены в коллективном труде «Анализ практики привлечения добровольцев к сохранению культурного наследия (на примере России, Великобритании и Франции)» под редакцией А. Г. Демидова [1]. В изданном в 2020 г. Ассоциацией волонтер-

ских центров «Сборнике волонтерских практик в сфере культуры» отдельное внимание уделяется работе международных волонтерских лагерей ряда зарубежных стран [2].

Цель исследования — определение общих принципов и правил организации международных волонтерских кампусов в сфере сохранения историко-культурного наследия в социальной ситуации, связанной с возникновением пандемии коронавирусной инфекции COVID-19, и в последующий постпандемический период.

Методологическую основу исследования составил структурно-функциональный подход, позволивший путем применения метода толкования правовых норм и сравнительного метода выявить обоснованную и систематически выстроенную совокупность мер, принятых для обеспечения санитарной безопасности волонтеров, работающих в области сохранения наследия.

Для достижения цели исследования необходимо изучить практику проведения волонтерских лагерей, реализуемую организацией HistoriCorps (США), и выявить данные, характеризующие деятельность этой организации, а также требования, предъявляемые в ее локальных актах к разнообразным аспектам подготовки лагерей. Затем важно определить, каким изменениям подверглись нормы, регламентирующие жизнедеятельность кампусов во время осложнения эпидемической ситуации и в последующий посткарантинный период. Для полноты исследования следует также изучить аналогичную практику деятельности французской ассоциации REMPART. Результативную часть анализа составит выявление общих позиций в нормативном регулировании работы этих организаций с волонтерами на протяжении карантина.

В Великобритании многие учреждения в сфере сохранения культурного наследия в рамках профилактических мер по недопущению распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 пошли по пути сокращения реализуемых программ и мероприятий в 2020 г. Это коснулось в первую очередь проведения местных трудовых лагерей для подростков и их семей. Организаторы также разработали локальные нормативные акты,

относящиеся к осуществлению не только общих рабочих процессов, но и труда волонтеров в период вспышки коронавируса.

Что касается возможности восстановления (ремобилизации) волонтерской деятельности в секторе наследия после пандемии COVID-19, то автор обратился к опубликованным результатам исследования сообщества волонтеров наследия Великобритании (Heritage Volunteering Group), проведенного в мае 2020 г. В исследовании приняли участие 62 организации, работающие в сфере культуры Великобритании и привлекающие к своей деятельности волонтеров. Вопросы касались готовности организаций оптимизировать взаимодействие с волонтерами в постпандемический период, а также «пересобрать» необходимые для этого ресурсы, которыми организации обладают и в которых нуждаются [7].

Согласно результатам исследования, 10% организаций заявили, что смогут работать без участия волонтеров; 45% констатировали, что продолжение их деятельности без волонтеров невозможно; более 60% планируют увеличивать количество волонтеров и степень их влияния; более 50% будут развивать модели вовлечения волонтеров в свою деятельность; более 40% готовы разнообразить роли членов волонтерской команды.

В рамках предпринятого исследования необходимо остановиться на рассмотрении практики проведения волонтерских лагерей на примере деятельности HistoriCorps — одной из известных некоммерческих организаций в сфере сохранения историко-культурного наследия в США [4].

HistoriCorps — это некоммерческая организация, которая появилась благодаря активной деятельности инициативной общественности из числа добровольцев и профессионалов, посвятивших себя спасению особых мест Америки. Организация располагается в городе Моррисоне, штат Колорадо [10].

Главной силой HistoriCorps в деле сохранения исторических памятников являются волонтеры. По данным отчета организации, на безвозмездной основе в 2018 г. работало 675 волонтеров, потративших 31 694 часа своего времени на участие в проектах HistoriCorps.

Всего с 2009 по 2018 г. волонтеры пожертвовали 156 583 часа личного времени в поддержку этой некоммерческой организации [5].

HistoriCorps предоставляет возможность волонтерам любого уровня подготовки принять практическое участие и приобрести необходимые навыки в деле сохранения исторических сооружений на общественных землях на всей территории США. От добровольных помощников не требуется наличие какого-либо опыта работы. Нижняя возрастная граница кандидата в волонтеры организации — 14+.

Участие в проекте для волонтеров абсолютно бесплатно, взносы не взимаются. HistoriCorps предоставляет своим добровольным помощникам следующие сервисы: трехразовое питание (в том числе вегетарианское), инструменты, необходимое оборудование, а также проживание в палаточном лагере (кемпинге), автофургонах или в помещении.

Волонтеры самостоятельно обеспечивают себя рабочей одеждой и обувью, при необходимости дождевиком, теплыми вещами, постельным бельем.

Как правило, HistoriCorps проводит пятидневные лагеря, разбивая их рядом с объектами проекта. Численный состав бригады волонтеров варьируется от 4 до 8 человек, которые работают под началом опытного руководителя проекта и руководителя бригады.

Руководитель проекта отвечает за подготовку смен и предложений по организации лагеря, закупки и доставку необходимых материалов для работ, создание безопасной рабочей среды для персонала и волонтеров, проведение обучения. Он осуществляет управление волонтерами в целом, а также составляет отчеты о проделанной работе. Честность, активность, ум, зрелость, энергичность, мужество, исполнительность, мотивированность, организованность, настойчивость, независимость, дисциплинированность, открытость к альтернативным решениям — качества, которые составляют идеальный портрет руководителя проекта.

Функциональные обязанности руководителя бригады сводятся к закупкам и приготовлению еды для персонала проекта и волонтеров. Кандидаты на эту должность, по мнению руководства HistoriCorps, должны

уметь готовить на большие группы (от 8 до 19 человек) на летней кухне без электричества и водопровода.

Каждый волонтерский лагерь индивидуален и отличается в зависимости от местоположения, погоды и потребностей проекта.

Во всех проектах HistoriCorps существует система оценки сложности производимых волонтерами работ. Она касается требований, предъявляемых к выполнению работы волонтером, и условий ее исполнения. Большинство проектов попадают примерно в середину диапазона шкалы сложности.

Изменения, связанные с эпидемией коронавируса COVID-19, затронули правила и принципы подготовки волонтерских лагерей HistoriCorps. Организация разработала целый перечень документов, так называемые Протоколы HistoriCorps по охране здоровья и безопасности, которые содержат пошаговые инструкции по различным вопросам, касающимся проведения кампусов в условиях пандемии коронавируса [6]. В соответствии с ними все сотрудники должны соблюдать определенные правила и придерживаться конкретных норм организации труда участников проектов, создавать необходимые условия на рабочих местах на территории волонтерского лагеря. В свою очередь манифестируемые правила и требования также распространяются и на волонтеров.

Устройство, содержание и подготовка работы волонтерских кампусов, по мнению HistoriCorps, должны соответствовать обязательным санитарно-эпидемиологическим нормативам и правилам, регламентирующим организацию деятельности лагеря. HistoriCorps при принятии решения об открытии или закрытии волонтерского лагеря рекомендует обращать внимание на:

- эпидемиологическую обстановку по COVID-19 в штате, округе — месте организации запланированного волонтерского лагеря;
- расположение волонтерского лагеря (не более 1 часа езды до больничного учреждения / местных центров тестирования);
- доступ к проточной воде и наличие запасов воды;
- наличие средств индивидуальной защиты;

- размещение сотрудников и волонтеров с соблюдением условий социального дистанцирования в местах проживания;

- функциональное зонирование территории лагеря; на территории должны выделяться следующие зоны: зона проживания, рабочая зона, зона хозяйственного и технического назначения;

- наличие кадрового резерва при необходимости оперативной замены сотрудников лагеря в случае их заболевания либо выявления контактов с больным COVID-19.

В Протоколы включены разъяснения по участию волонтеров в проектах HistoriCorps, а именно:

- Волонтеры должны иметь не менее 6 многоразовых стирающихся масок для лица. Тканевые маски необходимы при работе на расстоянии менее 6 футов друг от друга или в замкнутом пространстве.

- Волонтеры должны иметь собственные рабочие перчатки.

- Волонтеры должны представить медицинскую справку (ПЦР) об отсутствии у них COVID-19. Волонтеры не должны планировать поездки в районы, сильно пострадавшие от коронавирусной инфекции, или за пределы США в течение 14 дней до начала участия в проектах HistoriCorps.

- Волонтеры должны соблюдать социальную дистанцию и принимать другие меры предосторожности.

- Волонтеры должны прибыть в местоположение лагеря самостоятельно в одиночку или с близким человеком (например, членом семьи), у которого отсутствуют симптомы коронавируса.

- Любой волонтер или сотрудник при появлении симптомов COVID-19 должен немедленно покинуть рабочее место и самоизолироваться. Если человек физически не может сделать это, персонал должен следовать инструкциям по оказанию первой медицинской помощи в полевых условиях при дальнейшей медицинской эвакуации.

- Волонтеры должны соблюдать технику безопасности и требования к охране труда.

Если во время рабочей смены у волонтера или сотрудника лагеря появятся симптомы лихорадки или озноба, сопровождаемые

кашлем, одышкой, затрудненным дыханием, усталостью, головной болью, потерей вкуса и запаха, болью в мышцах или в теле, тошнотой, рвотой, заложенностью носа или насморком, диареей, то HistoriCorps требует соблюдать следующие меры предосторожности. Так, в соответствии с пунктами Протоколов, руководитель проекта осуществляет комплекс профилактических мероприятий, направленных на предотвращение распространения COVID-19 в организованных лагерях. Он должен быть знаком с алгоритмами действий персонала и волонтеров в условиях эпидемии: в случаях заболевания COVID-19, подозрения на заболевание COVID-19, контакта с самим заболевшим. Также руководитель проекта должен быть в курсе порядка эвакуационных мероприятий (транспортировки) в медицинские организации больных или лиц с подозрением на COVID-19 и контактных лиц при подтверждении случая COVID-19 в лагере.

В Протоколах сформулированы отдельные требования к пункту приема пищи волонтеров и персонала лагеря (поварской палатке), а именно:

- только руководитель бригады и кухонный помощник или руководитель проекта (не более 2 человек) допускаются в палатку во время приготовления еды;

- повар лагеря должен работать в средствах индивидуальной защиты (маске, перчатках); рекомендуется носить одноразовые халаты и / или фартук;

- по возможности нужно держать оба края палатки открытыми для циркуляции воздуха;

- во время раздачи еды рекомендуется соблюдать дистанцию;

- после каждого приема пищи должна производиться дезинфекция посуды и столовых приборов путем погружения в дезинфекционный раствор с последующим мытьем и высушиванием посуды на воздухе;

- нужно усилить контроль за наличием условий для мытья рук с мылом, а также за соблюдением личной гигиены перед приемом пищи;

- по возможности питьевой режим необходимо организовать путем раздачи индивидуальных бутылок с водой.

Согласно Протоколам, персонал волонтерского лагеря должен придерживаться следующих правил:

- подъезжать к месту работы на собственном транспорте;

- не пользоваться общественным транспортом во время пути к месту работы;

- осуществлять ежедневную санитарную обработку всех транспортных средств лагеря;

- соблюдать надлежащее социальное дистанцирование;

- обеспечивать достаточный запас моющих и дезинфекционных средств;

- создавать санитарные пункты на рабочем месте, включая точки для мытья рук, обеспечивать наличие дезинфекционных средств для рук;

- носить тканевую маску, когда во время исполнения рабочих обязанностей нет возможности соблюдать социальную дистанцию;

- осуществлять ежедневную уборку рабочего места;

- сводить к минимуму совместное использование инструментов;

- все общие инструменты, такие как рулетка, молоток, отвертки, дрели, должны быть продезинфицированы в конце дня;

- не брать на себя больше задач по проекту, чем может быть выполнено за 1–2 дня;

- никаких рукопожатий и объятий;

- каждое утро проводить волонтерам бесконтактную термометрию;

- устанавливать ограждения на расстоянии не менее 10 футов от территории волонтерского лагеря, чтобы ограничить доступ и предотвратить случайные контакты между участниками проекта и посетителями исторических объектов; рекомендуется использовать оградительную ленту ярко-желтого цвета.

Исследовательский интерес представляет организация Union REMPART — объединение 180 ассоциаций, деятельность которых посвящена спасению и восстановлению культурно-исторических памятников и культурному образованию [9]. За каждой ассоциацией закреплен один или несколько объектов культурного наследия. Ассоциации — члены REMPART занимаются восстановлением памятников, которые относятся к разным эпо-

хам: от доисторических времен до современности. Значимость этих объектов неопределима.

REMPART за долгие годы функционирования разработала методологию проведения волонтерских лагерей, а также обучающие курсы и стажировки, связанные с профессиональной подготовкой руководителей и координаторов кампусов.

В связи с участвовавшими случаями выявления COVID-19 по всему миру в 2020 г., REMPART, как организация, занимающаяся международными проектами, сформулировала собственные меры реагирования на создавшуюся ситуацию. Так, например, было принято решение о сокращении числа участников волонтерских кампусов, проводимых в летнем сезоне 2020 г., с 12 до 8 человек. Волонтеры трудились в средствах индивидуальной защиты, с соблюдением социальной дистанции, что значительным образом осложняло работу на объектах культурного наследия. Принимающие организации в лице ассоциаций REMPART выполняли требования правительства и санитарного законодательства в отношении организации труда волонтеров, осуществляли санитарно-противоэпидемические (профилактические) мероприятия, а также обязывались обеспечить безопасность здоровья волонтера во время работ. Были созданы специальные инструкции как для руководителей волонтерских кампусов, так и для самих участников — волонтеров. В 2020 г. REMPART удалось на 70% реализовать свои многочисленные проекты, включая и организацию волонтерских лагерей.

Таким образом, анализ деятельности организаторов международных волонтерских лагерей в период пандемии позволил говорить о следующих принятых дополнительных мерах, касающихся проведения кампусов:

- написание инструкций для подготовки сотрудников к работе в новых условиях;
- информирование волонтеров об изменении условий участия в волонтерском лагере (например, о предоставлении справки (ПЦР) об отсутствии COVID-19, возможном одностороннем размещении и др.);
- обеспечение волонтеров средствами индивидуальной защиты за счет принимающей стороны;
- организация системы мониторинга самочувствия волонтеров (регулярное измерение температуры, запрет на нахождение в офисе работников, имеющих признаки ОРВИ);
- проведение мероприятий санитарного характера: дезинфицирование поверхностей, регулярная влажная уборка помещений, применение санитайзеров;
- контроль за соблюдением принятых мер по охране труда.

Кроме того, в 2020 г. многие принимающие организации в странах со вспышками коронавируса, где существовала угроза заразиться и вводился карантин, отказались от проведения международных волонтерских лагерей и приглашения волонтеров из-за рубежа. В некоторых случаях волонтерам в связи с отменой лагеря из-за пандемии предлагалось заморозить взнос до следующего раза, когда ситуация наладится и потенциальный участник захочет поехать, либо получить назад деньги.

Рассмотренные рекомендации зарубежных объединений в сфере сохранения культурного наследия могут стать практическим руководством, с помощью которого организаторы, не имеющие опыта реализации подобных проектов в постпандемический период, смогут качественно подготовить и провести международный или локальный волонтерский кампус.

Natalya I. GORLOVA

Cand. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Plekhanov Russian University of Economics,
Moscow, Russian Federation,
gorlovanat@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0833-2053

Organization of Volunteer Camps at Historical and Cultural Heritage Sites in the Context of the COVID-19 Pandemic: International Experience

Abstract. The aim of the study was to identify the principles and rules for organizing international volunteer camps in the field of preserving historical and cultural heritage in the context of the COVID-19 pandemic using the example of the activities of non-profit organizations HistoriCorps (USA) and the REMPART Association (France), specializing in this field. The study used reports, guidelines and instructions for working with participants on volunteer camps of these organizations during quarantine and in the subsequent post-pandemic period. The author applies a structural-functional approach using the methods of interpretation of legal norms and a comparative method. The practice of conducting volunteer camps was studied on the example of the activities of the American organization HistoriCorps. The data on the number of volunteers, the number of man-hours, employment conditions, peculiarities of the organization of activities, requirements for the personality, competencies and duties of the head of the volunteer brigade were revealed. The changes due to the COVID-19 pandemic and related to the rules and principles of preparing HistoriCorps volunteer camps, new requirements for organizing a volunteer camp and creating conditions for safe volunteer activities were investigated in detail. The HistoriCorps protocols regulating the procedure for actions in case of suspected signs of coronavirus infection in project participants were analyzed. The changes in the methodology of conducting volunteer camps, developed by the French volunteer association REMPART and related to the response of this organization to the spread of COVID-19, were studied. Specific actions, helping to ensure the sanitary safety of the participants, were identified in relation to the organization of volunteer labor. It was determined that the condition for participation in the volunteer camp should be the provision of a medical document (the PCR test result), indicating that the candidate does not have COVID-19, the passage of special training on health and safety by employees, and the provision of personal protective equipment to volunteers in accordance with the requirements of local authorities. The study resulted in a generalization of the experience accumulated by international volunteer organizations on taking additional measures related to the safe conduct of camps during the COVID-19 pandemic and the development of a number of universal recommendations that can become a practical guide for organizers and participants of volunteer camps, regardless of the location of the projects.

Keywords: volunteering, volunteers, cultural heritage sites, mutual assistance, cultural heritage conservation, social practice, volunteer camps, COVID-19 pandemic, post-pandemic period.

Использованная литература:

1. European Heritage Volunteers Projects and Partner Projects all over Europe [Electronic resource] // European Heritage Volunteers. URL: http://www.heritagevolunteers.eu/en/ListOfProjects?do=getFile&file_id=54 (date of access: 16.10.2020).
2. HistoriCorps [Electronic resource]. URL: <https://historicorps.org/about-us/> (date of access: 19.11.2020).
3. HistoriCorps 2009–2018. Retrospective & Annual Report 2018 [Electronic resource] // HistoriCorps. URL: <https://historicorps.org/wp-content/uploads/2019/07/Annual-Report-2018-190715-RFS-7.pdf> (date of access: 21.11.2020).
4. HistoriCorps Criteria for Project Selection & Protocols for Field Operations 2020 Project Season [Electronic resource] // HistoriCorps. URL: <https://historicorps.org/wp-content/uploads/2020/06/Criteria-and-Protocols-200629Updte.pdf> (date of access: 19.11.2020).
5. HVG Survey on Rebuilding Volunteering Capacity in the Heritage Sector [Electronic resource] // SurveyMonkey. URL: <https://ru.surveymonkey.com/stories/SM-G8V5SXXD/> (date of access: 10.09.2020).

References:

1. European Heritage Volunteers. (2020) *European Heritage Volunteers Projects and Partner Projects all over Europe*. [Online] Available from: http://www.heritagevolunteers.eu/en/ListOfProjects?do=getFile&file_id=54 (Accessed: 16.10.2020).
2. *HistoriCorps*. [Online] Available from: <https://historicorps.org/about-us/> (Accessed: 19.11.2020).
3. HistoriCorps. (2019) *HistoriCorps 2009–2018. Retrospective & Annual Report 2018*. [Online] Available from: <https://historicorps.org/wp-content/uploads/2019/07/Annual-Report-2018-190715-RFS-7.pdf> (Accessed: 21.11.2020).
4. HistoriCorps. (2020) *HistoriCorps Criteria for Project Selection & Protocols for Field Operations 2020 Project Season*. [Online] Available from: <https://historicorps.org/wp-content/uploads/2020/06/Criteria-and-Protocols-200629Updte.pdf> (Accessed: 19.11.2020).
5. SurveyMonkey. (2020) *HVG Survey on Rebuilding Volunteering Capacity in the Heritage Sector*. [Online] Available from: <https://ru.surveymonkey.com/stories/SM-G8V5SXXD/> (Accessed: 10.09.2020).

6. Projects Abroad [Electronic resource]. URL: <https://www.projects-abroad.org/about-us/> (date of access: 25.10.2020).

7. REMPART [Electronic resource]. URL: <https://www.rampart.com/> (date of access: 23.10.2020).

8. Strategic Plan 2021. [Electronic resource] // HistoriCorps. URL: <https://historicorps.org/wp-content/uploads/2020/11/2021-Strategic-Plan.pdf> (date of access: 19.11.2020).

6. *Projects Abroad*. [Online] Available from: <https://www.projects-abroad.org/about-us/> (Accessed: 25.10.2020).

7. REMPART. [Online] Available from: <https://www.rampart.com/> (Accessed: 23.10.2020).

8. HistoriCorps. (2020) *Strategic Plan 2021*. [Online] Available from: <https://historicorps.org/wp-content/uploads/2020/11/2021-Strategic-Plan.pdf> (Accessed: 19.11.2020).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Горлова, Н. И. Организация волонтерских кампусов на объектах историко-культурного наследия в условиях пандемии COVID-19: зарубежный опыт / Н. И. Горлова // *Наследие веков*. – 2021. – № 1 – С. 68–75. DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.004

Full bibliographic reference to the article:

Gorlova, N. I. (2021) Organization of Volunteer Camps at Historical and Cultural Heritage Sites in the Context of the COVID-19 Pandemic: International Experiencet. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 68–75. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.004

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ANTHROPOLOGY OF CULTURE

ВАСИЛЬЕВ Алексей Александрович

магистр богословия, священник,
аспирант-соискатель

Общecerковной аспирантуры и докторантуры
имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,
Тюмень, Российская Федерация

Alexey A. VASILIEV

M. Div., Priest,

External Postgraduate Student,
Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies,
Tyumen, Russian Federation,

vass78@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8519-251X

УДК [130.2:16]:167
ГРНТИ 13.07.25
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.005

**Логические механизмы
постижения культуры: опыт
теоретико-методологического
исследования**

**Logical Mechanisms
of Comprehending Culture:
An Experience of a Theoretical
and Methodological Research**

В статье предложена конкретизация методов постижения культуры, отражающая онтологию самой культуры. Несмотря на разнообразие теорий, в культурологии отмечается недостаточная конкретизация принципиальных оснований, необходимых для формирования методов постижения различных аспектов культуры как реальности. Целью явилось определение совокупности парадигм методических представлений, с которыми связано логическое постижение культуры. Источником исследования послужили различные представления культуроцентризма: как социальной стратегии (В.С. Библер, А.Я. Флиер), как научно-исследовательской программы (Г. Риккерт), как мировоззренческой позиции (М.С. Каган, Ю.В. Ларин). Исследование осуществлено в два этапа: через акт сравнения конкретизированы основания для формирова-

ния методологий логики, диалектики и антиномии, затем показана сфера применимости каждой области методов в отношении культуры. Полученные результаты важны для разработки общих и специальных методологий постижения культуры.

Ключевые слова: логика культуры, диалектика культуры, антиномия культуры, культурогенез, методология познания, натурацентризм, социоцентризм, антропоцентризм, теоцентризм, антиномирование.

Мировоззренческо-методологические основания постижения культуры должны отражать ее многоаспектность и логическую сложность. Одной из проблематических трактовок культуры является современная концепция культуроцентризма, предлагающая рассматривать культуру как онтологическую реальность. Онтологическое представление культуры, иной по отношению к природе реальности, органически связано со становлением и дифференциацией методов естественных и гуманитарных наук, с уточнением способов постижения той или иной реальности, с уточнением предмета культурологических исследований. Онтологичность культуры обязывает исследователя учитывать сложность и противоречивость реальности при определении методов культурологических исследований.

Основу предлагаемого исследования составили три группы представлений культуроцентризма. Первая группа представлений: культуроцентризм как социальная стратегия. В. С. Библер рассматривал культуроцентризм как особую ситуацию XX в., связанную с движением культуры в эпицентр человеческих действий, так бытие мира можно понимать как произведение культуры. А. Я. Флиер указывает на тенденцию возрастания роли культурных оснований в рамках социальной активности людей, следуя в этом парадигмальному эволюционизму В. М. Межуева (натуроцентризм — социоцентризм — культуроцентризм). А. С. Панарин определяет культуроцентризм как тип мышления, характеризующий постэкономического человека и постиндустриальную цивилизацию, противостоящую техноцентризму. В. И. Толстых также рассматривает культуроцентризм как следующую за техническим этапом ступень развития цивилизации.

Вторая группа представлений: культуроцентризм как научно-исследовательская программа. М. Вебер полагал, что социологическое изучение общества должно исходить из истолкования культурного смысла человеческих действий. В. Г. Федотова утверждает, что культура — наиболее значимый в теоретическом и методологическом значении феномен общества, требующий собственных методов исследования. Этому соответствует теория познания Г. Риккерта, согласно которой культура создается на основе всеобщих ценностей, а в ее изучении необходим метод отнесения к ценности любых продуцируемых культурой общественных благ. А. А. Сомкин связывает появление культуроцентризма с разработкой концепций взаимосвязи природного, социального и духовного компонентов жизни личности и общества.

Третья группа представлений: культуроцентризм как мировоззренческая позиция. В. И. Вернадский видел в процессе преобразования биосферы в ноосферу действие энергии человеческой культуры. М. С. Каган рассматривает культуру как четвертую форму бытия и способ связи природного и социального в человеке. Ю. В. Ларин рассматривает культуроцентризм как принцип, вбирающий в себя позиции космоцентризма, теоцентризма, антропоцентризма и др. А. П. Назаретян считает, что нынешнее возвышение культуры связано прагматикой выживания человеческой цивилизации вообще.

Несмотря на содержательное разнообразие культурологических теорий, отмечается недостаточная разработка методических принципов, на основании которых становится возможным выстраивание логических методов постижения культуры.

Проблемным полем исследования, таким образом, является недостаточная конкретизация принципиальных оснований, необходимых для формирования методов постижения различных аспектов культуры как реальности. Цель исследования состоит в определении совокупности парадигм методических представлений, с которыми связано логическое постижение культуры. Разработка методической основы для постижения онтологии культуры была осуществлена исходя из позиций культуроцентризма.

В методологическом дискурсе исследование основано на трудах мыслителей эпохи Античности (Платона и Аристотеля), разработывавших вопросы логики; произведениях христианских философов; исследованиях ряда видных методологов XX в. (К. Р. Поппера, К. Г. Юнга, Х.-Г. Гадамера, М. Фуко), а также результатах научных изысканий российских философов.

Исследование производилось в два этапа: посредством трехчастного разрешения акта сравнения были конкретизированы основания для формирования методологий логики, диалектики и антиномии, затем была показана сфера применимости каждой области методов в отношении культуры как реальности. В качестве методов исследования выбраны дифференцированный анализ и концептуальное моделирование в рамках системно-структурного подхода к предмету исследования. Научную новизну составляет развернутое представление о структуре методологии постижения культуры, что в контексте развития концепции культуроцентризма может иметь перспективное значение.

Сущность любого метода постижения реальности заключается в познании истины бытия постигаемого предмета, субъекта, вещи, идеи или личности, следовательно, совокупность методов постижения реальности описывает совокупность форм истинного бытия, доступных человеческому познанию. В научном сообществе ставится вопрос о зависимости познавательного метода от природы познаваемых объектов, а также высказывается гипотеза о том, что человек мыслит и постигает реальность в рамках нескольких логических систем [3, с. 213] [6, с. 15]. Предпосыл-

кой подобной гипотезы является признание такого бытия человека, которое осуществляется в парадигмах нескольких реальностей, действующих каждая в границах собственной логики. Традиционное представление заключается в указании на единство в человеке трех природ, составляющих основу человеческого бытия: физической, психической и духовной. Сущность каждой из них может быть постижима различными методами.

Исходный методологический «код» любого научного исследования формируется на основе познающих актов различного характера. В их отношении всегда должен существовать некий конституирующий элемент, объединяющий единичные акты познания в гносеологическую систему, отражающую истинные взаимосвязи сущего и мыслимого о сущем. Таким элементом, еще со времен Платона, считается акт сравнения как методологическая процедура, позволяющая «различать и обобщать», то есть «разделять все на виды, на естественные составные части, стараясь при этом не раздробить ни одной из них» и, наоборот, «охватывая все общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно, чтобы, давая определение каждому, сделать ясным предмет поучения» [9, с. 176]. Как писал М. Фуко, данный метод — «самый универсальный, самый очевидный, но вместе с тем и самый скрытый, подлежащий выявлению элемент, определяющий форму познания... и гарантирующий богатство его содержания» [16, с. 66]. Итак, сравнение как процедура включает в себя два контрадикторных момента: отождествления и различения [15, с. 77]. Вся огромнейшая парадигма фактических значений между тождественным (устойчивым) и различным (изменчивым) в гносеологических актах сравнения методологически инициируется и разрешается тройственно:

1) Противоречия необходимо нет, операция сравнения исключает один из несовместимых тезисов из логического предложения, акт познания дискретно завершается созданием достоверной и информативной единицы знания с одним значением «истинно». Данное диспозиционное решение формирует в теоретическом познании метод логики, включающий в себя весь аналитический потенциал

частных методов дедуктивного выводного знания.

2) Противоречие возможно (привходяще), акт познания остается не окончен, не разрешен, выражен временным проблематическим суждением. Если находится более глубокое родовое или причинно-следственное основание для реализации акта сравнения, то оно приводит форму познания к обычному логическому предложению, описанному в первом случае. Если таковое основание отсутствует по смыслу, то тезис и антитезис начинают формально и содержательно рассматриваться как антиномия. Познающее движение разума в контексте разрешения диалектики тезис-антитезис формирует диалектический метод в познании.

3) Противоречие необходимо есть, несовместимость тезисов имеет право на существование в едином субъекте высказывания и вызывает о нем суждение с двумя противоположными значениями «истинно» (индифферентное суждение, открытое казанским философом и логиком Н. А. Васильевым [4, с. 64]), на основании которого формируется метод антиномии в познании. Истинность суждения антиномии нельзя доказать формально-логическим способом, следует определить иной, содержательный, критерий антиномической достоверности, который должен включать как минимум необходимость признания истинного существования тех реальностей, которые в тезисах включаются в антиномию.

В техническом смысле данная тройственная дифференциация процедуры сравнения должна соответствовать двум логическим пропозициям, установленным еще Аристотелем: принципу реальности предмета познания [2, с. 150] и принципу содержательного логического следования [1, с. 129].

В фактическом развертывании методологии познания на основе логики, диалектики и антиномии формируются любые частные методы исследования. Следует отметить, что, несмотря на сопоставимость данных трех методологий познания в исследованиях, их фундаментальное различие определяется не только несводимостью одного метода к другому, но и сообразностью каждого мето-

да своей постигаемой реальности. В методическом смысле становится возможным соотносить предложенную нами трехчастную дифференциацию методов теоретического познания с теорией трех постигаемых миров Карла Поппера (мир предметов, внутренний мир, мир объективного содержания мышления) [10, с. 439–440]. Мир объективных нематериальных истин, связанных с содержанием мышления, включает в себя все понятийные смысловые конструкции, их идеальные отношения друг с другом, акты самого сознания, процесс смыслообразования, ноэтико-ноэстетической работы сознания. Кроме того, опыт антиномирования применим при постижении объектов, соединяющих несколько природ в своем реальном объективированном бытии. Еще более значительный потенциал создает перенос методических установок из собственных областей применения в смежные. В культурологии, если учесть всю сложность и многоаспектность культуры, может применяться весь спектр методологических средств, рассмотренных нами, с указанием конкретных областей применения.

Приведем небольшой лирический пример. При предметном рассмотрении любви как социокультурно-коммуникационной функции общества или при поэтическом осмыслении законов электромеханики могут быть использованы не прямые методы познания, не соответствующие таким предметам исследования, как любовь (требуется метод антиномии) и электромеханика (требуется метод логики). Следуя личным нуждам автора, в качестве методов могут выступать логика (при описании действия любви в обществе) и мифопоэтическая диалектика (при описании эффектов электромеханики). Например, в книге «„Кино“ с самого начала» Алексея Рыбина упоминается московский джаз-банд (являющийся творческим музыкальным коллективом) под названием «Фрикционные автоколебания как фактор износа трамвайных рельс» [11, с. 45], по названию диссертации одного из участников группы.

В отечественной и зарубежной философии были разработаны достаточно объемные представления о статусе культуры. Суммируя методические представления культуры, их

можно объединить в четыре концептуальные группы:

1. Теоцентрические (Ж. Маритен, Э. Мунье, Р. Гвардини, К. Барт, П. Тейяр де Шарден, П. Тиллих, В. С. Соловьев, В. В. Розанов, П. А. Флоренский, И. А. Ильин, А. В. Мень, П. А. Сапронов и др.). Источник — культ божественного; субъект-носитель — религиозная общность; характерная черта — сакральность; форма бытия культуры — символ; функция культуры — символическая.

2. Антропоцентрические (М. Шелер, Х. Плеснер, А. Гелен, А. де Бенуа, Й. Хейзинга, Х. Ортега-и-Гассет, Ж.-П. Сартр, Г. Марсель, Г. Риккерт, Г. Гессе, Н. А. Бердяев, П. С. Гуревич, А. В. Павлов, К. А. Свасьян и др.). Источник — реализация сущностных сил человека, может совершаться через игру (культ человека); субъект-носитель — человек, личность; характерная черта — элитарность, индивидуальность; форма бытия — ценность, функция — человекотворческая.

3. Социоцентрические (К. Г. Маркс, Э. Дюркгейм, Э. Кассирер, К. Леви-Стросс, Г. Гадамер, П. А. Сорокин, А. Ф. Лосев, А. Моль, Б. С. Ерасов, Л. А. Зеленов, Н. С. Злобин, Л. Е. Кертман, Л. Н. Коган, Э. С. Маркарян, А. А. Радугин, А. Ф. Еремеев, К. Г. Рожко, А. Я. Флиер и др.). Источник — реализация социальных сил через труд (культ общества); субъект-носитель — социальная общность; характерная черта — социальность; форма бытия — норма; функция — нормативная, регулятивная.

4. Натуροцентрические (Ф. Ницше, В. Дильтей, А. Бергсон, У. Джемс, Г. Зиммель, З. Фрейд, О. Шпенглер, А. Уайтхед, Г. Плеснер, А. Гелен, Дж. Фейблман, Л. Н. Гумилев, А. И. Пушкирь, М. Н. Эпштейн и др.). Источник — реализация естественных, природных сил человека (культ природы); субъект-носитель — природная общность; характерная черта — витальность; форма бытия — вещь, артефакт; функция — защита жизни, жизнеобеспечение.

Могут существовать смешанные теории: тео-натуροцентристские (Н. Я. Данилевский), тео-антропоцентристские (Н. А. Бердяев, Г. Марсель), тео-социоцентристские (А. Дж. Тойнби), социо-натуροцентристские (Л. А. Уайт), социо-антропоцентристские

(В. М. Межуев, В. В. Сильвестров, М. Б. Туровский, Э. Е. Платонова).

Поскольку даже на максимальном уровне обобщения культурологические теории представляют собой несколько несводимых друг к другу концептуальностей, в XX в. учеными активно разрабатывается культуроцентрическая трактовка культуры; согласно ей культуре присваивается онтологическое значение полноценной реальности, «второй природы», в которой, как и в жизни, сущностные противоречия просто сосуществуют, и необходимая методология постижения реальности должна как-то включать в себя эти противоречия и истинно отражать их бытие. При этом в новом формате онтологического единства пересматриваются материально-духовные дифференциации и субъект-объектные отношения. Таким образом, с позиций онтологии культуры становится важным рассматривать культуру одновременно со всех концептуальных сторон: как символ, как ценность, как норму, как предмет; и каждую сторону ее бытия необходимо признавать истинно существующей, для чего использовать весь спектр средств методологии.

Логическое постижение культуры является самой разработанной областью гносеологии культуры, поскольку предметный взгляд на произведения, продукты, идеи и концепты культуры очевиден. Логика культуры повторяет морфологию культуры в том смысле, что рациональные гипотетико-дедуктивные способы постижения реальности наиболее продуктивны в научном описании, объяснении и предсказании процессов и явлений культуры, имеющих очевидный системно-структурный и формообразующий характер. К ним относятся генетические, микро- и макродинамические, структурно-функциональные, социально-технические объективные аспекты изучения культуры. При логическом подходе опредмечиваются концептуальные представления о нормативной, ценностной и символической сторонах культуры, они рассматриваются строго как формальные объекты с конкретной исторически и / или социально сложившейся структурой.

Воплощаясь в мире, культура обретает фундаментальность, но при этом всегда оста-

ется личным этосом. Личностный культурогенез как целожизненный и / или возрастной путь погружения человека в мир культуротворческой деятельности осуществляется в дуализме двух созидательных процессов: формирования культуровоспроизводящих и культуротворческих программ человека (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. А. Леонтьев, А. Г. Асмолов и др.). Диалектика культуры воспроизводит противоречивые процессы творческого становления культуры личности и способности транслировать эту культуру во внешний для субъекта мир. Техническим термином, указывающим на инкультурационную общность мышления, общность духовной настроенности человека или группы является термин «ментальность»; конституирующим элементом ментальной культуры является многоуровневое понятие «концепт» [12, с. 60]; а содержательная сторона личностного культурогенеза реализуется через общую исходную архетипичность сознания. Архетипы, по версии К. Юнга, формальны и бессодержательны, как бы пусты сами по себе, они «представляют собой системы установок... передаются по наследству вместе со структурой мозга, более того, они являются ее психическим аспектом» [18], то есть архетипы основаны на психосоматических особенностях бытия нематериального сознания в физическом мире. Они обретают свою содержательную наполненность и творческую художественную убедительность, актуализируясь в мифологемах этнонационального сознания, которые транслируются на весь окружающий мир, его родо-видовые связи и причинно-следственные отношения.

Инкультурация человека и его собственное культуротворчество всегда сообразованы с действием сущностных сил человека, его способностей к предметной деятельности, к чувственно-художественной деятельности, к духовному восхождению. Видами культуротворческой деятельности являются: предметно-артефицированная, художественная, абстрактно-умозрительная. Механизмы воспроизводства культуры также связаны с сущностными силами человека, к ним традиционно относятся: обучение (освоить знания, умения, навыки), воспитание (передать цен-

ности и правила), образование (создать образ человека по поставленной модели). Поскольку дифференциация личностного культурогенеза связана с силами «внутреннего человека», постольку «субъективное» культуры всегда рождается и осуществляется (происходит) диалектически. Это отчасти объяснимо тем, что основное свойство внутреннего мира человека — самодвижность [14, с. 140–141] [13, с. 216]; её невозможно ограничить в движении мысли, желания, чувства, творчества; она не существует как материальный предмет; её отношение к любому познаваемому объекту или субъекту рано или поздно перелagается или в конкретное знание, или в твердую веру; а самодвижность души остается по прежнему диалектическим парением над любым аналитически ограниченным познанием (именно поэтому диалектику часто смешивают с антиномией).

Внутренний мир субъекта с позиций культуроцентризма следует считать первой настоящей реальностью культуры, ее действительной онтологией, второй природой, поскольку любое материальное произведение культуры, созданное человеком, не существует вне интерпретации, объяснения и понимания как автором, так и другим субъектом (следуя концепции герменевтического круга [5, с. 15–26]). Только после подобной инкультурации формируются культурные общности, связанные с культуротворческим освоением природы, превращением ее в мир культуры, что всегда опосредовано деятельностью. Необходимость теоретического перехода от реальности «вымышленной» к реальности предметной лежит в основе такого понятия, как концепт. Необходимость практического перехода от созерцательной деятельности к фактическому воплощению лежит в основе такого дуального понятия современного культуроцентризма, как субъективированный объект и объективированный субъект.

Методический переход от диалектики к антиномии происходит в случаях несводимости постигаемого предмета познания к онтологии единственной реальности. Такое происходит в случае, когда субъект культуры по необходимости нераздельно связан с объектом в парадигмах инкультурации или

культуротворчества, а также если предметное произведение культуры следует связать с его смысловой составляющей и таким образом актуализировать действительное проживание культурного момента. Фактическое осуществление подобной деятельности «есть специфически человеческая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которого составляет целесообразное изменение и преобразование этого мира на основе освоения и развития наличных форм культуры» [17, с. 267–268]. Культура в этом смысле выступает в двух взаимосвязанных «ипостазах»: когда человек становится творцом культуры, последняя осуществляется как «субъективированный объект» (с протяженностью из реальности нематериальной в материальную); когда человек осваивает культуру, в концептуальных формах творится действующей культурой, она осуществляется как своеобразный «объективированный субъект» (с протяженностью из реальности материальной в нематериальную). Таким образом, человеческая деятельность с позиции культуроцентризма может осмысливаться не просто в общепринятых рамках субъект-объектных моделей, но более пространно: в виде модели «S – OS/SO – O», где S – субъект деятельности, O – ее объект, OS/SO – культура как ее срединный элемент, предпосылка и результат. «Взятая в плане своего действительного осуществления культура вполне адекватно предстает как внутренне противоречивое единство объективированного субъекта и субъективированного объекта» [8, с. 190].

Итак, если культура по тропосу (др.-греч. Τρόπος — тропос, образ, способ) своего функционального бытия есть неслитное и нераздельное единство объективированного субъекта и субъективированного объекта, то их действительное единство должно соотноситься с теми концептуальными представлениями, которые так или иначе соотносят субъективное и объективное бытие культуры. И если субъективное бытие опосредовано только диалектически, изменяемыми формами самодвижности внутреннего мира человека (то принимающего, то отвергающего концептуальные представления), а объективное бытие конкретизировано и воплощено в конкретных культур-

генетических концептах (предметы, нормы, ценности и символы), то их соотносимость в реальных формах функционирования и существования культуры является предметом дифференцированного рассмотрения фактического соотношения субъекта и объекта в реальности, доступной созерцанию или рассмотрению. В соответствии с концептуальными представлениями культуры Ю. В. Ларин выделяет четыре типа соотносимости субъективированного объекта и объективированного субъекта [8, с. 190–191]:

1. Если субъективированный объект доминирует в рассматриваемой культуре, форма превалирует над содержанием, то сама культура постигается как предметная, артефактная форма ее бытия и функционирования.

2. Если субъективированный объект в рассматриваемой культуре паритетен объективированному субъекту, форма соответствует содержанию, то сама культура постигается как нормативная форма ее бытия и функционирования.

3. Если объективированный субъект в рассматриваемой культуре доминирует над субъективированным объектом, содержание превалирует над формой, то сама культура постигается как ценностная, аксиологическая форма ее бытия и функционирования.

4. Если объективированный субъект в рассматриваемой культуре по отношению к субъективированному объекту является синкретичным и при этом многообразным, стремящимся к бесконечности, то сама культура постигается как символическая форма ее бытия и функционирования.

Таким образом, логическое постижение культуры связано с тремя парадигмами методических представлений. Логика культуры, в которой применимы все традиционные научные методы дедуктивно-выводного характера, отвечает рациональным представлениям культуры, которые существуют концептуально в виде четырех групп теорий: теоцентризма, антропоцентризма, социоцентризма, натуроцентризма. Их совокупность отражает несводимость культуры к единственной непротиворечивой теории, к единственному непротиворечивому определению. Подобная несводимость как необходимая сущность представ-

лений культуры разрабатывается в рамках культуросцентрической трактовки культуры. Символы, нормы, ценности и артефакты культуры в их конкретном историческом сочетании образуют систему основных форм бытия и осуществления культуры на каждом этапе ее исторического развития. Указанные концепты не просто сосуществуют, но неслитно и нераздельно взаимосвязаны и взаимовменяемы. В качестве доминантной структуры культуры, как на нее указывает с позиций системности В. П. Кузьмин, в разные периоды ее развития и в различных ее локализациях может выступать та или иная концептуализация культуры [7, с. 176]. Диалектика культуры по преимуществу отражает личностный культуругенез и культурулогическую рефлексию внутреннего мира человека. Культуросцентрическая трактовка культуры присваивает ей значение онтологии, реальности, второй природы, которой и является содержание сознания человека. Культура, воплощенная в произведениях культуры в фундаментально зафиксированных формах, актуализируется, осознается и постигается только субъективно, проходя сквозь внутренний мир субъекта. Антиномия культуры связывает две контрадикторные реальности в единой субъект-объектной онтологии культуры. Единство материального и духовного в разной степени напряженности взаимосвязи объективированного субъекта и субъективи-

рованного объекта с концептуальных позиций символизма, нормативизма, аксиологичности и предметности культуры различными образами задает постигаемые парадигмы полноты осуществляемой онтологии культуры.

Полученные результаты являются перспективными для разработки общих и специальных методологий постижения культуры. С позиции культуросцентризма становится возможным рассмотреть во взаимосвязи логику, диалектику и антиномию культуры. Логика культуры совпадает с ее морфологией, отражая существование и развитие объективных форм и представлений культуры. Диалектика культуры повторяет личностную инкультурацию и культурутворчество. Антиномия культуры отражает противоречивость онтологической реальности культуры, неслитно и нераздельно связывающей субъект и объект культуры, а также все ее специфические измерения (реализацию ее предметного, нормативного, аксиологического и символического модусов). Научная новизна исследования заключается в авторской разработке согласованного представления различных типов методологии, которые возможно задействовать в постижении единства культуры как реальности, что в процессе становления концепции культуросцентризма может иметь перспективное значение для будущих исследований.

Alexey A. VASILIEV

M. Div., Priest,
External Postgraduate Student,
Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies,
Tyumen, Russian Federation,
vass78@mail.ru
ORCID: 0000-0002-8519-251X

***Logical Mechanisms of Comprehending Culture:
An Experience of a Theoretical and Methodological Research***

Abstract. Cultural centrism is a concept that considers culture as an ontological reality. The fundamental foundations necessary for the formation of methods of comprehending various aspects of culture as reality are insufficiently specified. The aim of the study is to determine the set of paradigms of methodological concepts that are associated with the logical comprehension of culture. The sources of the study were various representations of cultural centrism: as a social strategy, as a research program, as a worldview position. The methodological foundations for comprehending culture should reflect its

ontology, multidimensionality and metalogical complexity. The study was carried out in two stages: through the act of comparison, the grounds for the formation of methodologies of logic, dialectic and antinomy were specified, then the scope of applicability of each methodology in relation to culture was shown. The methodological basis for comprehending the ontology of culture was developed based on the positions of cultural centrism. The research methods are differentiated analysis and conceptual modeling within the framework of a system-structural approach to the object of research. The objectivity of the methodology requires that the logic of cognition be consistent with the nature of the perceived reality. The main methodological element of the cognizing act is the implementation of a logical comparison operation, which can be resolved in three ways, forming the methods of logic, dialectic and antinomy of culture. The logic of culture coincides with its morphology, it reflects the existence and development of objective forms of culture (symbolic, normative, axiological and objective representations, enshrined in the corresponding theories of cultural genesis, are fundamental ones). The dialectic of culture repeats personal inculturation and cultural creation. The antinomy of culture reflects the inconsistency of the ontological reality of culture, which unambiguously and inseparably connects the subject and the object of culture. This allows us to consider in unity all the particular concepts of describing culture's specific reality (nature-centric, sociocentric, anthropocentric and theocentric) and all the types of culture's actualization (objective, normative, axiological and symbolic). As a result, the concretization of methods of comprehending culture is proposed. The concretization reflects the ontology of culture itself. The results obtained are promising for the development of general and specific methodologies for comprehending culture.

Keywords: logic of culture, dialectic of culture, antinomy of culture, cultural genesis, methodology of cognition, nature-centrism, sociocentrism, anthropocentrism, theocentrism, antinomizing.

Использованная литература:

1. Аристотель. Аналитики. Первая и вторая / Пер. с греч. проф. Б. А. Фохт. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1952.
2. Аристотель. Метафизика. / Пер. с греч. П. Д. Первовой и В. В. Розанова. М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2006.
3. Васильев Н.А. Воображаемая (неаристотелева) логика // Журнал Министерства народного просвещения. 1912. Август. С. 207-246.
4. Васильев Н.А. Логика и металогика // Логос. М.: Тип. Т-ва А. А. Левенсон, 1912-1913. Кн. 1-2. С. 53-81.
5. Гадамер Х.-Г. Философские основания XX века // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 15-26.
6. Карпенко А.С. Логика на рубеже тысячелетий // Логические исследования 2000. № 7. С. 7-60.
7. Кузьмин В.П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 2-е изд. М.: Политиздат, 1980.
8. Ларин Ю.В. Мировоззренческо-методологические основы постижения культуры: проблема концептуализации. Дисс. д-ра филос. наук. Тюмень, 2004.
9. Платон. Софист // Собр. соч.: в 4 т. / Пер. с древнегреч., общ. ред. А.Ф. Loseva, В.Ф. Asmus, А.А. Тахо-Годи. М.: Мысль, 1994. Т. 2.
10. Поппер К.Р. Логика и рост научного знания. Избранные работы. / Пер. с англ. Сост., общ. ред. и вступ. статья д-ра филос. наук В.Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983.
11. Рыбин А.В. «Кино» с самого начала. Ростов-на-Дону: Феникс, 2013.
12. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001.

References:

1. Aristotle. (1952) *Analitiki. Pervaya i vtoraya* [The Prior Analytics. The Posterior Analytics]. Translated from Greek by B.A. Fokht. Moscow: Gos. izd-vo polit. lit-ry.
2. Aristotle. (2006) *Metafizika* [Metaphysics]. Translated from Greek by P.D. Pervov, V.V. Rozanov. Moscow: St. Thomas Institute of Philosophy, Theology and History.
3. Vasil'ev, N.A. (1912) *Voobrazhaemaya (nearistoteleva) logika* [Imaginary (Non-Aristotelian) Logic]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. August. pp. 207-246.
4. Vasil'ev, N.A. (1912-1913) *Logika i metalogika* [Logic and Metalogic]. In: *Logos*. Books 1, 2. Moscow: Tip. T-va A. A. Levenson. pp. 53-81.
5. Gadamer, H.-G. (1991) *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful]. Translated from German. Moscow: Iskusstvo. pp. 15-26.
6. Karpenko, A.S. (2000) *Logika na rubezhe tysyacheletiy* [Logic at the Turn of the Millennium]. *Logicheskie issledovaniya*. 7. pp. 7-60.
7. Kuz'min, V.P. (1980) *Printsip sistemnosti v teorii i metodologii K. Marksa* [The Principle of Consistency in the Theory and Methodology of K. Marx]. 2nd ed. Moscow: Politizdat.
8. Larin, Yu.V. (2004) *Mirovozzrenchesko-metodologicheskie osnovy postizheniya kul'tury: problema kontseptualizatsii* [Worldview and Methodological Foundations of Comprehending Culture: The Problem of Conceptualization]. Philosophy Dr. Diss. Tyumen.
9. Plato. (1994) *Sofist* [Sophist]. In: Losev, A.F., Asmus, V.F. & Takho-Godi, A.A. (eds) *Sobr. soch.: v 4 t.* [Collected

13. Творения прп. Максима Исповедника. Книга 1. Богословские и аскетические трактаты. М.: Мартис, 1993.
14. Творения святого Григория Нисского. Ч. 1. М.: Б.и., 1861.
15. Фофанов В.П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981.
16. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сэд, 1994.
17. Юдин Э.Г. Системный подход и принцип деятельности. М.: Наука, 1977.
18. Юнг К.Г. Структура души. Проблемы души нашего времени. / Пер. с нем. А.М.Боковикова; предисл. А. В. Брушлинского. М.: Прогресс Универс, 1993.
- Works: In 4 Volumes]. Translated from Old Greek. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
10. Popper, K.R. (1983) *Logika i rost nauchnogo znaniya* [Logic and the growth of scientific knowledge]. Translated from English. Moscow: Progress.
11. Rybin, A.V. (2013) *"Kino" s samogo nachala* ["Cinema" from the Very Beginning]. Rostov-on-Don: Feniks.
12. Stepanov, Yu.S. (2001) *Konstanty: slovar' russkoy kul'tury* [Constants: A Dictionary of Russian Culture]. 2nd ed. Moscow: Akademicheskij proekt.
13. St. Maximus the Confessor. (1993) *Tvoreniya prp. Maksima Ispovednika* [Selected Writings]. Translated from Greek. Book 1. Moscow: Martis.
14. Gregory of Nyssa. (1861) *Tvoreniya svyatago Grigoriya Nisskogo* [Writings]. Translated from Latin. Pt. 1. Moscow: [s.n.].
15. Fofanov, V.P. (1981) *Sotsial'naya deyatel'nost' kak sistema* [Social Activity as a System]. Novosibirsk: Nauka.
16. Foucault, M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences]. St. Petersburg: A-cad.
17. Yudin, E.G. (1977) *Sistemnyy podkhod i printsip deyatel'nosti* [A Systematic Approach and the Principle of Activity]. Moscow: Nauka.
18. Jung, C.G. (1993) *Problemy dushi nashego vremeni* [Modern Man in Search of a Soul]. Translated from German by A.M. Bokovikov. Moscow: Progress Univers.

Полная библиографическая ссылка на статью:

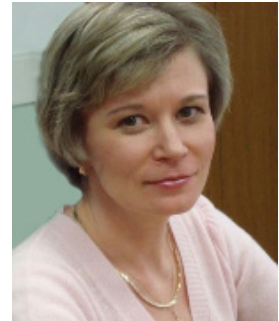
Васильев, А. А. Логические механизмы постижения культуры: опыт теоретико-методологического исследования / А. А. Васильев // Наследие веков. – 2021. – № 1 – С. 76–85. DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.005

Full bibliographic reference to the article:

Vasiliev, A. A. (2021) Logical Mechanisms of Comprehending Culture: An Experience of a Theoretical and Methodological Research. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 76–85. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.005

ЛОГИНОВА Марина Васильевна
доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой культурологии
и информационно-библиотечных ресурсов
Института национальной культуры
Мордовского государственного университета имени Н. П. Огарева,
Саранск, Российская Федерация
Marina V. LOGINOVA
Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
marina919@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7605-007X

УДК [[159.942.3:18]:008]:167
ГРНТИ 13.07.77
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.006

**Рефлексия проблемы
выразительности
в современной культуре:
методологический аспект**

**Reflection on the Problem
of Expressiveness in Modern Culture:
A Methodological Aspect**

Основная проблема исследования – определение выразительности в качестве методологического принципа современной культуры. Материалами при этом послужили результаты научных изысканий российских и зарубежных философов, культурологов, литературных критиков. Отмечено, что выразительность дает представление о формировании нового понимания взаимосвязи мира и человека, и ее обоснование является основой трансформации современной культуры. Проанализированы концепции Б. Кроче (выразительность как выражение духа в первичной форме), С. Лангер (выражение чувств символически), Т. Адорно (выразительность как критика невыразительного и узнавание выразительности фрагментарного), В. С. Соловьева (выразительность как выражение всеединства), П. А. Флоренского (выражение антиномичности феноменов культуры), А. Ф. Лосева (выразительность как мера человеческого). Выделены и классифицированы основные подходы к проблеме выразительности и определению собственной позиции категориального статуса данного понятия.

Ключевые слова: выразительность, выразительная форма, философия искусства, экспрессия, эстетика, современная культура, онтологический подход.

Рефлексия проблемы выразительности обусловлена многообразными формами бытия человека в мире современной культуры и способами включения человека

в этот мир. Актуальность обращения к выразительности заключается в обосновании ее в качестве категории культурного бытия и методологического принципа проявления

и оформления сущностных черт человека в мире культуры.

Обозначим теоретико-методологические основания, на которые мы будем опираться в своем исследовании. Во-первых, проблема выразительности может быть рассмотрена в разных контекстах (философском, искусствоведческом, лингвистическом), которые зависят от положения онтологии в системе гуманитарного знания. Именно онтологический подход определяет выразительность как категорию культуры и способ взаимосвязи понятий в системе «человек-мир» [5].

Во-вторых, значение онтологического подхода к проблеме выразительности в современной культуре позволяет трактовать ее как событие человека и мира, предполагающее встречу с Иным, Другим (сознанием, человеком, перспективой, взглядом и др.). Существование Другого дает возможность существования другой точки зрения как проявления неоднородного бытия.

В-третьих, сложность изучения методологического аспекта выразительности связана со спецификой современной культуры, которая носит становящийся характер, объединяющий процесс и результат, вещное и личностное, время и пространство. Исходя из этого, становление современной культуры позволяет нам определить событийный характер выразительности. Данное теоретическое суждение относительно современной культуры означает в экзистенциальном плане не только поиск человеком онтологических основ культуры, но и более глубокое самопонимание, дающее возможность анализировать культуру и ее формы как становление, не имеющее законченного характера.

Отметим, что рефлексия выразительности связана с социокультурным контекстом. В современной гуманитарной парадигме, когда последствия выражения человека в мире имеют неоднозначный характер, а объективистский взгляд не может претендовать на истинность, выразительность является условием проявления в мире, дает возможность проследить процесс ее трансформации в современных культурных практиках.

Трансформация современной культуры заключается в обосновании выразительности, которая дает представление о процессе фор-

мирования нового понимания взаимосвязи мира и человека. В этой связи представляется актуальным обоснование не только терминологических особенностей выразительности, но и определение ее в качестве методологического принципа современной культуры.

Анализ проблемы выразительности в гуманитаристике приводит к выделению направлений в ее исследовании: искусствоведческие аспекты выразительности представлены в работах С. М. Волконского, С. М. Эйзенштейна; выразительные средства языка изучают литературоведы и лингвисты (Ю. М. Лотман, А. А. Потебня, Э. Сепир, О. А. Ханзен-Леве и др.); экзистенциально-философский ракурс выразительности содержится в исследованиях М. М. Бахтина, А. Ф. Лосева, В. А. Подороги и др.

Определению методологического значения проблемы выразительности способствует подход, который активно использовал в середине прошлого века М. С. Каган. Философ определяет его как системно-синергетический [3, с. 50–54], направленный на интеграцию теоретического и эмпирического материала и отражающий парадигмальные изменения современной культуры.

Значение системно-синергетического подхода для выразительности заключается в том, что он позволяет, во-первых, выявить общий характер трансформаций современной культуры; во-вторых, определить взаимосвязь различных форм современной культуры; в-третьих, понять содержание выразительности в культуре XXI в.

Данный подход позволяет выделить направления в исследовании выразительности:

— предметная область исследования обращена к человеку (в современной культуре намечается переход к многомерным моделям, в которых выразительность является формой проявления человека в мире);

— при изучении функционирования культуры делается акцент на выразительность как процессуальность, динамичность смысла;

— историческое измерение учитывает культурный контекст, объединяет синхронные и диахронные модели объяснения культуры.

Изучение методологического аспекта выразительности в современной культуре

не является самодостаточной задачей, замкнутой на себя, так как связь с философией искусства, историей философии порождает новые ракурсы ее рассмотрения, влияющие на гуманитарную парадигму современности.

В теории и практике искусства выразительность оформляется в терминологии «экспрессивности» в XX в. Однако еще ранее, в эпоху романтизма, формируется учение о художественной выразительности, связанное с понятием «гениальность». Романтики утверждали, что благодаря слиянию с духовным миром или Абсолютом гений превосходит обычного человека.

Внутренний мир гения полагался истинным в противоположность действительному миру, и, соответственно, смыслом поэзии было выражение этого истинного мира. Сопричастность божественному и бесконечному началу свидетельствовала об истинности мира внутреннего, в котором человек находил убежище, в противовес эмпирической действительности, столкновение с которой заставляло обнаружить человеческую обусловленность, ограниченность и смертность. Разница между этой действительностью и миром, порожденным фантазией поэтического гения, возможность свободных творческих преобразований в мире воображаемом — все подтверждало представление романтиков о том, что внутренний мир должен был обладать некими качествами, превосходящими и скрадывающими все недостатки реальной действительности [12].

Ф. Шлегель в своих работах фрагментарно намечает контуры универсалистского учения о романтической поэзии. Развивая тему сближения поэзии и философии, немецкий философ обращается к проблеме сущности романтической поэзии, усматривая ее в вечном становлении и незавершенности, рассуждая о движении и выражении поэтического начала во внутреннем мире творца и в художественном произведении [6].

В учении Ф. В. Шеллинга художественная выразительность проявляется через поэтического гения, обретая философскую последовательность и завершенность. Сопоставляя творческую силу гения с творящей возможностью природы, философ ограничивает подражательную способность искусства, признавая

лишь общий для искусства и природы момент существования «прасилы мира». В гармонии мироздания гений прозревает обретенную им в боге высочайшую красоту.

Крайние степени возможностей искусства в его задаче располагаются, по Шеллингу, от подражания формам природы до абстрактной идеализации. Эти крайности отвергаются немецким философом, он признает основной, синтетической по характеру, задачей искусства «выявление общего единства». Сравнивая создания природы и произведения искусства, философ обнаруживает недостаточность природы, поскольку любое ее создание лишь на мгновение возвышается до подлинного совершенства.

Ф. В. Шеллинг пользуется методологическим приемом «конструирования», позволяющим не только зафиксировать противоположности (содержание и форма, субъективное и объективное и др.), но и объединить их путем обнаружения в них тождества и неразличимости. Поэтому искусство заключает в себе все многообразие мира [11, с. 67].

Определив место искусства в универсуме, Ф. В. Шеллинг тем самым проясняет его внутреннюю необходимость и метафизический смысл как завершение мирового духа. В теории романтиков выразительность связывает для человека реальность и искусство.

Подходы к изучению. Современная рефлексия унаследовала романтическую трактовку выразительности как эстетической проблемы. В гуманитаристике XX века выразительность понимается как самостоятельное философское понятие, что отражено в основных подходах к ее изучению:

1. *Эстетика выражения Б. Кроче.* В философской системе итальянского неогегельянца основным понятием является «дух», который начинает свое развитие с эстетического уровня выражения. Вслед за Гегелем философ понимает эстетический уровень выражения духа как вечно возобновляющийся. Однако Кроче критикует современные ему эстетику и искусство, максимально расширяя их толкование. Искусство понимается итальянским философом как совокупность «удачных выражений», это предполагает существование области искусства как постоянно обновляющей-

ся и возобновляющейся буквально с каждым новым взглядом художника. Границы эстетики как науки о таких «удачных выражениях» расширились до лингвистики. Связь эстетики и лингвистики в теории Б. Кроче обозначила выход эстетики из теоретической точки самозамкнутости в сферу лингвистики как «особую форму деятельности» [4]. «Эстетика выражения» Б. Кроче оказала влияние на формирование «эстетики экспрессионизма».

2. *Теория «выразительных форм»* С. Лангер построена в диалоге с философскими системами Э. Кассирера, А. Н. Уайтхеда, Л. Витгенштейна. Проблема познаваемости мира вводится в проблемное поле эстетики, а искусство (в частности, музыка) выступает объектом теоретического познания. В обращении к воззрениям своих предшественников и в полемике с современной критикой ее концепции, С. Лангер предлагает понятие «выразительной формы».

Теория С. Лангер вызвала оживленные споры, многие аспекты подверглись критике по ряду причин. Так, недостаточная роль коммуникативной функции искусства, за которую критикуют данную теорию, закономерна для той трактовки искусства, которая ею предлагается. Искусство иллюзорно, то есть не имеет ничего общего с реальным пространством и временем, экспрессивно, непереводаемо на язык рациональной логики, следовательно, коммуникативный аспект достаточно затруднен. Исследуя теорию С. Лангер, Е. Я. Басин отмечает нерешенность проблемы диалектического сочетания в художественном символе непосредственных (интуитивных) и опосредованных (логических) моментов [2, с. 230]. Противоречие заключается в логическом характере выразительной формы. Теория «выразительных форм» С. Лангер продолжает традицию гносеологического понимания искусства.

3. *Т. В. Адорно определяет эстетику фрагментарного*, в которой фрагмент — методологический принцип системы, обладающей множеством логических взаимосвязей и смысловых линий. Одной из таких линий является взаимосвязь «видимость — выражение — выразительность». Видимость как воспроизведение действительности обладает неким изъяном, отсутствующим у выражения.

Произведение искусства является таковым за счет несовпадения с изображаемой действительностью, привнесения некоторого нового смыслового оттенка, генерирования своей трансцендентности.

Произведение искусства как «выхваченность» из мира эмпирического обладает формой — то есть дополнительным качеством, которого нет у видимой действительности. Эта форма определяет границу между действительностью и искусством. Искусство является выразительным, так как в субъективной форме выражает объективную реальность, дает возможность для высказывания [1].

Такой подход к постижению искусства в области эстетической теории неизбежно приводит к использованию фрагментарности, парадоксальности, различного рода апорий, требует «паратактической» формы изложения.

4. *Онтология всеединства* В. С. Соловьева, С. Л. Франка, П. А. Флоренского, А. Ф. Лосева. Несмотря на то, что системы этих философов различны, общим для них является онтологический подход, определяющий выразительность как соотношение внутреннего и внешнего мира, человека и бытия.

Так, в философии Соловьева, выразительность связывает трансцендентный и обыденный мир посредством переживания человеком экзистенции [8].

В эстетической концепции С. Л. Франка о непостижимом выразительность придает смысл бытию. В теоретических построениях русского философа выразительность связывает дихотомическое бытие реального и трансцендентного, вечного и земного, являясь условием подлинно человеческого бытия, воссоздающим «непостижимое» [10].

Исходя из принципа выразительности, А. Ф. Лосев выстраивает эстетическую теорию, которая формирует категории выразительного ряда (первоединое, эйдос, миф, символ, личность, имя). Выразительность имеет символический характер, соотнося смысл и внесмысловую реальность [7].

Началом философии П. А. Флоренского является удивление перед подлинным бытием, порождающее познание, приобщающее к Истине. Для построения метафизики философ обращается к проблеме конкретного,

имеющего характер выражения внутреннего во внешнем. Присутствие двух сторон (внешнего и внутреннего, феномена и ноумена) характеризует любое явление реальности [9]. Отметим, что онтологизация опыта человека в конкретной метафизике Флоренского соответствовала фундаментальной онтологии М. Хайдеггера. Философов сближает применение этимологических интерпретаций в поисках изначального смысла понятий, понимание родства языка поэзии и философии. Философская поэтика Флоренского превращает пустоту несуществования в реальность предметного мира через называние, имя.

Таким образом, обращение к анализу концепций Б. Кроче (выразительность как выражение духа в первичной форме), С. Лангер (выражение чувств символически), Т. Адорно (выразительность как критика невыразительного и узнавание выразительности фрагментарного), В. С. Соловьева (выразительность как выражение всеединства), П. А. Флоренского (выразительность как выражение антиномичности феноменов культуры), А. Ф. Лосева (выразительность как мера человеческого) способствует выделению и классификации основных подходов к проблеме выразительности и определению собственной позиции категориального статуса выразительности:

— выразительность есть необходимая форма взаимодействия человека и бытия, сущность которой образует мера представленности в продукте творчества человека меры человечности в лично-уникальной форме в уникальном пространстве-времени (это синтетическая всеобщая определенность, подчеркивающая категориальный статус;

— как всеобщая определенность, выразительность имеет аналитическую структуру: некоторое первоединое (духовная сущ-

ность человека), эйдос как единство истины, блага и обоснованности человека, миф о мире и себе, особенный символ, личность (которая говорит нечто, имея, что сказать; молчит в силу невозможности сказать положительное как источник апофатического мышления; выражает себя в бытии; находится в диалоге) и ее имя — то есть это аналитическая определенность категории выразительности;

— как рефлексия эстетико-художественного мышления, выразительность соотносится с изобразительностью — как изображение сущности или, напротив, отрицание сущности в изображении; здесь выразительность выступает в качестве символики объектного языка вида искусства как художественная форма экспрессивного характера;

— выразительность есть категория вида искусства, которая моделирует особенный аспект жизни и особенные средства выразительности в виде языка искусства;

— выразительность есть категория коммуникации художника и реципиента в определенном типе культуры (в западной выражается экзистенция человека в самобытии, а в русской культуре — пребывание в инобытии Бога);

— выразительность, соотношенная с паракатегориями, есть точка и траектория взаимодействия личности и общества: движение и покой самораскрытия и самопознания; образ и первообраз; событийность выразительности как уникальное однократное событие в уникальном пространстве-времени;

— как принцип, выразительность направлена на самоактуализацию и самораскрытие человека, через акты коммуникации собственной личности стремящегося реализовать свою творческую уникальность.

Marina V. LOGINOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Ogarev Mordovia State University,
Saransk, Russian Federation,
marina919@mail.ru
ORCID: 0000-0001-7605-007X

**Reflection on the Problem of Expressiveness in Modern Culture:
A Methodological Aspect**

Abstract. The main problem of the research is the definition of expressiveness as a methodological principle of modern culture. The research materials were the results of investigations of Russian and foreign philosophers, culturologists, literary critics. The ontological approach allowed treating the expressiveness problem as something that assumes meeting the Other, as the expression of focusing on the Other. Moisei Kagan's synergetic and systems approach contributes to the determination of the methodological significance of the expressiveness problem. This approach helps reveal the spirit of the transformations in modern culture, identify the connection between its different forms, and perceive the content of culture expression in the 21st century. The author notes that expressiveness gives an idea of how a new understanding of the relationship between the world and man forms. The substantiation of expressiveness is the basis for the transformation of modern culture. It is argued that in the existing humanitarian paradigm, when the consequences of a person's self-expression in the world are ambiguous and an objective view cannot claim to be the world's foremost authority, expressiveness is the condition for self-expression in the world, and it provides the opportunity to follow the transformation of self-expression in modern cultural practices. Reflection on expressiveness in modern culture is connected with social creativity, which brings the problem out of linguistics and art history towards a larger axiological context. The analysis of the problem of expressiveness in the humanities has made it possible to single out the following schools: artistic aspects of expressiveness (S. M. Volkonsky, S. M. Eisenstein); linguistic and literary aspects of linguistic expression (Yu. M. Lotman, A. A. Potebnya, E. Sapir, A. Hansen-Loeve, et al.); existentialist and philosophical perspective of expressiveness (M. M. Bakhtin, A. F. Losev, V. A. Podoroga, et al.). The connection with the philosophy of art and the history of philosophy creates new perspectives for the study of methodological aspects that influence the modern humanitarian paradigm. Reference to the concepts of B. Croce (expressiveness as a genius expression in its primary form), S. Langer (symbolic expression of feelings), T. Adorno (expressiveness as a criticism of the inexpressible and recognition of frank expression), V. S. Solovyov (expressiveness as an expression of unity), P. A. Florensky (expressiveness as an expression of antinomic cultural phenomena), A. F. Losev (expressiveness as a human dimension) allowed classifying the main approaches to the problem of expressiveness and defining its categorical status.

Keywords: expressiveness, expressive form, philosophy of art, expression, aesthetics, modern culture, ontological approach.

Использованная литература:

1. Адорно Т. В. Эстетическая теория. М.: Республика, 2001.
2. Басин Е. Я. Семантическая философия искусства. М.: Гуманитарий, 2012.
3. Каган М. С. Эстетика как философская наука. СПб.: Петрополис, 1997.
4. Кроче Б. Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М.: Intrada, 2000.
5. Логинова М. В. Методологическое значение онтологического подхода для философии искусства // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2018. Т. 8. № 1. С. 124–137.
6. Литературная теория немецкого романтизма. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 1934.
7. Лосев А. Ф. Диалектика художественной формы. М.: Академический проект, 2010.
8. Соловьев В. С. Философия искусства. Избранное. М.: Юрайт, 2020.
9. Флоренский П. А. История и философия искусства. М.: Академический проект, 2017.

References:

1. Adorno, T.V. (2001) *Esteticheskaya teoriya* [Aesthetic Theory]. Moscow: Respublika.
2. Basin, E.Ya. (2012) *Semanticheskaya filosofiya iskusstva* [Semantic Philosophy of Art]. Moscow: Gumanitariy.
3. Kagan, M.S. (1997) *Estetika kak filosofskaya nauka* [Aesthetics as a Philosophical Science]. St. Petersburg: Petropolis.
4. Croce, B. (2000) *Estetika kak nauka o vyrazhenii i kak obshchaya lingvistika* [Aesthetic as Science of Expression and General Linguistic]. Translated from English. Moscow: Intrada.
5. Loginova, M.V. (2018) Methodological Concern of Ontological Approach Towards Philosophy of Art. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin*. 8 (1). pp. 124–137. (In Russian). DOI: 10.15293/2226-3365.1801.08
6. Berkovskiy, N.Ya. (ed.) (1934) *Literaturnaya teoriya nemetskogo romantizma* [Literary Theory of German Romanticism]. Leningrad: Izd-vo pisateley v Leningrade.

10. Франк С. Л. Непостижимое: онтологическое введение в философию религии. М.: АСТ, 2007.
11. Шеллинг Ф. В. Философия искусства. СПб.: Алетейя, 1996.
12. Эстетика немецких романтиков. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006.
7. Losev, A.F. (2010) *Dialektika khudozhestvennoy formy* [Dialectic of Artistic Form]. Moscow: Akademicheskii projekt.
8. Solov'ev, V.S. (2020) *Filosofiya iskusstva. Izbrannoe* [Philosophy of Art. Selected Works]. Moscow: Yurayt.
9. Florenskiy, P.A. (2017) *Istoriya i filosofiya iskusstva* [History and Philosophy of Art]. Moscow: Akademicheskii projekt.
10. Frank, S.L. (2007) *Nepostizhimoe: ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii* [The Unknowable: An Ontological Introduction to the Philosophy of Religion]. Moscow: AST.
11. Schelling, F. (1996) *Filosofiya iskusstva* [The Philosophy of Art]. St. Petersburg: Aleteyya.
12. Mikhaylov, A.V. (ed.) (2006) *Estetika nemetskikh romantikov* [Aesthetics of German Romanticists]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Логинова, М. В. Рефлексия проблемы выразительности в современной культуре: методологический аспект / М.В. Логинова // Наследие веков. – 2021. – № 1 – С. 86–92. DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.006

Full bibliographic reference to the article:

Loginova, M. V. (2021) Reflection on the Problem of Expressiveness in Modern Culture: A Methodological Aspect. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 86–92. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.006

ДУДАРЕВА Марианна Андреевна

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры русского языка № 2
Российского университета дружбы народов,
Москва, Российская Федерация

Marianna A. DUDAREVA

Cand. Sci. (Russian Literature),
RUDN University
(Peoples' Friendship University of Russia),
Moscow, Russian Federation,
marianna.galieva@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-4950-2322

УДК [130.122:164.223.4]:82-14=161.1"19"
ГРНТИ 13.11.25
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.007

Апофатический горизонт русской поэзии, или что увидел есенинский клен

The Apophatic Horizon of Russian Poetry, or What Yesenin's Maple Saw

Апофатика русского языка и культуры, проявляющаяся на концептуальном уровне языка, составила проблемное поле исследования. Целью данной работы является анализ способа создания апофатического эффекта (в русском варианте логоцентризма, связанного с Танатосом и Эросом) поэтическими средствами. В центре исследования – апофатическая составляющая художественной словесной культуры. Материалом для исследования послужил текст стихотворения Есенина «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...». Методология сводится к целостному анализу художественного текста с применением онтогерменевтического подхода. Автор отмечает присутствие в стихотворном тексте двух этосов – жизни и смерти. Проводятся параллели с фольклорной традицией, волшебной сказкой, для которой аксиологически и онтологически важен поиск «инога царства», имеющий апофатический характер. Через обращение к мифу и фольклору можно декодировать темные апофатические места в авторском есенинском слове.

Ключевые слова: апофатика культуры, апофатический горизонт, фольклор, миф, «иное царство», поэтика Есенина, этос.

Сегодняшний день апофатичен. Распространение коронавирусной инфекции, напряженная работа социальных институтов смерти, экономический кризис, непрекращающиеся военные действия в мире погружа-

ют человечество в энтропийное состояние, духовный кризис, который или разрешится гибелью, или приведет к новой жизни [15]. Однако апофатичной стала не только смерть, но и жизнь. Разобраться в сегодняшнем дне

поможет день «вчерашний» нашего искусства, поскольку в онтологическом плане нам еще близок *некалендарный* XX век, эон Нового времени: «В искусстве... всегда присутствует элемент соревнования: соревнуются не только современники между собой; младшее поколение стремится превзойти старшее. При этом ему... бывает легче опереться не на вчерашний, а на *позавчерашний* день» [14, с. 33]. Россия долгое время была логоцентричной страной, именно поэтому апофатику культуры мы постигаем в первую очередь через *апофатику словесного искусства*.

Поэзия апофатична, априори непостижима, по мысли русского философа XX века С. Франка [20, с. 55]. Однако это не значит, что реципиент не должен и не может постичь, пережить этот апофатический опыт, а русский духовный опыт имеет апофатическую природу. Литература, по мысли ведущих культурологов современности И. А. Кондакова, А. Я. Флиера, одной из первых транслирует культурные смыслы [9, с. 251], и ее апофатический опыт, преимущественно танатологический, может быть продуктивен и полезен в довольно сложный и полный самых разнообразных вызовов период, переживаемый ныне человечеством, находящимся в точке бифуркации. Рассмотрим на примере одного стихотворения Есенина, как можно приблизиться к *апофатическому горизонту* русской культуры.

Одним из хрестоматийных стихотворений поэта является позднее «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...» (1925), которое было многократно положено на музыку. За простотой есенинских метафор, по тонкому наблюдению А. М. Марченко, таится нечто большее, глубокий смысл, который за внешней податливостью формы легко ускользает от читателя [12, с. 49]. Конечно, этому стихотворению и сегодня уделяется внимание в разных исследовательских парадигмах; в лингвистических и литературоведческих работах [8] и даже в историко-педагогических статьях [16] мы найдем упоминание или разбор произведения. Думается, что такой разносторонний интерес обусловлен, с одной стороны, датой написания стихотворения (ноябрь 1925 г.) — оно является предсмертным и вы-

ступает в качестве особого лирического откровения, с другой стороны, свойством поэзии Есенина, приобщающей нас к национальному *космо-психо-логосу* (используем понятие Г. Д. Гачева [2]). Литературоведы давно указывают на укорененность самого поэта в фольклорной стихии, народном творчестве, о котором он писал статьи («Быт и искусство», «Ключи Марии»). Но не всегда филологическими методами можно разрешить ту или иную проблему, особенно если это касается апофатической составляющей творчества (хотя сегодня в литературоведении и появляются работы, посвященные апофатике В. Жуковского [5], представителей Серебряного века [3] [22] [24]). Онтогерменевтический подход, дополненный семантическим методом исследования лирического текста, может приблизить реципиента к апофатическому горизонту путем выявления этоса жизни и смерти в художественном произведении. Под этосом, вслед за М. Хайдеггером, понимаем *местопребывание*, жилище [21, с. 214–215]. В этой связи целью данной работы является анализ способа создания апофатического эффекта (в русском варианте логоцентризма, связанного с Танатосом и Эросом) поэтическими средствами.

В стихотворении Есенина, написанном за месяц до смерти, что уже актуализирует танатологический дискурс в культурологическом понимании, значимы вопросы, превращающиеся, говоря языком онтологии, в *предельные вопрошания*:

Клен ты мой опавший, клен
заледеленый,
Что стоишь нагнувшись под метелью
белой?
Или что увидел? Или что услышал?
Словно за деревню погулять ты вышел.
[6, с. 233]

С одной стороны, здесь, по справедливому замечанию исследователей, дано прямое указание на время года и действия через дендроним и его описание («клен заледенелый») [8, с. 79], что организует *катафатическое содержание* лирического текста (время действия — зима). С другой стороны, интересен не сам по себе клен, а его восприятие (има-

гинация) лирическим героем. Клен у Есенина антропоморфен, клен больше, чем просто дерево,— можно говорить о древесном коде, который функционирует в художественном мире поэта, обретая разные формы (о духе от дерева написано еще в 1918 году в «Ключах Марии»). В этом стихотворении клен выходит *за* деревню, на дорогу, и с ним попадает в чужое, открытое, потенциально опасное пространство поля и лирический герой:

И, как пьяный сторож, выйдя
на дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил ногу.
Ах, и сам я нынче чтой-то стал
нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской попойки.
[6, с. 233]

Зачем вдруг клену, вросшему в землю, *куда-то* выходить? Как вообще дерево может совершать перемещения в пространстве? Если довольствоваться только прямым указанием на время года в стихотворении, относя его к лирике о природе, и линейным принципом «рождения-умирания», который несут в себе деревья и растения [11, с. 197], то мы лишимся онтологического смысла и не приблизимся к *апофатическому горизонту* поэзии. Если же прочитывать, вслед за Есениным, древесный код, растительный орнамент в свете языческих представлений, то следует говорить об *иерофании* (в терминологии М. Элиаде [23]), которая открывается нам через систему дендронимов в поэзии. Отсюда и сакрализация, и апофатизация древесного мира — действие разворачивается на грани было / не было:

Там вон встретил вербу, там сосну
приметил,
Распевал им песни под метель о лете.
Сам себе казался я таким же кленом,
Только не опавшим, а всю зеленным.
[6, с. 233]

Сам себе казался (казался в значении «представлялся кленом») — ключевая фраза для понимания и реконструкции ритуального контекста произведения. То есть происходит не только уподобление клена человеку, но и обратный процесс, который нередко

встречаем в художественной лаборатории поэта: «В литературной работе С. Есенина, как и в народном творчестве, мы встречаемся и с обратным перенесением тех или иных свойств природы на человека» [13, с. 77]. И что же ищет этот *сторож-клен*? Эти предельные вопрошания не имеют определенного ответа. Но в русском варианте бытия важен поиск «иноного царства», актуализировавшийся в начале некалендарного XX века, о чем говорил в своих лекциях о русской сказке философ Е. Н. Трубецкой [19]. Есенинский клен-человек пустился в путь, потому что *что-то* увидел или услышал, и в этом *что*, в этом апофатизме русской метели и есть поиск инобытия, с которым мы сталкиваемся уже в русской сказке (формулы «иду туда, не знаю куда», «ищу то, не знаю что»). Русский фольклор, являясь богатейшим источником апофатизма культуры, инспирирует художественное писательское бытие.

В этом фольклорном духовном поиске, в самом процессе постижения «иноного царства» соединяется *этос жизни* с *этосом смерти*: лето и зима, юность и старость (опавший клен), жизнь и смерть (метель).

Интересно, что в раннем творчестве у Есенина выявляется вектор движения *отсюда туда* (в вечность):

Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.
[6, с. 39]

В позднем творчестве, в стихотворении «Клен ты мой опавший, клен заледенелый...», вектор движения в онтологическом плане изменен — *оттуда сюда*, через смерть к жизни в новом качестве:

И, утратив скромность, одуревши
в доску,
Как жену чужую, обнимал березку.
[6, с. 233]

Поиск «иноного царства» в русской сказке имеет двунаправленный характер, и завершается он возвращением героя в мир живых — в перерожденном виде — с вещью невестой, чудесным волшебным предметом, сакраль-

ными знаниями [4]. В этой связи возникновение в стихотворении о клене дендронима «береза», характерного в целом для поэтики Есенина и являющегося *национальным маркером* в русском космо-психо-логосе, по наблюдению Г.Д. Гачева [2, с. 33], не случайно. Здесь береза также антропоморфна, и, что более важно, с ней лирический герой вступает в *ритуальный брак* (береза-жена). Кроме того, береза связана одновременно с этосом и жизни, и смерти. По славянским представлениям, береза наделена амбивалентными коннотациями: связана с судьбой, счастьем, с душами умерших [1]. Береза задействована во многих обрядах жизненного цикла, ее используют в троицкие или купальские дни (завивают березку, плетут венки), она сопряжена с женским архетипом [7]. Есенинский герой, *внук купальской ночи* (стихотворение «Матушка в купальницу по лесу ходила...»), приобщен к этим древним представлениям о мире.

Значимо то, что клен, и с ним лирический герой в данном стихотворении, предположительно, погружены в лиминальное состояние (пьянство здесь тоже носит ритуальный характер) и поиск «иног царства», на что указывают вопросы-*вопрошания* (что увидел? что услышал?). *Апофатический горизонт* этого стихотворения связан с постижением предельных сущностей, с ответом на вопрос, не предполагающий катафатического объяснения: «...ценность „предельного вопрошания“ не содержится в ответе, а именно в удержании напряженности вопроса, который остается открытым без окончательного ответа» [10, с. 42]. Лирический герой через имажинативное видение и проживание дей-

ствительности (клен — имагинация наяву) приобщается к *инобытию*.

Вертикальная трансмиссия словесной культуры, возникающая внутри диалектической триады *миф — фольклор — литература*, позволяет проникнуть в апофатическое пространство идеалов, к которым устремлен в своей поэзии Есенин. Символическая многозначность, антропоморфность и клена, и березы создают *апофатический эффект* в стихотворении поэта, онтологический смысл которого можно понять, обратившись к мифологическим универсалиям, фольклорной традиции, *иномирной парадигме* волшебной сказки. Дендронимы играют важную роль в образной картине мира Есенина и связаны с универсальными (повторяющимися) в традиции русской поэзии образами типа *тополь — сторож, клен — сторож* [17, с. 48] [18, с. 23]. Архаические представления о мире инспирируют его художественное авторское слово: так происходит передача сакральных знаний на уровне больших подсистем — от фольклора к литературе. Апофатика в современных исследовательских парадигмах перешла из чисто богословской и философской сфер в проблемное поле культурологии; апофатический метод позволяет приблизиться к постижению предельных сущностей, Абсолютов культуры, в частности феномена смерти как ценности культуры, и сегодня этоса жизни, который тоже стал апофатичен и танатологичен. Представляется, что дальнейшее исследование избранной темы лежит в плоскости расширения объема литературного материала, что позволит с большей основательностью апробировать разработанную методологическую схему.

Marianna A. DUDAREVA

Cand. Sci. (Russian Literature),

RUDN University

(Peoples' Friendship University of Russia),

Moscow, Russian Federation,

marianna.galieva@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-4950-2322

***The Apophatic Horizon of Russian Poetry,
or What Yesenin's Maple Saw***

Abstract. The apophaticism of Russian language and culture, which manifests itself at the conceptual level of the language, has formed a problem field of research. The aim of the article is to analyze a method for creating an apophatic effect associated with Thanatos and Eros in the Russian version of logocentrism. At the center of the research is the apophatic component of Russian artistic verbal culture. The material for the study was the text of Sergey Yesenin's well-known late poem "Oh My Dear Maple, Frozen Stiff and Bare". The methodology is reduced to a holistic analysis of the literary text using an onto-hermeneutic approach and a semantic method of research, which can bring the recipient closer to the apophatic horizon of poetry. The author notes the presence in the poetic text of two ethoses – of life and of death, which are marked in the poem by the dendronyms "maple" and "birch", respectively. In Yesenin's poetic world, the role of dendronyms is great: through the images of the maple and the birch, the poet's ideas about the world, which coincide with the folklore archaic ones, are revealed. Yesenin's maple is anthropomorphic, it is more than just a tree: there is a tree code that functions in the poet's artistic world and takes on different forms. The symbolic ambiguity and anthropomorphism of both the maple and the birch create an apophatic effect in the poem. The author of the article draws parallels with the folklore tradition, the fairy tale, for which the search for "another kingdom", also apophatic in nature, is axiologically and ontologically important. Through myth and folklore, it is possible to decode the dark apophatic places in Yesenin's authorial word. The study results in the identification of the ontological plan of "Oh My Dear Maple, Frozen Stiff and Bare", which is associated with the apophatic questions and the thanatological subtext in the poem. In modern research paradigms, apophaticism has moved from the purely theological and philosophical spheres to the problem field of cultural studies. Thinking about the art of words and the "yesterday" of our art in the apophatic aspect helps to approach the comprehension of ultimate essences, the absolutes of culture: among others, the phenomenon of death as a value of culture, and the ethos of life, which has also become apophatic and thanatological. Thus, it is possible to trace the vertical transmission of culture through an appeal to the myth and folklore that inspire Yesenin's artistic existence.

Keywords: apophaticism of culture, apophatic horizon, folklore, myth, "another kingdom", Yesenin's poetics, ethos.

Использованная литература:

1. Виноградова Л. Н., Усачева В. В. Береза // Славянские древности: в 5 т. М.: Международные отношения, 1995. С. 156–160.
2. Гачев Г. Д. Ментальности народов мира. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008.
3. Дударева М. А. Апофатика русского языка и культуры в творчестве Н. С. Гумилева (на примере стихотворения «Жираф») // Наследие веков. 2020. № 1. С. 98–104.
4. Елеонская Е. Н. Представление «того света» в сказочной традиции // Сказка, заговор и колдовство в России. М.: Индрик, 1994. С. 42–50.
5. Елепова М. Ю. Эстетика В. А. Жуковского в апофатическом контексте // Дискуссия. 2012. № 4 (22). С. 176–178.
6. Есенин С. А. Полное собрание сочинений: в 7 т. М.: Наука, 1995–2002. Т. 1, 4.
7. Иванов В. В., Топоров В. Н. Славянская мифология // Мифы народов мира: в 2 т. М.: Советская энциклопедия, 1987. Т. 1. С. 450–456.
8. Камаль З. А., Чарыкова О. Н. Роль фитонимов в репрезентации художественной картины мира С. Есенина // Вестник Воронежского государственного университета. 2011. № 1. С. 78–80.

References:

1. Vinogradova, L.N. & Usacheva, V.V. (1995) Bereza [Birch]. In: Tolstoy, N.I. (ed.) *Slavyanskije drevnosti: v 5 t.* [Slavic Antiquities: In 5 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. pp. 156–160.
2. Gachev, G.D. (2008) *Mental'nosti narodov mira* [Mentalities of the Peoples of the World]. Moscow: Algoritm; Eksmo.
3. Dudareva, M.A. (2020) The Apophatics of the Russian Language and Culture in the Works of Nikolay Gumilyov (On the Example of the Poem "The Giraffe"). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 98–104. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.21.1.009
4. Eleonskaya, E.N. (1994) Predstavlenie "togo sveta" v skazochnoy traditsii [Representation of the "Other World" in the Fairytale Tradition]. In: Toporkov, A.L. (ed.) *Skazka, zagovor i koldovstvo v Rossii* [Fairy Tale, Spell and Witchcraft in Russia]. Moscow: Indrik. pp. 42–50.
5. Elepova, M.Yu. (2012) Estetika V.A. Zhukovskogo v apofaticheskom kontekste [V.A. Zhukovsky's Aesthetics in an Apophatic Context]. *Diskussiya*. 4 (22). pp. 176–178.
6. Yesenin, S.A. (1995–2002) *Polnoe sobranie sochineniy: v 7 t.* [Complete Works: In 7 Volumes]. Vols 1, 4. Moscow: Nauka.

9. Культурология. XX век: словарь / Сост. и ред. А. Я. Левит. СПб.: Университетская книга, 1997.
10. Логинова М. В. Онтология выразительности в культуре XX века: дис. ... д-ра филос. наук. Саранск, 2003.
11. Маркин П. Ф. Мифопоэтика древесно-растительного кода в поэтических текстах Велимира Хлебникова // Культура и текст. 2004. № 7. С. 197–206.
12. Марченко А. М. Поэтический мир Есенина. М.: Советский писатель, 1972.
13. Новикова М. В. Образ мирового древа в творчестве С. Есенина // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. 2013. № 11. С. 74–79.
14. Панченко А. М., Смирнов И. П. Метафорические архетипы в русской средневековой словесности и в поэзии начала XX века // ТОДРЛ XXVI. Древнерусская литература и русская культура XVIII–XX вв. М.: Наука, 1971. С. 33–49.
15. Порус В. Н. Обжить катастрофу. Своевременные заметки о духовной культуре // Вопросы философии. 2005. № 11. С. 24–37.
16. Рычков А. В. Какую историю следует изучать в вузе // Омский научный вестник. 2018. № 1. С. 82–85.
17. Соколова М. Г. Сопоставительная характеристика образных полей «тополь — человек» и «клен — человек» в русской поэзии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 7. С. 45–53.
18. Соколова М. Г. Типы семантических преобразований дендронимов в поэтических текстах А. В. Ширяевца // Филология и человек. 2020. № 2. С. 19–28.
19. Трубецкой Е. Н. «Иное царство» и его искатели в русской народной сказке. М.: Тип. Боровинско-Волдаевского Кустарного и Сельско-Хозяйств. Союзного Т-ва, 1922.
20. Франк С. Л. Непостижимое: Онтологическое введение в философию религии. М.: АСТ, 2007.
21. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
22. Шукуров Д. Л. Дискурсивная практика русского авангарда (проблемы апофатки литературно-художественного стиля) // Вестник ИГЭУ. 2006. Вып. 1. С. 83–87.
23. Элиаде М. Священное и мирское. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
24. Dudareva M. Apophatic elements in the poetry of S. A. Yesenin: Thanats' characters // AMAZONIA INVESTIGA. 2019. Vol. 8. N 22. P. 51–57.
7. Ivanov, V.V. & Toporov, V.N. (1987) Slavyanskaya mifologiya [Slavic Mythology]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira: v 2 t.* [Myths of the Peoples of the World: In 2 Volumes]. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 450–456.
8. Kamal', Z.A. & Charykova, O.N. (2011) The Role of Phytonyms in S. Esenin's Artistic Worldview. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya – Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication.* 1. pp. 78–80. (In Russian).
9. Levit, A.Ya. (ed.) (1997) *Kul'turologiya. XX vek: slovar'* [Culturology. The 20th Century: A Dictionary]. St. Petersburg: Universitetskaya kniga.
10. Loginova, M.V. (2003) *Ontologiya vyrazitel'nosti v kul'ture XX veka* [Ontology of Expressiveness in the Culture of the 20th Century]. Philosophy Dr. Diss. Saransk.
11. Markin, P.F. (2004) Mifopoetika drevesno-rastitel'nogo koda v poeticheskikh tekstakh Velimira Khlebnikova [Mythopoeitics of the Tree and Plant Code in Velimir Khlebnikov's Poetic Texts]. *Kul'tura i tekst.* 7. pp. 197–206.
12. Marchenko, A.M. (1972) *Poeticheskiy mir Esenina* [Yesenin's Poetic World]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
13. Novikova, M.V. (2013) The Image of the World Tree in S. Esenin's Works. *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta.* 11. pp. 74–79.
14. Panchenko, A.M. & Smirnov, I.P. (1971) Metaforicheskie arkhetyipy v russkoy srednevekovoy slovesnosti i v poezii nachala XX veka [Metaphorical Archetypes in Russian Medieval Literature and in Russian Poetry of the Early Twentieth Century]. In: Likhachev, D.S. (ed.) *TODRL* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. XXVI. Moscow: Nauka. pp. 33–49.
15. Porus, V.N. (2005) *Obzhit' katastrofu. Svoevremennye zametki o dukhovnoy kul'ture* [To Live With the Catastrophe. Timely Notes on Spiritual Culture]. *Voprosy filosofii.* 11. pp. 24–37.
16. Rychkov, A.V. (2018) What Kind of History to Study at University. *Omskiy nauchnyy vestnik – Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity.* 1. pp. 82–85. (In Russian). DOI: 10.25206/2542-0488-2018-1-82-85
17. Sokolova, M.G. (2020) Comparative Characterization of the Figurative Fields "Poplar – Human" and "Maple – Human" in the Russian Poetry. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University.* 42 (7). pp. 45–53. (In Russian). Doi: 10.15393/uchz.art.2020.538
18. Sokolova, M.G. (2020) Types of Semantic Transformations of Dendronyms in A.V. Shiryayevets Poetic Texts. *Filologiya i chelovek – Philology & Human.* 2. pp. 19–28. (In Russian). DOI: 10.14258/filichel(2020)2-02
19. Trubetskoy, E.N. (1922) *"Inoe tsarstvo" i ego iskateli v russkoy narodnoy skazke* ["Another Kingdom" and Its Seekers in the Russian Folk Tale]. Moscow: Tip. Bоровинско-Voldayskogo Kustarnogo i Sel'sko-Khozyaystv. Soyuznogo T-va.
20. Frank, S.L. (2007) *Nepostizhimoe: ontologicheskoe vvedenie v filosofiyu religii* [The Unknowable: An Ontological Introduction to the Philosophy of Religion]. Moscow: AST.

21. Heidegger, M. (1993) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Translated from German by V.V. Bibikhin. Moscow: Respublika.

22. Shukurov, D.L. (2006) Discourse Practice of Russian Avant-Guard (the Problem of Fiction Style Apophathy). *Vestnik IGEU*. 1. pp. 83–87. (In Russian).

23. Eliade, M. (1994) *Svyashchennoe i mirskoe* [The Sacred and the Profane]. Translated from Romanian. Moscow: Moscow State University.

24. Dudareva, M. (2019) Apophatic Elements in the Poetry of S.A. Yesenin: Thanats' characters. *AMAZONIA INVESTIGA*. 8 (22). pp. 51–57.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Дударева, М. А. Апофатический горизонт русской поэзии, или что увидел есенинский клен / М. А. Дударева // Наследие веков. – 2021. – № 1 – С. 93–99. DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.007

Full bibliographic reference to the article:

Dudareva M. A. (2021) The Apophatic Horizon of Russian Poetry, or What Yesenin's Maple Saw. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 93–99. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.007

MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ

MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS

УГЛЕВА Наталья Владимировна

кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Отдела дерева и мебели
Государственного исторического музея
Москва, Российская Федерация

Natalia V. UGLEVA

Cand. Sci. (Museology, Conservation
and Restoration of Historical and Cultural Objects),
State Historical Museum,
Moscow, Russian Federation,

uglevan@ya.ru

ORCID: 0000-0003-4126-0338

УДК [645.412.1:929.731(470)“15/16”]:[93/94+7.072“18/20”]
ГРНТИ 13.51.09
ВАК 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.008

**Атрибуция тронных кресел
царей Бориса Годунова
и Михаила Романова
в XIX — XXI веках: исторические
и искусствоведческие аспекты**

**Attribution of the Throne Chairs
of Tsars Boris Godunov and Mikhail
Romanov in the 19th–21st Centuries:
Historical and Art Historical Aspects**

Древние тронные кресла отечественных монархов из собрания Музеев Московского Кремля были неоднократно опубликованы на протяжении XIX — XXI вв., но и сегодня нельзя считать работу по их атрибуции законченной. Примером тому — о два древнейших артефакта — тронные кресла царей Бориса Годунова и Михаила Романова: вопрос определения времени и места их создания остается неразрешенным. Ошибка исследователей заключается в том, что их внимание сосредоточено на ювелирном декоре предметов, не был применен метод описания и анализа художественных и технических приемов изготовления артефактов в целом, а также архивная документация изучена в недостаточной степени. По мнению автора, упомянутые

предметы являются образцами персидской работы XV–XVI вв., в то время как прежде кресло царя Бориса Годунова датировалось 1603–1605 гг., а атрибуция принадлежавшего царю Михаилу Романову варьировалась между второй половиной XVI — первой третью XVII вв., причисляя изделие к московской или иранской работе.

Ключевые слова: тронные кресла, царь Борис Годунов, царь Михаил Романов, атрибуция, Государственный исторический музей, Москва.

Как важнейшее государственное явление российская коронация во все периоды отечественной истории осуществлялась в Московском Кремле. Эта традиция осталась и после 1712 г. — времени, когда большинство императорских резиденций стало размещаться в Санкт-Петербурге и его окрестностях. Использувавшиеся для коронации царские регалии по-прежнему хранились в Москве, в Оружейной палате. Здесь же находилось имущество древних монархов, в том числе тронные кресла — неотъемлемый атрибут не только обрядов принятия власти, но и особо важных государственных официальных приемов.

Известно, что в период правления императора Петра I кремлевские троны перевозили в Санкт-Петербург и обратно на время проведения важных аудиенций — для подтверждения их значимости. Однако постоянным местом их хранения оставался Московский Кремль.

И сегодня именно здесь находятся первые тронные кресла, которые вошли в собрание Музеев Московского Кремля. Они были неоднократно опубликованы, однако до сегодняшних дней нельзя считать работу по их атрибуции законченной. Авторы, обращавшие внимание на эти памятники с XIX в., в первую очередь, как на значимые мемории с дорогостоящей ювелирной составляющей декора, по сие время не находят общей позиции в определении точной датировки, а порой и источника поступления этих уникальных предметов. Следует отметить, что нет ни одного исследования, повествующего о комплексном их изучении, подразумевающим не только цитирование уже неоднократно упомянутых предшественниками архивных документов, описание внешней части, которое сводится к перечислению и анализу

драгоценных материалов, но и о конструкции, ее деталях, скрытых металлических и тканевыми покрытиями. Кроме того, эти памятники на протяжении столь длительного времени никогда не рассматривались с точки зрения произведений мебельного искусства, не осуществлялось попыток «встроить» их в линию развития стилей. Наша статья — первый шаг в этом направлении.

Наиболее раннее по времени поступление в кремлевское имущество кресло — это тронное кресло царя Бориса Годунова, которое, как считается, было получено в начале XVII в. в составе посольских даров от шаха Аббаса I. Обычно оно соотносится с предметом, именуемым в архивных документах как «место персидское». Именно так оно упоминается в «Описи Большому государеву наряду в Государевой большой казне царя Михаила Федоровича 7150 г. (1642. — Н. У.)»: «...Место персидское оправлено золотом с камнем с бирюзами и с винисами с жемчужки подволочено¹ [17, с. 239] бархатом цветными по серебряной земле внутр. и с исподу. И из нево вынята притворе бирюза большая и отдана в серебряной прикас да мелких камешков и жемчужков и во многих местех» [11, с. 52].

При исследовании архивных источников становится очевидным, что в них отсутствует описание формы или каких-либо других ярких признаков, присущих только этому предмету и позволяющих идентифицировать его с ныне существующим артефактом. Вся характеристика сводится лишь к обозначению тканей и ювелирных материалов, использованных при изготовлении декора, где упомянуты некие камни, жемчуг, бирюза и венисы² [3, с. 180].

¹ Подволочено — обито изнутри.

² Вениса — ископаемое из числа честных камней, полупрозрачное, самого темного красного цвета; гранат.

В словаре русского языка XI–XVII вв., «виниса» [15, с. 180] — «название драгоценного камня». В качестве объяснения этого геммологического термина использована цитата из Торговой книги XVII в., в которой древний автор предостерегает от возможной ошибки при распознавании камня, чтобы не спутать его с более дорогой шпинелью: «А берегите того чтобы вам винисы за лал¹ не продали, а виниса камень красен, а цвет жидок у нево».

Другие словари (Брокгауза и Ефрона, В. Даля) определяют «венису» как «гранат». В качестве используемого для украшения кресла материала в современных публикациях, наряду с перечисленными в древнем описании жемчугом и бирюзой, обозначены рубины и турмалины [1, с. 68], а упоминания о венисах-гранатах отсутствуют.

В сообщении послу Священной Римской империи тронное кресло описывается как «место царское золото с лалы и с яхонты² [3, с. 703] и с иным дорогим камнем...» [18, с. 111], то есть по-прежнему уделяется внимание только драгоценной отделке кресла, в частности, упоминаются золото, шпинель, рубины или сапфиры и некие другие драгоценные камни.

По нашему мнению, такое разночтение можно объяснить характером приведенных источников, первый из которых относится к учетным записям, требующим четкости и объективности, второй — к дипломатической информации, допускающей некоторое преувеличение. Может быть и еще одна причина, заключающаяся в том, что речь в приведенных текстах идет о разных предметах.

Как мы видим, перечень камней драгоценного убора, почерпнутый из архивных материалов, несколько отличается от минералов в составе декора трона, описанных нынешними исследователями. Нет определенности и в вопросе времени его поступления. Обычно эта дата связывается с 1604 г. [1, с. 68], хотя «Реестр царских регалий, а также зо-

лотой и серебряной посуды...», составленный в 1776–1778 гг., фиксирует появление трона в ряду подношений 1603 г.: «Кресла, оправленные золотом... Одно — царю Борису Федоровичу Годунову от персидского шаха Абасса Первого в 7111 / 1603 г. ...» [10, с. 48]. В книге описания кремлевского имущества А. Ф. Машиновского [5, с. 114] этот предмет считается приобретением 1605 г.

Не сформировано общее мнение и по датировке памятника. В различных изданиях она варьируется: до 1604 г. [20, с. 44], XVI в. [6, с. 32], конец XVI в. [12, с. 51], конец XVI — начало XVII в. [1, с. 68].

Из приведенного выше очевидно, что кресло требует пристального изучения. Для решения некоторых вопросов следует обратиться к анализу его формы и характера декора, учитывая при этом ряд реставрационных вмешательств — появление фиал фасада [5, с. 115] и замена обивки, неоднократно отмеченная исследователями [2, с. 168].

Кресло ящичной конструкции имеет прямоугольное жесткое сиденье и трапециевидную со скругленным завершением верхнего края спинку, закрепленную между двумя прямоугольными в сечении устоями, увенчанными фиалами. Подлокотники, завершающиеся в верхней части фиалами, выполнены в виде прямоугольных панелей с понижающимся от спинки к передним брускам опоры краем. Спинка, сиденье и внутренняя часть подлокотников задрапированы синей тканью с полихромными изображениями стилизованных цветов, расположенных симметрично относительно центральной вертикали. Царговая часть имеет декоративную трехчастную прорезь с заостренными концами и вытянутую по вертикали, с волнистой линией края. Ножки являются продолжением вертикальных брусков опорной конструкции и соединены панельной проножкой, образующей стрельчатую двухступенную арку.

Снаружи предмет отделан золотыми пластинами, на которых в высоких кастах закреплены чередующиеся по цвету драгоценные камни и жемчуг, образующие горизонтальные и вертикальные ряды.

Анализ внешнего облика предмета позволяет отнести его форму к категории

¹ Лал — благородная шпинель, драгоценный камень, по цвету близкий к рубину, но уступающий ему по твердости и блеску.

² Яхонт (лал, рубин) — яхонт червчатый, красный — собственно рубин; яхонт голубой, синий — сапфир.

синтетической, то есть разработанной под воздействием различных художественных направлений.

Всеми исследователями этого артефакта безоговорочно транслируется восточное происхождение трона, из-за связи его появления с дипломатическим даром персидского шаха Аббаса I. Однако исламская культура, впитавшая достижения завоеванных народов и сопредельных государств, к рассматриваемому периоду еще не восприняла традицию широкого использования в интерьере мебели, в том числе и кресел.

Так, по мнению известного исследователя истории мебельного искусства Д. Кеса, «в жизни мусульман мебель играла незначительную роль. Они не нуждались в мебели для сидения: по восточному обычаю, мусульмане сидели на коврах или подушках...» [4, с. 64]. Именно этим объясняется необходимость заимствования из Европы приемов мебельного производства, и прежде всего именно формы. Так, рисунок спинки с округлым верхним краем, линия подлокотников, понижающаяся от спинки к фасаду, манера акцентирования угловых устоев декоративным навершием находят аналогии в византийском и романском искусстве, к которым по ряду отдельных признаков можно отнести кресло епископа Максимиана Равеннского VI в. или епископское место из базилики св. Николая в Бари 1098 г.

Использование среди декоративных элементов ярко выраженных фиал (считающихся поздним включением в убранство), находящихся на спинке и гармонично встроенных в убранство предмета, демонстрирует влияние высокой готики XV–XVI вв., которая в этот период получила наибольшее распространение в ряде стран Европы.

Отделка внешней стороны корпуса множеством полихромных камней, зафиксированных на золотой основе, связывается многими исследователями с восточной традицией. Этот атрибуционный признак нельзя считать вполне корректным, так как подобная практика художественного оформления мебели была широко известна с древнейших времен и на территории Европы. Одно из свидетельств тому — золотой трон византийского императора Юстиниана II (669–711) «с ки-

ворию над ним из чистого золота с драгоценными камнями» [13, с. 52].

Безусловно, к восточному вкусу относится широкая килевидная арка с уступом, выполняющая функцию проножки кресла. Опоры с аналогичным рисунком широко использовались в мусульманской мебели¹ [4, с. 65].

Если предположить, что кресло выполнено по конкретному заказу непосредственно перед отправлением посольства в Москву, то дата его создания может определяться рубежом XVI–XVII вв.

Но кресло могло быть выполнено и ранее, так как практика поднесения уникальных сокровищ из древних хранилищ в знак особого уважения не менее известна. Она имеет прямое отношение и к исследуемому креслу. В статье Т. В. Филатовой «Трон царя Михаила Федоровича в собрании Оружейной палаты» приводится информация о подарках — «любительных поминках», привезенных Лачин-беком царю Борису Годунову от шаха Аббаса I: «А для чести к царского величества прислал к великому государю нашему, место царское золото с лалы и сяхонты и с иным дорогим камнем прежних великих государей персидских» [18, с. 111].

Приведенная цитата подтверждает предположение, что упомянутое кресло является древним раритетом, хранившимся на протяжении длительного времени в сокровищнице шаха. Еще одно прямое подтверждение — упомянутый прежде факт замены иранского бархата на французский, который мы и сегодня видим практически в аутентичном состоянии, хотя замена обивки была осуществлена более 270 лет назад, в 1742 г., во время подготовки торжеств по случаю восшествия на престол императрицы Елизаветы Петровны. Если брать во внимание крайне редкое использование предмета, которое ограничивалось лишь представительской функцией в момент коронации, сложно представить, что первоначальная обивка при исходном высочайшем качестве материала была изношена до ветхости. Это могло произойти лишь в случае ее значительного возраста, относящегося

¹ Например, шкаф для Корана турецкой работы.

ся к XV—XVI вв. Ответ на этот вопрос можно найти при деликатном частичном демонтаже французской обивки в условиях реставрационной мастерской, так как часто старую ткань не снимали, а перекрывали сверху новой.

Подводя итог, следует отметить, что, по нашему мнению, совокупность всех перечисленных визуальных признаков позволяет атрибутировать кресло как образец персидской работы XV—XVI вв., в создании художественного образа которого явно прослеживается использование европейского наследия—романского и готического искусства.

Следующий по времени приобретения в царское имущество предмет, находящийся ныне в собрании Музеев Московского Кремля,— тронное кресло, которое связывается с именем царя Михаила Федоровича [7, витр. 47]. В литературе оно также известно как «Кресло которое в Соборе Успения Богородицы на троне стояло» [9, с. 5] и «Кресла бывшие в соборе на троне» [8, илл. 8]. Впервые этот предмет был соотнесен с персоной первого русского царя из династии Романовых в 1807 г. [5, с. 119] и именно в таком качестве неоднократно использовался в церемониях коронации XVIII — начала XX в.

Мнения о его атрибуции крайне противоречивы и представлены в ряде вариантов: образец работы Мастерских Московского Кремля XVII в., в декоративном решении которого использованы драгоценные пластины иранского производства предположительно XVI в.; Иран, Исфахан, вторая половина XVI в. (?) [2, с. 203]; произведение иранских придворных мастеров первой трети XVII в. [18, с. 108].

Не находят общего мнения специалисты и по поводу аутентичности его состояния и включения в авторское решение возможных поздних переделок предмета. Так, одни считают, что он сохранен в первоначальном варианте [18, с. 108], другие предполагают наличие некоторых изменений [2, с. 200]. Например, очевиден возникающий вопрос об аутентичности двух самых крупных камней, расположенных на передней царге и зарисованных еще в 1830—1840-х гг. Ф. Г. Солнцевым [14, илл. 59]. Если принять как достоверную фиксацию внешнего вида предмета в коронационных альбомах императриц Анны Иоан-

новны [9, с. 5], Елизаветы Петровны [8, илл. 8] и в книге А. Ф. Малиновского «Историческое описание древняго российского музея...» [5, с. 117], обнаружатся значительные расхождения: вместо ромбовидных кабошонов фасад украшает минерал в уступчатой оправе более скромных размеров, возможно с фасетной огранкой. Сомнение в первоначальном наличии этих крупных камней выражает и И. И. Вишневская [2, с. 202], справедливо относя их к нехарактерным элементам ювелирного искусства Персии XVI—XVII вв. Она же отмечает и более позднее происхождение серебряного двуглавого орла на спинке, встроенного в структуру декора в XVII столетии.

Кроме того, до сих пор в публикациях присутствуют разночтения в наборе камней, использованных в декоративном оформлении трона. В аннотациях к памятнику они определяются как «драгоценные и полудрагоценные камни, жемчуг» [2, с. 199], «камни драгоценные, жемчуг» [7, витр. 47], а в исследовательских текстах соотносятся, например, с цитатой из коронационного альбома императора Николая II 1896 г.: «до 7 тысяч штук бирюзы и до 3 тысяч яхонтов, сапфиров, жемчугов и других драгоценных камней» [18, с. 108]. Основываясь именно на описании ювелирного «репертуара», исследователи пытаются выявить источник поступления трона.

Автор исторического эссе об этом раритете Т. В. Филатова считает: «Несмотря на то, что трон русского государя всегда занимал одно из наиболее высоких мест в церемониальной жизни двора, история трона царя Михаила Федоровича и обстоятельства его появления в казне загадочны и неоднозначны» [18, с. 108].

Путь сопоставления архивных источников с предметом не дает достаточных оснований для его идентификации. Так, предположение о преподнесении трона в ряду даров 1629 г. от шаха Аббаса послом Маметом Селибеком [18, с. 108] вызывает сомнение. Это связано с тем, что в реестре «Дополнение к дворцовым разрядам» указано: «Место царское креслами оправлено в золото с камнем, с яхонты, и с лалы, и с бирюзами, и с искорками яхонтовыми, и лальными, и с бирюзами...» [18, с. 108], при этом нет упоминания

о жемчуге, и сегодня включенном в декоративный строй памятника. Трудно предположить, что этот ювелирный материал, считавшийся крайне ценным, был пропущен в описании по ошибке, так как подобные перечни предполагали точность инвентарных документов и часто содержали стоимость, которая в данном случае исчислялась 2815 рублями.

Невольно возникает предположение, что тронное кресло имеет пару. Это — кресло царя Алексея Михайловича, поскольку внешне эти предметы необычайно схожи и выглядят комплектом, где при общей логике формообразования несколько различаются лишь манеры декоративного оформления. Еще одно наблюдение заключается в том, что описание ювелирного декора кресла царя Алексея Михайловича 1660 г. более соответствует украшениям тронного сидалища его предшественника: «Кресла оправлены золотом с камнями и с алмазы и с яхонты и с земчуги. По оценке 22,58 (перечеркнуто косой линией сверху вниз слева направо. — Н. У.) 91 20 алтын» [11, с. 52].

Возникшая гипотеза подтверждается разъяснением слова «кресла» в «Словаре русского языка XI—XVII вв.», где оно трактуется как множественное число от слова «кресло» [16, с. 39]. Следовательно, кресел могло быть как минимум два. Разрешение вопроса лежит в области углубленного изучения источников с учетом контекста оценки драгоценных материалов.

Внимательный визуальный анализ особенностей памятника позволяет причислить его к произведениям, художественный образ которых сформировался под воздействием ренессансной традиции, вошедшей в моду в Европе в XV—XVI вв. под воздействием творчества итальянских мастеров. В мебельном производстве в этот период был выработан новый принцип создания облегченной конструкции, которая формировалась из рам, что явно реализовано в исследуемом предмете. Следует отметить, что именно в период Возрождения появились удлиненные подлокотники в форме четырехгранного уплощенного бруска, выдающиеся за проекцию сиденья и сходные с аналогичными деталями трона русского царя.

Еще одна его яркая черта, отразившаяся в художественной манере оформления

кресла, которую стоит выделить как характерную особенность именно этого объекта, заимствованную из практики мебельщиков Возрождения, — введение в композиционное решение кессонов. Этот прием дал возможность создать широкую царгу, таким образом увеличить площадь корпуса для значительного расширения площади поверхности, явно предназначенной для размещения на ней богатого ювелирного декора. По нашему мнению, анализ внешнего облика предмета дает основание полагать, что время его происхождения следует определить периодом господства Ренессанса в Европе, то есть XV—XVI вв.

Следует констатировать, что на сегодняшний день практически совсем неисследованной остается живописная составляющая декора трона, нижняя часть ножек и задняя проножка которого расписаны в подражание ювелирному обряду. Такое решение могло восполнить утраченное художественное убранство памятника или являлось первоначальным, но со временем было скрыто драгоценными металлами и камнями. Кстати, аналогичный прием оформления почти тех же деталей использован в решении кресла царя Алексея Михайловича иранской работы. Если принять это за авторский почерк, то происхождение трона царя Михаила Федоровича можно считать иранским. Уникальной возможностью разрешить этот вопрос с наибольшей точностью является анализ состава красочного слоя обоих предметов, а также привлечение с этой же целью атрибутированных образцов аналогичного времени создания.

В заключение считаем необходимым привести высказывание об этом тронном кресле исследователя кремлевских памятников А. Ф. Малиновского, которое и сегодня, спустя более чем 200 лет, остается актуальным: «Ни в каких записках и книгах Палатского Архива не значится, откуда поступили сии кресла. Должно думать, что они нарочно по повелению Государя либо в России, либо в иностранной земле сделаны» [5, с. 119].

Подводя итог, подчеркнем: очевидно, что на сегодняшний день требуется комплексное изучение тронных кресел, о которых шла речь в данной статье. Оно должно вестись в нескольких направлениях, включая

углубленные поиски новых архивных источников, привлечение современных методов и технологий исследования, а также применение традиционных способов обследования, позволяющих выявить различные особенности предметов и наконец определить породу дерева, из которых они изготовлены. В отли-

чие от многократно перечисленных драгоценностей, этот главный материал, составляющий каркас-основу, по сей день остается неизвестным. Такие данные крайне значимы для определения региональных признаков и конкретизации времени изготовления памятников.

Natalia V. UGLEVA

Cand. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects),
State Historical Museum,
Moscow, Russian Federation,
uglevan@ya.ru
ORCID: 0000-0003-4126-0338

Attribution of the Throne Chairs of Tsars Boris Godunov and Mikhail Romanov in the 19th–21st Centuries: Historical and Art Historical Aspects

Abstract. The article examines two ancient throne chairs of Russian monarchs from the collection of the Moscow Kremlin Museums: the chair of Tsar Boris Godunov, which is believed to have been received at the beginning of the 17th century as part of the ambassadorial gifts from Shah Abbas I, and the chair which researchers associate with the name of Tsar Mikhail Fyodorovich. The aim of the article is a comprehensive study of these objects based not only on their external description, but also on the identification of their structure, parts hidden by metal and woven coatings. In addition, for the first time, the author considers the chairs as pieces of furniture art, trying to “embed” them into the line of the development of artistic styles. In the course of the research, the method of description and analysis of artistic and technical methods of making artifacts, methods of comparative analysis and interpretation of historical sources were applied. The materials of the study were archival documents, published sources and the results of research by Russian historians and museologists. Various historical evidence about the investigated artifacts and views on their dating, reflected in documents and research works, is analyzed. The author compiled descriptions of the throne chairs and made assumptions about the possibility of a later change in their appearance. The analysis of the form and decor made it possible to attribute the throne chair of Tsar Boris Godunov as an example of a Persian work of the 15th–16th centuries; the use of European heritage is clearly traced in the creation of its artistic image. The attribution of the chair of Tsar Mikhail Fyodorovich cannot be considered final, because today there are several versions of it (a sample of the work of the Moscow Kremlin Workshops of the 17th century, precious plates of Iranian production of, presumably, the 16th century were used in its decoration; Iran, Isfahan, second half of the 16th century (?); work of Iranian court masters of the first third of the 17th century). This throne chair presumably has a pair – the chair of Tsar Alexei Mikhailovich: outwardly these objects are remarkably similar and look like a set, in which, with the general logic of shaping, only the manner of decoration is somewhat different. The visual analysis of the monument allows classifying it as a sample of Persian work, made under the influence of the Renaissance art, which spread from Italy to Europe in the 15th–16th centuries. The need to study these rarities with the use of modern technologies and research methods is emphasized.

Keywords: throne chairs, Tsar Boris Godunov, Tsar Mikhail Romanov, attribution, State Historical Museum, Moscow.

Использованная литература:

1. Венчания на царство и коронации в Московском Кремле: В 2 ч. М.: АзБука, 2013. Ч. I.
2. Вишневецкая И.И. Ювелирные изделия и тореvetica Востока // Сокровища Оружейной палаты. Посольские дары. М.: Красная площадь, 1996. С. 199-227.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Гослитиздат, 1935. Т. 1.
4. Кес Д. Стили мебели. М.: Книга по Требованию, 2001. С. 64.
5. Малиновский А.Ф. Историческое описание древнего Российского музея, под названием Мастерской и Оружейной палаты в Москве обретающейся. М.: Тип. Имп. Моск. ун-та, 1807.
6. Мартынова М.В. Регалии царя Михаила Федоровича. М.: АзБука, 2003.
7. Музеи Московского Кремля. Оружейная палата, экспозиция. Витрина 47. Троны XVII в. [Электронный ресурс] // Музеи Московского Кремля. URL:// <http://armoury-chamber.kreml.ru/exposure/view/vitrina-47-trony-pervykh-tsarey-dinastii-romanovykh-xvii-vek/> (дата обращения 22.06.2017).
8. Обстоятельное описание торжественных порядков благополучного вшествия в царствующий град Москву и священнейшего коронования ея августейшего императорского величества всепресветлейшей державнейшей великой государыни императрицы Елисавет Петровны самодержицы всероссийской, еже бысть {которое было} вшествие 28 февраля, коронование 25 апреля 1742 года. СПб.: печ. при Императорской акад. наук, 1744.
9. Описание коронации ея величества императрицы, и самодержицы всероссийской, Анны Иоанновны, торжественно отправленной в царствующем граде Москве, 28 апреля 1730 году М.: Сенатская тип., 1730.
10. Описи Мастерской палаты (1727–1810 гг.) // Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. Документы XVIII–XIX вв. бывшего Архива Оружейной Палаты. Описал Архивариус Московского Общего Архива Министерства Императорского двора Александр Успенский. М.: Печатня А.И. Снегирева, 1906. С. 25-64.
11. Российский государственный архив древних актов. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 1. Д. 6.
12. Сайт Музеев Московского Кремля, витрина 51 [Электронный ресурс] // Музеи Московского Кремля. URL: <http://armoury-chamber.kreml.ru/exposure/view/vitrina-51-trony-xvi-veka/> (дата обращения 01.05.2017).
13. Соболев Н.Н. Стили в мебели. М.: Академия архитектуры, 1939.
14. Солнцев Ф.Г. Древности Российского государства. М.: в Тип. Александра Семена, [1849–1853]. Отд-е 2.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 2. М.: Наука, 1975.
16. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М.: Наука, 1981.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 15. М.: Наука, 1989.
18. Филатова Т.В. Трон царя Михаила Федоровича в собрании Оружейной палаты // Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. 24. М.: б.и., 2014. С. 108-118.
19. Чернуха Э.П. Коллекция тронов // Оружейная палата Московского Кремля. М.: б.и., Слово, 2006. С. 43-54.

References:

1. Amelekhina, S.A., Bobrovnikskaya, I.A. & Morshakova, E.A. (2013) *Venchaniya na tsarstvo i koronatsii v Moskovskom Kremlе: V 2 ch.* [Coronations in the Moscow Kremlin: In 2 Parts]. Pt. 1. Moscow: AzBuka.
2. Vishnevskaya, I.I. (1996) *Yuvelirnye izdeliya i torevtika Vostoka* [Jewelry and Toreutics of the East]. In: Vishnevskaya, I.I. et al. *Sokrovishcha Oruzheynoy palaty. Posol'skie dary* [Treasures of the Armory. Ambassadorial Gifts]. Moscow: Krasnaya ploshchad', pp. 199–227.
3. Dal', V.I. (1935) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: V 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: In 4 volumes]. Vol. 1. Moscow: Goslitizdat.
4. Kees, D. (2001) *Stili mebeli* [Furniture Styles]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu.
5. Malinovskiy, A.F. (1807) *Istoricheskoe opisaniye drevnego Rossiyskogo muzeya, pod nazvaniem Masterskoy i Oruzheynoy palaty v Moskve obretayushcheyasya* [Historical Description of the Ancient Russian Museum Called the Workshop and Armoury Chamber Located in Moscow]. Moscow: Imperial Moscow University.
6. Martynova, M.V. (2003) *Regalii tsarya Mikhaila Fedorovicha* [Regalia of Tsar Mikhail Fyodorovich]. Moscow: AzBuka.
7. Museums of the Moscow Kremlin. (2017) *Oruzheynaya palata, ekspozitsiya. Vitrina 47. Trony XVII v.* [The Armoury Chamber. Exposition. Showcase 47. Thrones of the 17th Century]. [Online] Available from:// <http://armoury-chamber.kreml.ru/exposure/view/vitrina-47-trony-pervykh-tsarey-dinastii-romanovykh-xvii-vek/> (Accessed 22.06.2017).
8. Anon. (1744) *Obstoyatel'noe opisaniye torzhestvennykh poryadkov blagopoluchnogo vshestiya v tsarstvuyushchiy grad Moskvu i svyashchenneyshogo koronovaniya eya avgusteyshego imperatorskogo velichestva vsepresvetleyshey derzhavnayshey velikoy gosudaryni imperatritsy Elisavet Petrovny samoderzhitsy vsersoysskoy, ezhe byst' vshestvie 28 fevralya, koronovanie 25 aprelya 1742 goda* [A Detailed Description of the Solemn Orders for the Safe Entry into the Capital City, Moscow, and the Most Sacred Coronation of Her August Imperial Majesty, the All-Blessed Sovereign Empress Elizabeth Petrovna, the All-Russian Autocrat, the Entry being on February 28, 1742, and the Coronation on April 28, 1742]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences.
9. Anon. (1730) *Opisaniye koronatsii eya velichestva imperatritsy, i samoderzhitsy vsersoysskoy, Anny Ioannovny, torzhestvenno otpravlennoy v tsarstvuyushchem grade Moskve, 28 aprelya 1730 godu* [Description of the Coronation of Her Majesty the Empress and Autocrat of All Russia, Anna Ioannovna, Solemnly Held in the Capital City, Moscow, on April 28, 1730]. Moscow: Senatskaya tip.
10. Uspenskiy, A. (1906) *Opisi Masterskoy palaty (1727–1810 gg.)* [Inventories of the Workshop Chamber (1727–1810)]. In: *Zapisnye knigi i bumagi starinnykh dvortsovykh prikazov. Dokumenty XVIII–XIX vv. byvshego Arkhiva Oruzheynoy Palaty. Opisal Arkhivarius Moskovskogo Obshchego Arkhiva Ministerstva Imperatorskogo dvora Aleksandr Uspenskiy* [Notebooks and Papers of Ancient Palace Orders. Documents of the 18th–19th Centuries of the

Former Armoury Archive. Described by Alexander Uspensky, the Archivist of the Moscow General Archives of the Ministry of the Imperial Court]. Moscow: Pechatnya A.I. Snegireva. pp. 25–64.

11. *Russian State Archive of Ancient Acts*. Fund 396. List 2. Part 1. File 6.

12. Museums of the Moscow Kremlin. (2017) *Vitrina 51* [Showcase 51]. [Online] Available from: <http://armoury-chamber.kreml.ru/exposure/view/vitrina-51-trony-xvi-veka/> (Accessed 01.05.2017).

13. Sobolev, N.N. (1939) *Stili v mebeli* [Styles in Furniture]. Moscow: Akademiya arkhitektury.

14. Solntsev, F.G. (1849–1853) *Drevnosti Rossiyskogo gosudarstva* [Antiquities of the Russian State]. Vol. II. Moscow: v Tip. Aleksandra Semena.

15. Barkhudarov, S.G. (ed.) (1975) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 2. Moscow: Nauka.

16. Filin, F.P. (ed.) (1981) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 8. Moscow: Nauka.

17. Smolitskaya, G.P. (ed.) (1989) *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian Language of the 11th–17th Centuries]. Vol. 15. Moscow: Nauka.

18. Filatova, T.V. (2014) Tron tsarya Mikhaila Fedorovicha v sobranii Oruzheynoy palaty [The Throne of Tsar Mikhail Fyodorovich in the Collection of the Armoury Chamber]. In: Batalov, A.L. (ed.) *Muzei Moskovskogo Kremlya. Materialy i issledovaniya* [Museums of the Moscow Kremlin. Materials and Research]. Vol. 24. Moscow: [s.n.], pp. 108–118.

19. Chernukha, E.P. (2006) Kolleksiya tronov [Collection of Thrones]. In: *Oruzheynaya palata Moskovskogo Kremlya* [The Armoury Chamber of the Moscow Kremlin]. Moscow: Slovo. pp. 43–54.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Углева, Н. В. Атрибуция тронных кресел царей Бориса Годунова и Михаила Романова в XIX — XXI веках: исторические и искусствоведческие аспекты / Н. В. Углева // *Наследие веков*. – 2021. – № 1 – С. 100–108. DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.008

Full bibliographic reference to the article:

Ugleva N. V. (2021) Attribution of the Throne Chairs of Tsars Boris Godunov and Mikhail Romanov in the 19th–21st Centuries: Historical and Art Historical Aspects. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 100–108. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.008

КРАСНОВА Ирина Владимировна

соискатель Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С. Лихачева,
Москва, Российская Федерация

Irina V. KRASNOVA

External Postgraduate Student,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russian Federation,
krasnova_i@mail.ru

УДК 069.538-028.27:75.046(477.52+477.54)''17/19''
ГРНТИ 13.51.08
ВАК 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.009

Электронный каталог слобожанских икон конца XVIII – начала XX веков: предпосылки создания, цели, функции

An Electronic Catalogue of Slobozhanshchina Icons of the Late 18th – Early 20th Centuries: Prerequisites for Creation, Purposes, Functions

В статье обосновывается необходимость создания виртуального каталога слобожанских икон и ставится цель разработки основных характеристик проектируемой электронной коллекции. Проведен анализ документальных источников, использованы результаты исследований российских и украинских ученых. Исследована история музеев Слободской Украины, собиравших произведения иконописи, изучено влияние событий XX в. на иконописное наследие Слобожанщины, которое вследствие атеистической кампании 1930-х гг. и действий оккупантов в период Великой Отечественной войны утратило единство и оказалось раздробленным между многочисленными музейными и частными коллекциями. Данный фактор, а также несомненная уникальность региональной иконописной традиции стали предпосылками к разработке концепции электронного каталога, который призван объединить все сохранившиеся на сегодняшний день произведения слобожанской иконописи.

Ключевые слова: электронный каталог, слобожанская икона, музеи Слобожанщины, иконопись, иконописное наследие.

Слобожанщина с самого начала активно осваивалась Русским государством (и впоследствии Российской империей) формировалась и развивалась как часть единого геокультурного пространства с самобытными тради-

циями. Трагические события XX в. привели к почти полному уничтожению богатейшего культурного наследия этого региона. Необходимость собрать, систематизировать и восстановить по оставшимся фрагментам целостное

представление о жизни Слобожанщины вынуждает искать новые возможности и пути сохранения этого наследия. Широкие возможности в этом плане предоставляют современные высокие технологии и методы, предлагаемые современной музеологией.

Любой памятник можно рассматривать как неиссякаемый источник информации, источник знания об эпохе, в которой он был создан, существовал и существует сейчас. В процессе исследования памятников прошлого на первый план выходят задачи их изучения, систематизации и популяризации, при этом одним из важных этапов формализованного исследования можно считать каталогизацию. В настоящее время наиболее перспективной и удобной формой организации каталога следует считать электронную базу данных, полностью доступную всем пользователям Глобальной сети. Такой каталог станет средством ознакомления с культурным наследием, предназначенным не только для специалистов, но для широкого круга заинтересованных пользователей, а также может постоянно пополняться новыми сведениями и новыми экспонатами.

Иконопись Слободской Украины стала подвергаться активному изучению в начале XX в., при этом основные работы изначально носили характер альбомов или каталогов [1] [5], а также общих обзорных работ, посвященных истории населенных мест [12], православных монастырей [2] или церквей [3]. Исследователями был достигнут целый ряд результатов: фотографически зафиксированы иконы, отдельные объекты подверглись научному описанию и музефикации. В 1917 г. была защищена обобщающая работа С. А. Таранушенко «Иконография украинских иконостасов», впервые изданная спустя почти сто лет [21], в которой содержалось в том числе научное описание слобожанских иконостасов.

В послевоенный период также был опубликован ряд иконописных памятников, по большей части зафиксированных еще в довоенный период и на момент публикации утраченных [8] [17]. Уже в 1990-х гг. была опубликована статья С. А. Таранушенко, значительное внимание в которой ученый уделил иконописи Слобожанщины [22].

В постсоветский период иконописное наследие Слободской Украины становилось объектом научных исследований многих российских и украинских ученых (В. Пуцко [20], И. Припачкина [11], В. В. Шулики [13] [14], Т. Панёка [19] и др.). В работах последних десятилетий освещены вопросы стилистики иконописного творчества, изучено иконописное наследие Слобожанщины, сохранившееся в отдельных населенных пунктах.

Несмотря на достигнутые исследователями успехи, приходится констатировать, что за более чем сто лет, прошедших с момента издания первых каталогов слобожанской иконописи, не было предпринято попыток создания единого информационного массива, аккумулирующего информацию обо всех произведениях этой уникальной традиции. Цель данного исследования в связи с этим — обоснование необходимости создания электронного (виртуального) общедоступного каталога слобожанских икон и определение предпосылок его составления, функций и примерного состава каталогизируемых объектов. Достижение этой цели поможет в будущем сформулировать общие принципы организации каталогов и баз данных, призванных упорядочить информацию о произведениях искусства, рассредоточенных по различным частным и музейным собраниям.

Исследование выполнено на основе системно-исторического и историко-генетического методов, а также с привлечением приемов проектирования, связанных с разработкой основных характеристик информационных систем. В процессе исследования был проведен анализ документальных источников, изучены результаты исследований российских и украинских историков и культурологов. На первом этапе научных изысканий была рассмотрена история музеев Слободской Украины, собиравших произведения иконописи, затем с целью определения предпосылок создания электронного каталога исследовано влияние событий XX в. на иконописное наследие Слобожанщины, и на завершающем этапе была разработана концепция электронного каталога, призванного объединить все сохранившиеся на сегодняшний день произведения слобожанской иконописи.

Рис. 1. Императорский Харьковский университет. Старое здание.
(располагался в бывшем Губернаторском дворце,
построенном в 1770 – 1777гг.).

Источник: сайт "Откуда родом" (otkudarodom.ua/)

История создания музеев Слобожанщины. История слобожанских музеев берет свое начало с создания В. Н. Каразиным Императорского харьковского Университета в 1805 г. (рис. 1). Коллекция харьковского университетского музея постоянно пополнялась за счет даров, закупок и археологических находок и пополняется до сих пор. С 1861 г. для публики был открыт музей изящных искусств при Харьковском университете. В 1886 г. в Харькове появился Художественно-промышленный музей, где также были представлены самые разные предметы искусства — от картин и скульптуры до предметов декоративно-прикладного искусства и техники. В 1902 г. к XII Археологическому съезду [1] [5] в Харькове была подготовлена первая этнографическая выставка. Эта выставка послужила началом создания трех музеев: Археологического, Этнографического и Историко-церковного. Музеи создавались с художественно-образовательной целью, поэтому не были доступны публике. Поскольку данная цель не была осуществлена, инициатива перешла к городскому Художественно-промышленному музею, получившему под-

держку в Санкт-Петербурге, что в свою очередь способствовало развитию широкой сети музеев на Слобожанщине [10, с. 12]. В 1913 г. был создан Историко-церковный музей, одним из основателей которого стал руководитель Историко-филологического общества, профессор Императорского харьковского университета Н. Ф. Сумцов¹. Основу музейной коллекции составили

церковные древности, взятые из местных церквей и монастырей для выставки к XII Археологическому съезду. «Деятельность данного музея была направлена на выявление, собирание, регистрацию, хранение, научную обработку и популяризацию памятников церковного искусства, а также народного искусства среди широкого круга населения города и всей губернии. В конце 1914 г. сюда влилась коллекция Волынского епархиального древлехранилища, эвакуированного из Житомира. Силами таких ученых и художников, как Ф. Шмит, Д. Гордеев, К. Костенко, С. Васильковский, музей проводил значительную научно-исследовательскую и пропагандистскую работу» [10, с. 15].

В 1919 г. на базе Университетского музея изящных искусств и старины, Художественно-промышленного музея и национализированных частных коллекций был создан Музей украинского искусства и Центральный художественно-исторический музей име-

¹ Николай Федорович Сумцов (1854–1922), историк, литературовед и этнограф.

Рис. 2. Здание Харьковского исторического музея, занимаемое им с 1990-х гг. (первоначально – здание ломбарда, возведено в 1908 г.). Источник: сайт "Харківський історичний музей імені М. Ф. Сумцова" (<http://museum.kh.ua/>)

Рис. 3. Здание Харьковского художественного музея, занимаемое им с 1920 г. Дата постройки – 1912 г. Источник: сайт "Харківський художній музей" (<http://museum.kh.ua/>)

ни Г. С. Сковороды (с 1920 г. переименованный в Музей Слободской Украины, а в настоящее время – Харьковский исторический музей) (рис. 2). В 1920–1922 гг. музей возглавлял Н. Ф. Сумцов, а затем его последовательница и ученица Р. С. Данкивская. На базе музея в мае 1925 г. состоялась Первая Всеукраинская краеведческая конференция, целью которой было всестороннее изучение прошлого и современности края. При музее было открыто Общество друзей музея Слободской Украины, активным членом которого стал известный историк Д. И. Багaley. Фонды музея в 1929 г. насчитывали более 21 000 экспонатов [15].

Судьба коллекций слобожанской иконы. Исторически сложилось так, что один из уникальных и самобытных регионов Российской Империи – Слобожанщина – в наибольшей степени пострадал в результате всеобщей атеизации населения и в годы Великой Отечественной войны. Икона, являющаяся как предмет культа и поклонения ярким и многомерным выразителем эстетических, духовных и культурных ценностей общества, подверглась жесточайшему истреблению в 20–30-х гг. XX в.

Еще один серьезный удар по сохранившимся церковным памятникам Слобожанщины был нанесен во время Великой Отечественной войны. Харьков как один из крупнейших промышленных и культурных центров Советского Союза подвергся жесточайшим бомбардировкам и разрушениям в период 1941–1945 гг. Семьдесят процентов всех зданий было разрушено, коллекция Харьковского художественного музея

Рис. 4. Христорождественская церковь, рисунок С. Таранушенко [12]

Рис. 5. Пантелеимоновская церковь в пригородной слободе Пески, Харьковского уезда, 1890 г. Источник: сайт "Откуда родом" (otkudarodom.ua)

(рис. 3) (порядка 20 000 экспонатов) — разграблена оккупантами, а что не удалось вывезти, ими было сожжено. В годы Великой Отечественной войны 200 000 экспонатов Харьковского археологического музея также подверглось уничтожению [18, с. 12]. Такая же участь постигла и другие харьковские музеи. Население Харьковщины вместе с заводами было эвакуировано за Урал, а оставшиеся оказывали сопротивление немецким захватчикам. Из более чем 700 церквей и храмов [9, с. 8—41] (по другим данным порядка 900 храмов) [4, с. 4] Харьковской губернии, являвших собой памятники зодчества XVII — начала XX в. (рис. 4, 5, 6), сохранивших на сегодняшний день свою аутентичность, осталось не более 40. Те, которым удалось избежать печальной участи быть до основания разрушенными в результате использования их под складские и иные хозяйственные постройки, практически полностью были лишены своего внутреннего убранства и росписей.

Бои за освобождение от фашизма этих земель оказались столь кровопролитными, что территория опять, как и 300 лет назад, превратилась в «Дикое поле» [6] [7], и в послевоенное время началось новое заселение этих земель. Приезжали люди с разных концов СССР, привнося элементы различных культур на эти земли.

Последнюю точку в разграблении церковных икон поставила перестройка — из-за неразберихи и безвластия, в том числе и церковного. Из многих действующих храмов исчезли последние иконы, а их место сейчас в большинстве случаев занимают новоделы. С 20-х гг. XX в., когда произошла национализация музеев, музейные коллекции начали формироваться в соответствии с новой идеологической направленностью государства, иконы демонстрировались в качестве элемента быта для создания этнографических экспозиций. Но икона как предмет культового служения и как памятник церковного искусства не исчезла бесследно, а стараниями верующих и кол-

лекционеров нашла новое пристанище в домах верующих, почитателей христианской культуры и в частных коллекциях.

К середине XX в. от культурного наследия, собранного в музеях, мало что сохранилось. Формирование музейных коллекций начиналось практически с нуля. Они пополнялись как за счет передачи экспонатов из других музеев СССР, так и за счет предметов, находящихся на руках у граждан. Таким же образом формировалась и коллекция икон. На сегодняшний день в музеях Слобожанщины собрана уже значительная часть иконописных произведений (порядка 500), но число сохранившихся в послевоенное время несопоставимо мало с богатейшим наследием Слобожанщины, которым она располагала до этих событий.

В музейных собраниях имеются как созданные на Слобожанщине иконы, так и привезенные на ее территорию в разное время. Некоторое количество слобожанских икон продолжает оставаться в храмах и частных коллекциях — как на территории Украины, так и на территории России. Сведений об иконах, поступавших от частных лиц, недостаточно для атрибуции и составления музейной документации, поэтому многие из них до настоящего времени не удается полностью ввести в музейный оборот. Такая ситуация сильно затрудняет не только изучение отдельных икон, но и иконописного наследия Слобожанщины в целом.

Концепция электронного каталога слобожанских икон: основные характеристики. В ходе научно-исследовательских работ информационный потенциал икон должен стать основой электронного каталога будущего виртуального музея иконописных произведений Слобожанщины, поскольку совре-

*Рис. 6. Свято-Николаевский собор, Харьков.
Даты строительства 1887 – 1896 гг. Снесен в 1930 г.
Источник: сайт "Public Blog"
(<https://id.page/page/adaptive/id31258/blog/5865202/>)*

менный виртуальный музей — «это не только хранилище памятников истории и культуры, но и коммуникационное пространство, где происходит общение, обмен мыслями, идеями, информацией» [16, с. 355].

Целью создания каталога является объединение всех сохранившихся на сегодняшний день слобожанских икон на новом уровне, что поможет раскрыть их содержание, расшифровать знаки, символы, образы, скрытые от непосвященного зрителя.

В функциональном смысле каталог позволит выявить социальную ценность слобожанских икон, поскольку в этих предметах присутствуют определенные черты и характеристики породившей их действительности. Каталог должен обеспечивать возможность своего пополнения изображениями икон, недоступных для экспонирования, но важных с точки зрения полноты раскрытия информации о культурном и историческом прошлом Слобожанщины.

В техническом плане каталог будет представлять собой базу данных по слобожанским иконам из музейных и частных коллекций с изображениями и сопроводительным текстом. Возможности каталога должны обеспе-

чить систематизацию и аннотирование данных об иконах, выстроив их по определенному принципу. Это поможет сотрудникам музеев, исследователям других учреждений, представителям разных специальностей и коллекционерам оперативно получать необходимую текстовую и графическую информацию.

Основу каталога составят качественные изображения икон с разных сторон и фрагменты отдельных частей, фото микро- и макро съемки, фото исследования икон в инфракрасных, ультрафиолетовых и рентгеновских лучах — для выявления манеры письма, технологических особенностей и определения времени создания. Собранные данные по атрибуции икон необходимо постоянно уточнять и дополнять новыми сведениями.

Кроме того, предполагается, что в каталоге будет предусмотрен раздел, предназначенный для мониторинга информации, касающейся исторических, искусствоведческих, культурологических, реставрационных исследований по данной тематике.

При этом каталог поможет легко отслеживать движение икон по территории России и за рубежом, сделать информацию о них доступной на любом расстоянии от места их нахождения. Каталогизация позволит предотвратить хищения, так как каждый экспонат будет не только учтен, но каталогизирован и тщательно описан.

Предпосылками создания каталога являются уникальность иконописного наследия Слобожанщины и высокая степень его распределенности по церквям, музейным и частным собраниям, ставшая результатом исторических перипетий XX в.

Посредством каталога в одном виртуальном пространстве иконы Слободской Украины будут включены в процесс коммуникации, в ходе которого культурное наследие, созданное на территории Слобожанщины, будет визуализировано, что позволит популяризировать его, сохранить связь между прошлым и будущим, сделав зрителя сопричастным историческому прошлому.

Irina V. KRASNOVA

External Postgraduate Student,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Moscow, Russian Federation,
krasnova_i@mail.ru

***An Electronic Catalogue of Slobozhanshchina Icons
of the Late 18th – Early 20th Centuries: Prerequisites for Creation, Purposes, Functions***

Abstract. The article substantiates the need to create a virtual catalogue of Slobozhanshchina (Sloboda Ukraine) icons and sets the aim of developing the main characteristics of the projected electronic collection. Based on the use of systemic-historical and historical-genetic methods, documentary sources were analysed, the results of research of Russian and Ukrainian historians and culture scientists were studied. The history of museums in Sloboda Ukraine, which collected works of icon painting, is considered; special attention is paid to the Historical and Church Museum. Until the revolutionary events of 1917, this museum's collections were constantly replenished with new exhibits. The history of the creation of the Museum of Ukrainian Art and the Central Art and History Museum named after Gregory Skovoroda (Museum of Sloboda Ukraine) is analysed. The influence of the events of the twentieth century on the icon-painting heritage of Sloboda Ukraine is considered. This heritage, as a result of the atheistic campaign of the 1930s and the actions of the occupiers during the Great Patriotic War, lost unity and was fragmented between numerous museum and private collections. The consequences of the German fascist invaders' plunder of the museums of Sloboda Ukraine were especially grave: hundreds of thousands of exhibits were destroyed or taken out of the country. The fact of huge and often irreparable losses in the cultural heritage of Sloboda Ukraine by the middle of

the twentieth century is stated. At present, the museums of Sloboda Ukraine have already collected a significant part of icon-painting works (about 500), but this number is not comparable with the richest heritage of Sloboda Ukraine of the beginning of the twentieth century. The author emphasises that a certain number of Slobozhanshchina icons continue to remain in churches and private collections in both Ukraine and Russia. Information about icons received from individuals is insufficient for attribution and museum documentation compilation, so many of the icons have not yet been fully introduced into museum circulation. The way out of this situation, according to the author, is to create an electronic catalogue of Slobozhanshchina icons, which will be a database of icon-painting works from museum and private collections with texts and images. The concept of the electronic catalogue has been developed. The catalogue is designed to unite all the works of Slobozhanshchina icon painting that have survived to date.

Keywords: electronic catalog, Slobozhanshchina icon, museums of Sloboda Ukraine, icon painting, icon-painting heritage.

Использованная литература:

1. Альбом выставки двенадцатого археологического съезда в Харькове 1902 г. / Под ред. Е. К. Редина. М.: Типо-литография Н. И. Гройсман и Г. А. Вендельштейн, 1903.
2. Багалея Д. И. История города Харькова за 250 лет его существования (1655-1905): ист. монография. В 2-х т. – репринт. изд. – Харьков: [Б. И.], 1993.
3. Белогорская-Николаевская пустынь и ея святыни. Курск: Епархиальная типография, 1912.
4. Ерошкина Е.А. История слобожанского сакрального зодчества (конец XVII– начало XX столетия). Харьков: Харьковский нац. ун-т гор. хоз-ва им. А. Н. Бекетова, 2020.
5. Каталог выставки XII археологического съезда в г. Харькове: Отдел церковных древностей / сост. Е. К. Редина. Харьков: Паровая Типография и Литография М. Зильберберг и С-вья, 1902.
6. Краснова И.В. Истоки формирования Слобожанщины как части геокультурного пространства России XVI – первой половины XVII вв. [Электронный ресурс] // Журнал Института Наследия. 2020. №1 (20). URL: http://manage.nasledie-journal.ru/files/file/05_04_2020-16_57_33_hij_2020_1_krasnovai_pdf_1586095053.pdf (дата обращения: 15.09.2020).
7. Краснова И.В. Предпосылки формирования культурной среды на Слобожанщине с древнейших времён до начала XVII в. // Ученые записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). 2020. №2 (24). С. 78-83.
8. Логвин Г. Н. Украинское искусство X–XVIII ст. М.: Искусство, 1963.
9. Пармонов А.Ф. Православные храмы и монастыри Харьковской губернии 1681-1917 гг.: Альбом-каталог. Харьков: Харьков. частн. музей город. усадьбы, 2007.
10. Пивненко А.С. Художественная жизнь города Харькова второй половины XIX – начала XX века (до 1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва, 1990.
11. Припачкин И. А. Иконописание слободы Борисовки. Курск: Полстар, 2009.

References:

1. Redin, E.K. (ed.) (1903) *Al'bom vystavki dvenadtsatogo arkheologicheskogo s'ezda v Khar'kove 1902 g.* [Album of the Exhibition of the Twelfth Archaeological Congress in Kharkiv in 1902]. Moscow: Tipo-litografiya N. I. Groysman i G. A. Vendel'shteyn.
2. Bagaley, D.I. (1993) *Istoriya goroda Khar'kova za 250 let ego sushchestvovaniya (1655-1905): ist. monografiya. v 2-kh t.* [History of Kharkiv for Its 250 Years (1655–1905): A History Book. In 2 Volumes]. Reprint. Kharkiv: [s.n.].
3. Kursk Eparchy. (1912) *Belogorskaya-Nikolaevskaya pustyn' i eya svyatyni* [Belogorskaya-Nikolaevskaya Monastery and Its Shrines]. Kursk: Eparkhial'naya tipografiya.
4. Eroshkina, E.A. (2020) *Istoriya slobozhanskogo sakral'nogo zodchestva (konets XVII – nachalo XX stoletiya)* [The History of Sloboda Ukraine Sacred Architecture (Late 17th – Early 20th Centuries)]. Kharkiv: A.N. Beketov Kharkov National University of Urban Economy.
5. Redin, E.K. (1902) *Katalog vystavki XII arkheologicheskogo s'ezda v g. Khar'kove: Otdel tsirkovnykh drevnostey* [Catalog of the Exhibition of the XII Archaeological Congress in Kharkiv: Department of Church Antiquities]. Kharkiv: Parovaya Tipografiya i Litografiya M. Zil'berbergi S-v'ya.
6. Krasnova, I.V. (2020) The origins of the formation of Slobozhanshchina, as part of the geocultural space of Russia 16th - the first half of the 17th centuries. *Zhurnal Instituta Naslediya – Heritage Institute Journal*. 1 (20). [Online] Available from: http://manage.nasledie-journal.ru/files/file/05_04_2020-16_57_33_hij_2020_1_krasnovai_pdf_1586095053.pdf (Accessed: 15.09.2020). (In Russian). DOI: 10.34685/HI.2020.26.95.011
7. Krasnova, I.V. (2020) Background of Cultural Development of Slobozhanshchina Region from Ancient Times until the Beginning of the 17th Century. *Uchenye zapiski (Altayskaya gosudarstvennaya akademiya kul'tury i iskusstv)*. 2 (24). pp. 78–83. (In Russian). DOI: 10.32340/2414-9101-2020-2-78-83
8. Logvin, G.N. (1963) *Ukrainskoe iskusstvo X–XVIII st.* [Ukrainian Art of the 10th–18th Centuries]. Moscow: Iskusstvo.
9. Paramonov, A.F. (2007) *Pravoslavnye khramy i monastyri Khar'kovskoy gubernii 1681–1917 gg.: Al'bom-*

12. Редин Е.К. Материалы к изучению церковных древностей Украины: Церкви города Харькова. Харьков : тип. "Печатное дело" кн. К.Н. Гагарина, 1905.
13. Шулика В. В. Иконографические программы храмовых стенописей Слободской Украины второй половины XIX - начала XX ст. // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. 2007. № 3. С. 143-150.
14. Шулика В. В. Феномен "Икона в иконе" в иконописи Слобожанщины второй половины XIX - нач. XX в. // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. - 2007. - № 5. С. 173-183.
15. Харьковский исторический музей имени М.Ф. Сумцова [Электронный ресурс]. URL: <http://museum.kh.ua/about/museum-history> (дата обращения: 10.01.2021).
16. Юренева Т.Ю. Музееведение. М. : Институт Наследия, 2020.
17. Жолтовський П. М. Український живопис XVII–XVIII ст. Київ: Наукова думка, 1978.
18. Музейна справа на Харківщині : становлення та розвиток. Харків: Харк. нац. ун-т ім. В.Н.Каразіна, 2009.
19. Паньок Т. В. Слобожанська ікона XVII – початку XIX ст. Харків: Іванова, 2008.
20. Пуцко В. Г. Иконопис Слобожанщини XVII–XVIII ст. – майже втрачене мистецтво // АНТ. Вип. 19-21. Київ: АНТ, 2008. С. 61–65.
21. Таранушенко С. А. Іконостаси Слобідської України. Харків: Харк. приват. музей мисък. садиби, 2011.
22. Таранушенко С. А. Український іконостас // Записки Наукового товариства ім. Шевченка. Т. 227: Праці секції мистецтвознавства. Львів: Наукове товариство ім. Шевченка, 1994. С. 141-170.
- katalog* [Orthodox Churches and Monasteries of Kharkiv Province, 1681–1917: An Album-Catalog]. Kharkiv: Khar'kov. chastn. muzey gorod. usad'by.
10. Pivnenko, A.S. (1990) *Khudozhestvennaya zhizn' goroda Khar'kova vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka (do 1917 g.)* [Artistic Life of Kharkiv in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Until 1917)]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
11. Pripachkin, I.A. (2009) *Ikonopisanie slobody Borisovki* [Iconography of Borisovka Sloboda]. Kursk: Polstar.
12. Redin, E.K. (1905) *Materialy k izucheniyu tserkovnykh drevnostey Ukrainy: Tserkvi goroda Khar'kova* [Materials for the Study of Church Antiquities in Ukraine: Churches of Kharkiv]. Kharkiv: tip. "Pechatnoe delo" kn. K.N. Gagarina.
13. Shulika, V.V. (2007) *Iconographic Programs of Temple Murals in Sloboda Ukraine in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. Vysnik Kharkyvs'koy derzhavnoy akademiy dizaynu y mistetstv.* 3. pp. 143–150. (In Russian).
14. Shulika, V.V. (2007) *The Phenomenon "Icon in Icon" in the Icon Painting of Slobozhanshchina in the Second Half of the 19th — Beginning of the 20th Centuries. Vysnik Kharkyvs'koy derzhavnoy akademiy dizaynu y mistetstv.* 5. pp. 173–183. (In Russian).
15. *M.F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum.* [Online] Available from: <http://museum.kh.ua/about/museum-history> (Accessed: 10.01.2021).
16. Yureneva, T.Yu. (2020) *Muzevedenie* [Museology]. Moscow: Heritage Institute.
17. Zholtovs'kiy, P.M. (1978) *Ukrayns'kiy zhivopis XVII–XVIII st.* [Ukrainian Painting of the 17th–18th Centuries]. Kyiv: Naukova dumka. (In Ukrainian).
18. Kudelko, S.M. & Pavlova, O.G. (eds) *Muzeyna sprava na Kharkyvshchiny: stanovlennya ta rozvitok* [Museum on the Right in Kharkivshchyna: Origin and Development]. Kharkiv: Kharkiv National University. (In Ukrainian).
19. Pan'ok, T.V. (2008) *Slobozhans'ka ykona XVII – pochatku XIX st.* [Slobozhanshchina Icon of the 17th – Early 19th Centuries]. Khar'kiv: Ivanova. (In Ukrainian).
20. Putsko, V.G. (2008) *Ikonopis Slobozhanshchini XVII–XVIII st. – mayzhe vtrachene mistetstvo* [Icon Painting of Slobozhanshchina in the 17th–18th Centuries]. ANT. 19-21. pp. 61–65. (In Ukrainian).
21. Taranushenko, S.A. (2011) *Ikonostasi Slobyds'koy Ukraini* [Iconostases of Sloboda Ukraine]. Kharkiv: Khar'kov. privat. muzey mys'k. sadibi. (In Ukrainian).
22. Taranushenko, S.A. (1994) *Ukrayns'kiy ykonostas* [Ukrainian Iconostasis]. In: *Zapiski Naukovogo tovaristva im. Shevchenka. T. 227: Pratsy sektsyy mistetstvoznastva* [Notes of the Shevchenko Scientific Association. Vol. 227: Proceedings of the Section of Art History]. Lviv: Shevchenko Scientific Association. (In Ukrainian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Краснова, И. В. Электронный каталог слобожанских икон конца XVIII – начала XX веков: предпосылки создания, цели, функции / И. В. Краснова // Наследие веков. – 2021. – № 1 – С. 109–117. DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.009

Full bibliographic reference to the article:

Krasnova, I. V. (2021) *An Electronic Catalogue of Slobozhanshchina Icons of the Late 18th – Early 20th Centuries: Prerequisites for Creation, Purposes, Functions* *Nasledie vekov – Heritage of Centuries.* 1. pp. 109–117. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.009

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

BOOK REVIEWS

ЯРКОВ Александр Павлович

доктор исторических наук,
профессор кафедры археологии,
истории древнего мира и средних веков
Тюменского государственного университета,
Тюмень, Российская Федерация

Alexander P. YARKOV

Dr. Sci. (National History; Ethnography),
Prof., Tyumen State University,
Tyumen, Russian Federation,
ayarkov@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-3202-4424

АЛТУХОВА Светлана Алексеевна

кандидат исторических наук,
заведующая отделом фондовых коллекций и социокультурных
проектов Библиотечно-музейного комплекса
Тюменского государственного университета
Тюмень, Российская Федерация

Svetlana A. ALTUKHOVA

Cand. Sci. (General History),
Tyumen State University,
Tyumen, Russian Federation,
iana.asol@mail.ru

ORCID: 0000-0002-8035-7725

УДК 39-056.45(571.1/.5)19/20"
ГРНТИ 03.61.91
ВАК 07.00.07

DOI: 10.36343/SB.2020.25.1.010

О гуманитарии «высшей пробы»

Рец. на книгу:

Зеркала культур: Памяти А.М. Сагалаева / сост.
предисл. К.А. Сагалаев; отв. ред. А.П. Деревянко,
А.Х. Элерт. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии
и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2019.
ISBN 978-5-7803-0297-1.

On a Top-Quality Humanity Scholar

Book Review:

Derevianko, A.P. & Elert, A.Kh. (Eds) (2019) *Zerkala
Kul'tur: Pamyati A.M. Sagalaeva* [Mirrors of Cultures:
In Memory of A.M. Sagalaev]. Novosibirsk: Institute
of Archeology and Ethnography, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences.
ISBN 978-5-7803-0297-1.

Рецензируется книга, посвященная доктору исторических наук, профессору Андрею Марковичу Сагалаеву, выдающемуся российскому этнографу, педагогу, общественному деятелю. Коллективный сборник, авторами которого стали коллеги, ученики и близкие друзья Андрея Марковича, содержит научные статьи, полевые и архивные материалы, переводы, так или иначе связанные с темами мифологии, фольклора, культовых практик народов Сибири и Дальнего Востока. Вторую часть книги составили материалы, которые можно отнести к эпистолярному жанру: воспоминания, письма и газетная публицистика, и которые в более полной мере позволили раскрыть разносторонность научных интересов Андрея Марковича Сагалаева и грани его неординарной личности.

Ключевые слова: Андрей Маркович Сагалаев, Томск, биография, научная и педагогическая деятельность, этнография, культура, архаическая культура, мифология, шаманизм, Сибирь, Дальний Восток.

В кругу работ по культурной антропологии появилось ещё одно издание [1], отражающее состояние этого направления гуманитаристики в Сибири. Оно вышло в свет в 2019 году и посвящено памяти Андрея Марковича Сагалаева (1953–2002) — выдающегося российского учёного, педагога, общественного деятеля, благодаря которому получила

мощный импульс интеллектуальная среда Новосибирска и Томска.

Структурно книга состоит из двух частей. В первую — научную — включены статьи, архивные и полевые материалы отечественных и зарубежных исследователей, тематически созвучные трудам А. М. Сагалаева. Это вопросы этнографии, мифологии и фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Вторая часть сборника — сугубо биографическая — содержит воспоминания людей, знавших Андрея Марковича лично, а также его письма и избранные публицистические работы.

Самое удивительное в том, что, несмотря на биографичность книги, её «заточенность» на личность, главным героем и смысловым стержнем всех без исключения статей и материалов является культура. По представлениям самого Андрея Марковича, «культура не всегда должна воплощаться в храмах и городах, рукописях и идеях» [1, с. 309]. Она как бы имманентно присутствует во всем, что окружает (предметно-материальном мире), и в том, что присутствует в нас (представления, мысли и смыслы о мире и нас самих в этом мире).

На фоне ещё расхожего тезиса об «уровнях» культуры, ложного разделения её на «высокую» и «не совсем...» не случайным кажется выбор заглавия книги — «Зеркала культур», отражающего и множественность культуры, и стремление отразить этот феномен в исследованиях, публикациях, обсуждениях.

Андрей Маркович не был культурологом в прямом (и узкодисциплинарном) смысле. Он

был широко мыслящим ученым, работавшим на «передовой», то есть «в поле». Его многочисленные этнографические и археологические экспедиции и профессиональные поездки в Хакасию, на Алтай, на север Западной и в Восточную Сибирь, в Соединенные Штаты Америки и Японию как бы соединили, замкнули в жизни одного человека Запад и Восток, традиционность и современность.

Исследовательская позиция А. М. Сагалаева во многом обусловлена его пониманием культуры как синтетического явления. Идея очень емко выражена в его высказывании об архаической культуре (оно вынесено на нижнюю крышку переплета сборника): «Жизнь народов Сибири — это не черновики Истории или ее неудачные варианты. Это просто иной путь, единственно возможный в их экологической нише... Архаичная культура не нуждается ни в защите, ни в оправдании. Она требует понимания».

В первую часть сборника вошли работы известных отечественных гуманитариев: А. А. Бадмаева, А. В. Бауло, А. В. Головнёва, Д. Г. Коровушкина, В. И. Молодина, Н. Р. Ойноктиновой и др., отчасти отразив научные интересы самого Сагалаева.

А они были достаточно разносторонни: архаичное мировоззрение и духовная культура коренных народов Южной и Западной Сибири, процессы взаимодействия мировоззрения коренных народов Сибири и мировых религий. Конечно, сфера основных интересов лежала в плоскости исследования культуры тех, кто издавна проживал в Сибири и на Дальнем Востоке. Но не менее интересны читателю наблюдения и размышления Андрея Марковича о современности, о происходящих трансформациях (а всегда ли «модернизациях»?) постсоветского общества. Анализировались ученым глобальные и локальные (сибирские, например) политические процессы, что отражено во второй части сборника.

Темой научных интересов А. М. Сагалаева являлся и шаманизм. Сагалаев считал, что этот феномен выходит за узкие рамки эволюционной теории (определяющий шаманизм как начальную стадию религиозного мировоззрения), предвещающей появление мировых систем. В его понимании, сибирский ша-

манизм — это особая форма натурфилософии природы с ее уникальным комплексом представлений, обрядово-ритуальной и культовой составляющими.

В сборнике практики шаманизма рассматриваются широко. Так, концептуальный «срез» прослежен в статье Д. Ю. Доронина «Конструируя шаманизм: новые значения для алтайской фольклористики». Автор оспаривает «универсально-стадиальную модель» шаманизма, согласно которой он рассматривается через полноту сохранности цельного мифо-ритуального комплекса, включающего и шаманские мистерии, и ритуальное облачение с культовыми предметами, и мифологические представления о божествах и духах, и практики, связанные с психофизиологическими аспектами деятельности шамана — шаманским даром, шаманской болезнью, посредничеством и трансом. В противовес этому Доронин предлагает рассматривать шаманизм как «сложный неоднородный конструкт, к созданию которого в разное время оказались причастны путешественники, этнографы, отцы-миссионеры, психиатры, атеистические работники и религиоведы, журналисты и эзотерики, психотерапевты и (нео)шаманы, работники культуры и национальные лидеры» [1, с. 92]. Эта «панорама» предстает перед авторами рецензии в экспедициях, когда «шаманами наряжаются» бывшие фельдшера и деятели культуры. Причина перевоплощения, полагаем, не только примитивно-утилитарная (меркантильная). Очевидно, следует согласиться с Д. Ю. Дорониным, что определяющей тенденцией современного шамановедения является переход с макроуровня эволюционных реконструкций на микроуровень. Он понимается как переключение внимания с построения эволюционно-стадиальных моделей шаманизма (и его включения в общую сетку развития религиозного мировоззрения) на анализ контекста бытования конкретных разновидностей и исследование «низового уровня» этого конструирования в среде его «носителей» [1, с. 92].

В русле последней тенденции выстроено большинство статей, включенных в сборник. Некоторые посвящены фиксации и введению в научный оборот ритуальных текстов и ша-

манских обращений, малых жанров фольклора и личных историй современных «неошаманов». Значимость этих исследований трудно переоценить. В частности, Р. К. Бардина, обратившись к записи личных песен П. М. Тынзяновой (судьба ее весьма типична для современных обских манси), отметила, что они оказались зафиксированными совершенно случайно и были известны лишь узкому кругу людей, в основном родственникам и близким [1, с. 181]. Другой автор — Г. Е. Солдатова — записала три текста из поселения Щекурью, полнотой их расшифровав.

В сборнике присутствуют и уникальные материалы. Иные представляют этнографическую ценность, потому как собраны сто (и более) лет назад. К ним относятся записи космологических воззрений вогулов (манси), сделанные финским исследователем А. Каннисто в начале XX в. и переведенные Н. В. Лукиной. З. Надь и Н. Тучкова публикуют селькупские сказки, собранные выдающимся венгерским ученым-путешественником, этнографом и лингвистом К. Папай в 1888 г. Это, заметим, первые фольклорные сборы у среднеобской (иванкинской) группы селькупов.

Ряд опубликованных в сборнике статей посвящен генезису мифологем, выявлению общего и особенного в мифологических сюжетах разных этносов и этнических групп, поиску заимствований и источников происхождения отдельных мифических (культурных) героев и сюжетов.

А. М. Сагалаев замечал, что деление мира на три уровня — Верхний, Средний и Нижний — слишком условно. Изучать же их необходимо в контексте того, каким его видят сами носители. Но многие авторы верны схеме: Н. Р. Ойроткина обратилась к исследованию архетипов мифологических персонажей (присутствующих в шаманской мифологии алтайцев), а именно к божествам нижнего пантеона: Падыш-Керей, Падыш-Бёкё, Шынай-Каан, где первые два имени, замечено, позаимствованы в исламском мире. Ойроткина пришла к выводам, что иные шаманские тексты сохраняют древнейшие архетипы и символы, связанные с представлениями об устройстве мира, о жизни на земле и потустороннем мире. На основе этнолингвистического анализа имен этих бо-

жеств исследовательница выявила, что они могли возникнуть на «базе» архетипов, существовавших в древних мифологиях, в частности, в древнегреческой и шумеро-вавилонской. Сказано, что «Образ Падыш-Керея „в лодке без весел“ ассоциируется со старым Хароном, перевозчиком душ в подземном царстве Аида. Образ Бий-Дьябаша с гривой жеребца находит параллель с кентавром, а образы Шынай-хана, поднимающего потоп, и Падыш-Бёкё, проглатывающего жернова, ассоциируются с подземными титанами, вызывающими различные природные стихии. Образ Киштей можно сравнить с Медузой, с одной из трех древнегреческих Горгон». Объяснение столь глубоких корней алтайской мифологии автор находит в культурно-исторических контактах предков алтайцев с другими народами, разноплеменном составе тюркских этносов Южной Сибири, что подтверждает синкретичный характер архаичного фольклора [1, с. 44–45].

Н. О. Тадышева рассматривает мифологические представления тюрков Саяно-Алтая на примере трёх образов: «огонь — молоко — дерево». С одной стороны, она отмечает, что сюжеты прослеживаются во многих мифах алтайцев, тувинцев и хакасов. Это можно объяснить их общей историей и сохранением близкого культурного «кода». Как и тем, что сюжеты относятся к неким мировоззренческим универсалиям, определяемым природным и историческим опытом. С другой стороны, каждый этнос формирует собственный образ мира, выражающий присущую только ему картину мира [1, с. 70–71].

К схожим выводам приходит и О. В. Василенко, обратившись к изучению казымского локального варианта хантыйской мифологемы «река» в обрядовом песенном фольклоре. По ее мнению, «мифологема реки питает образно-символический параметр сакральных и профанных песен Медвежьего праздника. Мифологема реки представляет собой важнейшую единицу. Очевидным становится и присутствие в культуре северных (казымских) ханты не только номинативной функции («оживление мира» в именах, реформирование мира через его переименование), но и коммуникативной (мифологемы в качестве «слов» ритуального словаря общения). Это реализует

концепты мифологического мышления; имеет стабильное содержание (и тем приближается к аллегории). Мифологема реки, например (1, с. 160), — это «ценностная форма культурной памяти этноса». Таким образом проявляются семантические возможности как внутри заданной содержательной традиции, так и в сочетании с другими мифологемами.

Несколько статей посвящены изучению зооморфных образов. Например, образ змеи в мифологии бурят рассматривается в работе А. А. Бадмаева; орнитологическим сюжетам в религиозных представлениях и мифотворчестве народа манси посвящена статья А. А. Люцидарской и Е. М. Мелешко. Подобные исследования значительно пополняют архивный багаж науки, так как наглядно визуализируют и конкретизируют отдельные фрагменты картины мира различных регионов и социумов, выявляя символику и семантику их мифологем и культов.

Особое место в сборнике занимают работы, посвященные описанию культово-обрядовых и ритуальных элементов. Наверное, именно эту деятельность Андрей Маркович считал самой значимой для этнографа, поскольку только так и можно исследовать культуру. Ведь у нее нет заданных «изначально» универсалий. Нет и абсолютно идентичных сюжетов. Соответственно, каждая из культур («больших» и «малых») уникальна. Это отражается в ритуальных практиках и в мифологических сюжетах, в культах и традициях, в предметно-бытовой среде. Описывая и фиксируя их, этнограф не только работает на сохранение этих элементов, но и изучает традицию, погружается в нее, принимает ее смыслы и ее язык. Тем более что чем дальше от нас отстоит элемент (явление / дискурс) культуры, тем труднее детально и достоверно описать его. Сложно найти носителей и тех, кто помнит...

Пессимистична ситуация в традиционном для Горного Алтая виде промысла. Об этом пишет (и это его право) Д. Г. Коровушкин, считая, что за небольшой исторический период (в сто лет) в охотничьем промысле жителей произошли колоссальные и необратимые изменения. Культурная традиция автохтонов, чья экономика базировалась на этом

промысле (вплоть до позднесоветского периода), в настоящее время трансформировалась в охоту ради развлечения. А это весьма затратное средство получения удовольствия от собственного умения и удачливости.

Сложно обстоит дело с сохранением погребального обряда у северных ороков (уйльта). По материалам, собранным еще советскими этнографами Б. А. Васильевым и Ю. А. Семом, Л. В. Озолина удалось восстановить содержание этого обряда и определить, что он во многом сходен с обрядами погребения амурских тунгусо-маньчжуров. Тогда как в настоящее время в Сахалинской области (где компактно проживают северные ороки) этот обряд полностью утрачен, без сохранения даже устных преданий о нем.

Подобным образом дело обстоит и с этикетными нормами нганасан, которые ранее были представлены в иносказательных песнях кэйнгэйрса, существовавших до последнего времени и выполнявших этикетную функцию. Особенно в ситуациях, когда прямое речевое общение между людьми было запрещено или нежелательно (в частности, при знакомстве юношей и девушек, в ситуациях ссор, соперничества и др.). О. Э. Добжанская пишет, что кэйнгэйрса как живое фольклорное явление не сохранился, оставшись только в памяти пожилых людей, наблюдавших его в прошлом и запомнивших [1, с. 226].

Прочитывая сборник, ловим себя на мысли, что тексты авторов отражают взгляды разных направлений гуманитарного знания. Археологи пытаются реконструировать вещный мир, воссоздавая утраченный контекст. Этнографы печалются о безвозвратно ушедшем. Культурологи увещевают: во все времена утраты и потери в культуре (она не монумент) реальны¹, но важно различать, по каким статичным или динамичным законам развиваются эти элементы — отступают под напором цивилизации и технического прогресса или эволюционируют, трансформируются.

Как представляется, К. А. Сагалаев принимал диалектику культурных трансформаций, осторожно относясь к теории модерни-

¹ Хотя некоторые исследователи говорят о редукации, а по сути деградации, отдельных элементов культово-обрядовой жизни.

зации (в годы его деятельности еще «пробивавшуюся» в отечественной науке). Сохраняя традицию, важно понимать, чем вызвано ее бытование в новых условиях и насколько новации естественны. В статье самого К. А. Сагалаева, посвященной культовым практикам обитателей реки Юган (и написанной по материалам экспедиций), подтверждается сохранение в живом виде *прежнего*, а именно почитания семейных духов-покровителей. Отмечено использование в бытовом общении хантыйского языка и ношение в повседневном быту (женщинами) национальной одежды, регулярное проведение Медвежьего праздника [1, с. 201].

На фоне «плача Ярославны» отдельных этнографов оптимистичен взгляд Э. В. Енчинова, подробным образом описывающего один из значимых ритуалов алтайцев — Арчын (добыча можжевельника¹) [1, с. 91]. Следование ему подтверждает не только его роль в сплочении людей, сохранении знаний, передаваемых из поколения в поколение, сохранении «сетки» ритуалов, но и его значение в поддержании и трансляции этнической идентичности жителей Горного Алтая (тех, для кого важен механизм активизации — сопричастности совершающего обряд к защите «нити» исчезающих традиций).

Н. А. Тучкова рассмотрела правила селькупского гостевого этикета, отражаемого в фольклоре. Она смогла выявить тот факт, что целый ряд селькупских фольклорных текстов несёт в себе мощный соционормативный и педагогический заряд. Именно сказки — основной хранитель информации о правилах этикета. В традиционной селькупской культуре (для которой характерна немногословность и сдержанность речи в передаче опыта) через сказки прививались знания: как «правильно» встречать и провожать гостей; как «неправильно» себя вести и «какими опасностями это чревато» [1, с. 243].

Есть в сборнике и материалы, позволяющие приблизиться к исследовательской «кухне» этнографа, раскрывающие специфику технологии его ремесла. К таковым можно отнести статью А. В. Бауло, посвященную истории

¹ Непосредственным его участником Э. В. Енчинов стал 29–30 июля 2017 г. в Усть-Канском районе — в местечке Таркаты.

открытия тайны инициалов «ПБ». Они были оставлены на серебряной пластине из сборов совместной экспедиции автора статьи, А. М. Сагалаева и И. Н. Гемуева по северным районам Западной Сибири. Автор подробно описывает исследовательский путь, каким образом шел поиск, погружаясь в фонды местных и столичных музеев, атрибутируя различные предметы, обладающие внешним сходством технологического исполнения и сюжетов нанесенных рисунков. Так определилось имя мастера серебряных дел — тоболяка Петра Брюханова. Было (попутно) объяснено применение ряда предметов в обрядовой практике угров. При этом автор сделал значимое открытие о взаимовлиянии культур — пришлой и аборигенной, когда русские мастера специализировались на производстве металлических изделий для духовных практик [1, с. 138].

Не менее интересен рассказ об опыте работы киностудии «ТГУ-фильм» и студии «Визан» и их роли в становлении отечественной визуальной антропологии (статья В. В. Шубина). Ведь «За многолетнюю деятельность сотрудниками студии было создано более 100 научных и научно-популярных фильмов и телевизионных передач <...> накоплен богатейший архив фотодокументов, насчитывающий десятки тысяч единиц хранения, собран обширный фольклорный архив с записями носителей традиционной культуры коренных народов Сибири» [1, с. 169].

И неспроста замыкает первую часть сборника «Зеркала культур» статья А. В. Головнёва, делая «круговой поворот» к началу разговора — о преемственности культур, первобытных и современных, особенностях научных подходов, школ и дисциплин — археологии и этнографии (статья В. И. Молодина и Н. С. Ефремова «Культовые сооружения кыштовской культуры — от эпохи Средневековья до Нового времени»). Головнёв, исследуя движение кочевников, находит проявление этого алгоритма не только в «кружевном» («лепестковом») дизайне движения стада, но и в свадебном караване ненцев, в обряде захоронения, ритуальном танце. Его вывод парадоксален: «пространственное кружение представляет интерес не только как поведенческий эффект, но и как универсальный

прием физического и ментального охвата пространства» [1, с. 257]. Именно круговой «орнамент», присутствующий во многих культово-обрядовых практиках, во многих образах и мифологических сюжетах говорит о связи индивидуального и коллективного, временного и целостно-пространственного. Круговое движение обладает социально-индивидуальной энергией и очень близко этничности, ассоциативно с ней.

Научная значимость представленного сборника заключается не только в том, большинство работ фиксируют и вводят в научный оборот внушительное число этнографических материалов, источников устного творчества. Представленные работы наглядным образом подтверждают идею Андрея Марковича Сагалаева о том, что любые попытки составления «всеобъемлющей», «универсальной», картины мира, схемы пантеона или культово-обрядовых практик шаманизма обречены

на провал. И не только потому, что собранная информация не полна, фрагментарна и не комплексна. Но и, в первую очередь, потому, что каждая локальная группа разрабатывает свои варианты преданий и мифов, свою картину мира.

При этом для каждого социума и индивида этот комплекс обладает характерными чертами, находящими отражение в мифологических сюжетах и в культово-обрядовых практиках. Каждый из шаманов на практике создавал свойственную только ему «виртуальную Вселенную». Эта модель, разумеется, во многих чертах совпадала у представителей одной или нескольких анализируемых групп. Подобные модели включают также более древние символы и архетипы, свойственные широкому кругу людей [1, с. 35].

Согласимся с Андреем Марковичем Сагалаевым: «Культура многогранна, и приходится вникать» [1, с. 52].

Alexandr P. YARKOV

Dr. Sci. (National History; Ethnography),
Prof., Tyumen State University,
Tyumen, Russian Federation,
ayarkov@rambler.ru

Svetlana A. ALTUKHOVA

Dr. Sci. (National History; Ethnography),
Prof., Tyumen State University,
Tyumen, Russian Federation,
iana.asol@mail.ru

On a Top-Quality Humanity Scholar

Abstract. The reviewed book describes the life and research work of Andrey Sagalaev (1953–2002), a famous Russian ethnographer, doctor of historical sciences, professor, public figure. Colleagues, students and friends of Andrey Sagalaev became the authors of the collective monograph. The first part of the book contains scholarly articles, field and archival materials, and translations related to the themes of the mythology, folklore, cult practices of the peoples of Siberia and the Far East. Culture is viewed as a synthetic phenomenon that goes beyond the narrow framework of evolutionary theory in these works. Culture does not have universals given “initially”. There are no absolutely identical plots. Accordingly, each of the cultures (“large” and “small”) is unique. Andrey Sagalaev believed that an archaic culture and an archaic society are a unique way of development, and the only possible one in the harsh environmental conditions of Siberia, the North, or the Far East, and this way requires understanding. He viewed Siberian shamanism as a special form of the natural philosophy of nature with its unique complex of ideas, ceremonial-ritual and cult components. The authors of the monograph developed these ideas in their research included in the book. They examine the themes of shamanism, the genesis of mythologems, the identification of the general and the special in the mythological plots of different

ethnic groups, the search for borrowings and sources of origin of certain mythical (cultural) heroes and plots, the description of cult and ritual elements. The second part of the book contains materials that can be attributed to the epistolary genre: memoirs, letters, and newspaper journalism. These issues made it possible to more fully reveal the versatility of Andrey Sagalaev's research interests and the facets of his extraordinary personality.

Keywords: Andrey Markovich Sagalaev, Tomsk, biography, research and pedagogical activity, ethnography, culture, archaic culture, mythology, shamanism, Siberia, the Far East.

Использованная литература:

1. Зеркала культур: Памяти А.М. Сагалаева / сост. предисл. К.А. Сагалаев; отв. ред. А.П. Деревянко, А.Х. Элерт. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2019.

References:

1. Derevianko, A.P. & Elert, A.Kh. (eds) (2019) *Zerkala kul'tur: Pamyati A.M. Sagalaeva* [Mirrors of Cultures: In Memory of A.M. Sagalaev]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Ярков, А. П. О гуманитарии «высшей пробы» / А. П. Ярков, С. А. Алтухова // Наследие веков. — 2021. — № 1. — С. 118–125. DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.010 – Рец. на кн.: Зеркала культур: Памяти А.М. Сагалаева / сост. предисл. К.А. Сагалаев; отв. ред. А.П. Деревянко, А.Х. Элерт. Новосибирск: Изд-во ин-та археологии и этнографии Сиб. отд-ния Рос. акад. наук, 2019.

Full bibliographic reference to the article:

Yarkov, A. P. & Altukhova, S. A. (2021) On a Top-Quality Humanity Scholar. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 1. pp. 118–125. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2021.25.1.010

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№1 (25)
2021

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2412-9798

16+

ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 76198 от 19 июля 2019 г.

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки был использован фрагмент цифровой копии фото Opening of the first General Conference of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (UNESCO), at the Sorbonne, Paris, November 20, 1946.
© UNESCO/Eclair Mondial

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Верстка html-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков

Редактура текстов статей:

О. О. Карслидис

Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:

О. О. Карслидис, А. В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур

Редактура аннотаций на английском языке:

В. В. Кашпур

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593
- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Номер сверстан: 30. 03. 2021

Размещен в сети Интернет: 31. 03. 2021

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297 (60x84/8)

Усл. печ. л.: 14,88.

Уч.-изд. л.: 11,6

Размер файла: 11,18 Mb

© Наследие Веков

© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»

© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»